

ЗОЯ КАРПОВА

ЗВЕЗДОЛЁТ

Потомки атлантов стали вечными скитальцами на просторах Галактики. Из-за всепланетного катаклизма атланты бросили насиженные места и отправились к звёздам в поисках счастья... Это был тысяча первый звездолёт, «Скиталец-1001», который мы построили в течение перелёта на неизведанную планету, используя материалы захваченных ранее астероидов. Наш путь лежал на неизведанную планету в далёкую звёздную систему, где никто никогда ещё не был. Героиню Васку Торн, молодого пилота «Скитальца-1001», и её сотоварищей ждут необыкновенные приключения. Быстроходный клипер, посланный на разведку в полость Роша, угодит в гравитационный капкан двойной звезды. Астронавты окажутся на обитаемом Острове погибших космических кораблей. Островитяне нападут на «скитальцев», захватят клипер, а кого-то возьмут в плен. Враг обладает новейшими технологиями; он силён, коварен и опасен. Только решительный бой и великолепная смекалка могут помочь героям.

Глава 1 Трансзвёздный Скиталец

Пролог

Потомки атлантов, ставшие вечными скитальцами на просторах Галактики, каждый раз накануне очередного корабельного Нового Года, смотрели хронику давних событий. Всепланетный катаклизм, заставивший предков бросить насиженные места и отправиться в поисках счастья, куда глядят глаза, раз за разом наводил на глубокие размышления. На огромном экране сменялись кадры ушедшей Истории Атлантиды.

Вздыхалась и опадала стальная поверхность океанской воды, как грудь тяжело дышащего огромного монстра. Сквозь плотные тёмно-зелёные тучи просачивался красный свет заходящего Солнца, одного единственного над Землёй. Из-под чёрной маслянистой воды величаво выросла гребень горной гряды. Скалистые острова обнажали маковки и быстро высыхали под пробивающимися солнечными лучами. Кое-где над гранитными разломами нависали лесные шапки уцелевшей растительности. Лесной бурелом прикрывал молодую зелёную поросль, которая устремлялась в освободившееся от водной стихии пространство.

На горизонте нескончаемо полыхала пожарами океанская гладь с разлитой на акватории нефтью. Языки пламени окантовывались спиралями багрово-сизого дыма. Клубящееся море поднималось высоко вверх, распугивая редкие кучевые облака, где охлаждались и спускались вниз, отравляя воду, планктон и водоросли. Морские птицы и животные вышли на берег и густо облепили новорожденный клочок суши.

Отголоски всепланетного цунами, которое гигантскими языками подлизало все континенты Земли и сравняло с небытием цивилизованный мир Атлантиды, впечатывались в мозг каждого зрителя надолго. Катаклизм продолжался. Ещё беспокоили планету бурлящие энергией земные недра. Океанское дно сотрясалось и через жерла подводных вулканов изрыгало фонтаны раскалённой магмы на многие километры вокруг них. Магма застывала пористой пенообразной структурой, которую океанские течения прибывали к берегу. Земная кора выгибалась и в муках рождала новую сушу, новую землю. Горная цепь росла и ширилась, освобождаясь от долгого сна в пучине мирового океана. Это рождался новый мир, другая цивилизация. Это наступал новый рассвет новой истории.

Старики вздыхали, безмолвно утирали слезы и тихо радовались, глядя на молодой состав экипажа. Несмотря ни на что, атлантам удалось прорваться к звёздам. Новые астронавты знают лишь кусочек земной истории, но и это — достижение. Дети должны год за годом смотреть этот фильм, чтобы помнили, где их колыбель. «Ом мани падме хум», — повторяли старые атланты.

Глава первая

Трансзвёздный Скиталец

Это был тысяча первый звездолёт, «Скиталец-1001», который мы построили в течение перелёта на неизведанную планету, используя материалы захваченных ранее астероидов. Экипаж переселился в новый космический дом. Старые корпус и оборудование пошли на переплавку. Наш путь лежал на неизведанную планету в далёкую звёздную систему, где никто никогда ещё не был. Я имею в виду из наших, — потомков землян. Да и что такое планета, пожалуй, мало, кто из всех нынешних обитателей звездолёта мог вообразить. Трудно представить, что где-то среди звёзд есть такое небесное тело, которое имеет

атмосферу не внутри, а снаружи, и она никуда не улечивается в открытый космос. По-моему, это сказки. Мне и моим друзьям, и всем нашим испытателям давно известно, что такое утечка воздуха из отсека или разгерметизация скафандра.

Я достаточно хорошо помню ту аварию со статусом номер семь, когда весь наш экипаж вынужден был ютиться в отдельном грузовом отсеке, пока спасательный отряд заделывал брешь между внешней стенкой обшивки звездолёта и внутренней переборкой. Мы сбились в кучу в тесном ангаре, там было очень жарко, так как не работала система термостабилизации, а потом наступила фаза кислородного голодания. Нечем стало дышать. Погасли люминесцентные лампы на потолке, и мы оказались в полумраке при пульсирующем свечении дежурных маячков, обозначающих створки шлюза. Я тогда училась в восьмом классе. Мои одноклассники сидели полукругом около старшего воспитателя, Иова Глерки, и в полубморочном состоянии слушали, как он гнусавым голосом повторял скучные параграфы и пункты инструкции по технике безопасности.

Испуг сменился абсолютным безучастием к происходящему, возникли картины живейшей галлюцинации. Мозг перестал различать явь и навь. Танцующие монстры с тыквами вместо голов, отрывались по полной программе, одним за другим выпрыгивая из головы старого шизофреника, воспитателя Иова Глерки. Вместо глаз монстры имели треугольные прорезы, откуда полыхало красное свечение дежурных маячков.

Иногда эти жуткие воспоминания накатывают на меня, словно девятый вал, обрушивающийся ударной волной на борта звездолёта, когда он внезапно попадает в сверхплотную среду невидимой тёмной материи. Турбулентные потоки, возникающие по ходу движения в тёмном облаке, сотрясают корпус космического дома так сильно, что кажется, вот-вот он рассыплется в пыль и прах. Наши молекулы: аминокислоты, рибоксинуклеиновая и дезоксинуклеиновая кислоты, затеряются в космосе и через миллионы лет станут центром зарождения обычной звезды и, возможно, прорастут зёрнами новой жизни. В такие мгновения изменяется восприятие реальности, и я снова оказываюсь там, в грузовом отсеке.

Закрытое помещение без иллюминаторов оглушает внезапной тишиной. Я начинаю тяготиться столь малым пространством, мне, как тогда в детстве, опять не хватает воздуха. Я знаю, что это клаустрофобия, но не хочу с подобным диагнозом мириться. «Мы будем бороться, сражаться насмерть», — мысленно уговариваю своё «Я» не сдаваться. Сухая жара обжигает кожу раскалённым дыханием взбесившихся обогревателей. Липкий пот струйками стекает по вискам к подбородку и спине вниз к пояснице. Нижнее бельё намокает и сразу же неприятно прилипает к телу. Дискомфортное состояние длится недолго, но подлое подсознание, всё же, успевает воззвать к тыквенным монстрам. Они просачиваются сквозь стены звездолёта из космического вакуума и по очереди дразнятся, приглашая в общий круг сплясать огненную джигу. Отворачиваюсь от мерзкого зрелища и представляю, что я кристалл аммиачного льда, тогда чудовищные галлюцинации, напоследок злобно мигнув красными глазницами, нехотя уползают обратно в свой мировой вакуум, царящий за бортом корабля. Уф! Я чувствую, что кондиционер шумит как обычно, значит, работает исправно; озонированный воздух наполняет каюту, и я с облегчением вдыхаю свежую струю. Клаустрофобия отступает: «Мы, тело, душа и моё внутреннее «Я» победили!»

Давно это было. Несколько лет прошло по корабельному времени. С тех пор я, Васка Торн, уже получила диплом пятого пилота в дублирующем составе и сертификат второго штурмана в основном экипаже. Чем страшно гордилась и размахивала словно флагом,

правда только перед собой и моим любимым дедушкой. Оставаясь дома, в своей каюте, я крутилась перед зеркалом, разглаживая тёмно-синюю форму пилота на талии. Отражение же неумолимо показывало ещё по девически стройное до худобы тело. Женские гормоны запаздывали как-то и не торопились осчастливить хозяйку приятной сферической конфигурацией. Скромный размер сливовидных округлостей увеличивала вата в бюстгальтере. Большие круглые глаза я подчеркивала тонкой макияжной линией. Ну а зелёные волосы ёжиком укладывала гелем так, чтобы послушно лежали под форменной береткой. «Если издали смотреть, — то, пожалуй, сойду за опытного звёздного волка!» На людях же обычно старалась быть скромной, как того требовал этикет, и ни перед кем не проявлять и не показывать никаких чувств. Но строгий дедушка всё равно частенько ругал меня за спесивость, особенно, когда видел мои экзерсисы перед зеркалом. За что я сильно обижалась на деда, считая эти незаслуженные слова безосновательными придирками.

После той злополучной аварии, когда весь наш восьмой класс почти месяц провалялся в лазарете, старшие звездоплыватели решили, — пора строить более совершенный звездолёт и перебраться в новый космический дом. Тыквенные монстры, однажды проникнув на корабль, никуда не исчезли тогда и «навещали» в палате не только меня, но и моих одноклассников. Они клятвенно заверяли, что приходили к нам лишь поиграть и никому не желали зла. Психолог, терпеливо выслушивая сказки детских пациентов, недовольно хмурила брови и выписывала нам лошадиную дозу элениума, рецепт которого чудом сохранился в медицинском арсенале со времен старта первого Скитальца с орбиты Земли.

Для скорейшего выздоровления корабельный педиатр прописывала нам лекции о Большом Взрыве и формировании Вселенной. Ради наглядности теоретических постулатов детей водили в планетарий, где подробно учитель астрономии рассказывал школьникам о строении Солнечной системы. Голограммы Венеры, Земли и Марса призывали представить, как выглядят планеты в зоне обитания Златовласки, или иначе пояса жизни. Красивое зрелище, бесспорно, однако реальное ли? Да, много времени прошло, пронеслось где-то там за бортом звездолёта. Мы выросли, и каждый из нас направил свой личный кораблик в большое русло постоянного потока времени. Позабылись детские страхи, и тыквенные монстры утонули в реке времени по имени Лета...

В истории нашей экспедиции это был тысяча первый трансзвёздный корабль-скиталец с того времени, когда люди покинули Землю и полетели к молодой планетной системе в созвездии, без особого мифологического или лирического названия, а элементарно значащимся по каталогу: «М-1197». Созвездие скрывалось за одним из галактических рукавов Туманности Андромеды, и сквозь толщу сильно светящегося звёздного вещества внекорабельный космический телескоп мог его разглядеть лишь в рентгеновском диапазоне. За время долгого полёта люди так устали ждать, что назвали нашу цель созвездием Надежды. Многие поколения сменились в путешествии, оставив личные электронные копии и образцы генофонда в хранилище, чтобы начать возрождение на новом месте. Я не сильна в бионике и крионике, однако думаю, что просто старые звёздные волки придумали очередную сказку или легенду, чтобы заменить религиозный подход более подходящим — научным. Впрочем, я могу и ошибаться.

Мне нравилась моя профессия. Я обожала чувствовать в руках штурвал звездолёта, пусть даже все действия контролировались корабельным Навигатором и старшими по званию членами экипажа. В командной рубке, сидя в кресле пилота и крепко-накрепко пристегнувшись ремнями безопасности, я любила смотреть на звёзды и целые звёздные

скопления, проплывающие мимо нас, виднеющимися между рваными клочковатыми облаками из ионизированного водорода. Ржаво-красный оттенок придавал им таинственно-зловещий вид, что рождало в воображении мир гротескных чудовищ, готовых напасть на всякую дичь, случайно забредшую на окраину Галактики. К счастью тыквенные монстры остались в детстве, и я всецело отдавалась мечтам и фантазиям, рождающимся следом по прочтении приключенческих романов.

Звёздный Скиталец, как мы в обиходе ласково называли наш корабль, нёсся в космическом пространстве с максимально возможной скоростью, технически позволенной для этого класса аппаратов. Но всё же, мы двигались в космосе не так быстро, как хотелось бы, то есть со скоростью гораздо меньше световой. Первые проекты межзвёздного дома разрабатывались в далёком прошлом космическими конструкторами, жившими ещё на Земле, — родине наших предков.

Воспоминания о тех временах, запечатлены на старой многокилометровой киноплёнке и продублированы на оптических носителях, тщательно хранящихся в Архиве на корабле. Однако, на мой неискушенный взгляд, вся земная история, которую школьники изучают сейчас на уроках, по сути, уже перешла в область мифологии и мистики, словно уральские сказы Бажова. Эти бумажные книги, добытые однажды нашими разведчиками из хрональных полей Земли, я иногда их до сих пор читаю с удовольствием. Психологически нам, космолётикам в энном поколении, трудно воспринимать хронологию событий, связанную с давно минувшими эпохами и людьми, иллюзорная видимость которых сохранилась лишь в фильмах.

Все исторические события происходили на Земле, — на одном единственном небесном теле, которое называется в астрономии планетой, и которое знаем мы благодаря нашим предкам и Архиву. Целый десяток поколений или больше сменились на Скитальце, так и не увидевших ни одну, даже самую маленькую планету. Рои астероидов и хвостатых комет мы наблюдали регулярно. Ничто из этого каменного и ледяного сонма космических преследователей Скитальца не могло и близко походить на планетоид или планету. Меня удивляло одно — вся история Земли, — это череда сплошных войн, начиная с древнего Египта и кончая междоусобными войнами на территории Ближнего Востока, Центральной Европы и России. Этот кусок развития земной цивилизации, — лишь маленькая толика того, что непринуждённо зацепилось в моей голове. Я одного не могла понять. Неужели жизнь на планетах так тяжела и непредсказуема, что доводит людей до открытых конфликтов? Оглядываясь на прошлые годы, в самом начале своей карьеры пилота, мне становится немного смешно и грустно. Однако я недолго баловалась мысленным построением утопического общества и наивными категориями, гипотетически могущими быть в отношениях между людьми. Однажды всё изменится, подозревала я, но это произойдёт много позже, уже после глобальной реконструкции космического дома.

Корабельная молодёжь частенько спрашивала у старших товарищей: «Как можно создать новый звездолёт, находясь в старом»? Оказалось, технология строительства хоть и необычна, но её довольно легко понять. Сначала рудокопы выбирают три-четыре астероида, где есть залежи железисто-магнитной руды, алюминия или вольфрама с титаном. Посылают туда роботов-рыбаков, они выуживают такие астероиды и цепляют их один за другим в общий состав, напоминающий поезд. Затем за работу принимаются живые люди, шахтёры, умеющие разрабатывать месторождения в условиях невесомости и малой силы тяжести. Руду же рабочие грузят в контейнеры, прикрепленные фалами к промышленному отсеку

звездолёта. В открывшиеся ворота контейнер попадает на строго определённое для него место. Когда отсек заполняется, шлюз закрывается, и в дело вступает автоматическая программа, управляющая доменной печью и затем мини-заводом с заданными частями для модернизированного звездолёта. После охлаждения всех деталей, монтажники собирают общую конструкцию нового отсека взамен старого, разобранный на субботнике.

Я сидела в рубке управления и думала, что держу руки на пульсе корабля. Звёздный Скиталец был для меня живым организмом. Каждый вздох маршевых двигателей, релейные щелчки тепловых и кислородных систем, электрическое потрескивание защитного экрана я ощущала как работу больших лёгких и биение многочисленных сердец Скитальца.

Наступила ночь, корабельный таймер выключил освещение; в момент обшивки и переборки стали совершенно прозрачными, словно звездолёт превратился в прозрачную новогоднюю игрушку. Я не любила это время суток, когда мы все вместе, и каждый член экипажа по отдельности, оставались наедине с космосом. Мы не видели друг друга, стен кают и тоннелей, лабиринтов вычислительного центра, дверей шлюзов и даже корпусов двигателей. Ощущение «Я», растворялось в пространстве-времени глубинного, непролазного макрокосма, этой дикой и необузданной стихии, за каждым парсеком таящей в себе загадки и опасности. Было ощущение, что однажды экипаж настигнет что-то загадочное, которое притаилось в засаде космических ловушек.

Я всматривалась за горизонт видимости, насколько позволяло это сделать обычное человеческое зрение, и видела, как чернильное облако безразлично-холодной пустоты прорезывают сполохи жёлто-белых лучей от далёких квазаров. Хаотичные завихрения сиреневых и розовых водородных туманностей клубятся и ширятся, лениво поглощая звёздную пыль, чтобы через сотни миллионов лет слепить из комков глинистой материи протодиски, где зародятся астероиды, планетоиды и планеты. Но более всего в обозримой забортной панораме я лицезрела нечто такое, что наши умники-астрономы называют войдами. Я долго размышляла об этом. Непостижимо для психики нормального человека! Если есть скопления звёзд и галактик, то войды можно назвать скоплением пустоты.

Корабельные инженеры, правда, относятся к пустоте обыденно, скучно и без романтики, я бы даже сказала небрежно. Они называют её вакуумом, из которого при достаточном умении можно черпать энергию. Вот, по разумению изобретателей, новая обшивка «Скитальца», при полном отключении электричества и поглощала из вакуума эти самые виртуальные колебания отрицательной энергии. Не знаю, насколько заряжались ли какие-то там аккумуляторы и батареи звездолёта, но лично мои нейроны, аксоны и вся нервная система от переполнявших меня эмоций бурлили и кипели долго.

Приходя домой после дежурств, я завтракала и мысленно сражалась с войдами и вакуумом так, словно это был отряд врагов, сидящих в засаде; конечно же, если не засыпала раньше, закутавшись в спальник с головой, чтобы не видеть чернильно-скрытого неприятеля. Завтрак будет утром, а сейчас главное: — не спать!

На этом странности не заканчивались. Каждый «глоток» вакуумной энергии заканчивался увесистым пинком под «хвост» нашему «Скитальцу». Кто или что пинало звездолёт, никто не знал. Лишь вахтенный в рубке отмечал резкое изменение координат на приборной доске: корабль мгновенно совершал гиперпрыжок в добрую сотню парсек. Так продолжалось до тех пор, пока аккумуляторы заряжались.

Звездолёт плыл на субсветовой скорости в этом загадочном космическом океане,

качаясь на волнах тёмной материи, словно бумажный кораблик в тазике с водой. И что удивительно, — ни один человек на борту не ощущал ни бешеной скорости, ни вселенского пространства, неумолимо поглощаемого с каждой световой секундой нами и «Скитальцем», и почти не чувствовал непрерывного ускорения.

Мечты мечтами, — дежурство продолжалось, — и по ходу дела мне приходилось наблюдать в зеркалах заднего и бокового обзора (понятно, что этот обзор был лишь компьютерной модуляцией всевозможных систем слежения) за метеорным потоками, притянутыми нашим кораблем. Они тащились в хвосте защитной оболочки, неизбежно электризовались и красиво светились всеми цветами спектра. Из-за того, что они могли стать причиной не только царапин на обшивке звездолёта, но и досадных мелких аварий, руку я всё время держала на гашетке, уничтожая ионной горелкой наиболее крупные камни и отгоняя мелкие магнитным «ветродуем».

Я всегда огорчалась, когда наступало корабельное утро, и истекали время дежурства в рубке управления. С сожалением вставала с кресла и снимала радиошлем. Дедушка посмеивался надо мной из-за этого, бурчал, дескать, не женскую профессию я выбрала. «Ну и что! А если она по душе»?

Я представить не могу то время, когда люди долетят до цели путешествия. Звездолёт тогда будет не нужен? «Если так, то пусть лучше этот полёт продолжается всегда!» Я так дедушке и сказала. Выслушав «особое» мнение, он смеялся до слёз. А потом посерьёзnel, погладил меня по остриженной голове и непослушным зелёным волосам и сказал, что я совсем ещё ребенок, но может, когда-нибудь повзрoслею.

Сдав смену, вахтенный журнал и протокол событий, усталая и сонная я приходила в каюту и забиралась под одеяло, пристегивалась к противоперегрузочной системе, надевала наушники. Затем ставила на воспроизведение карандаши-капсулы со старинными аудиокнигами о пиратах, о загадочном море со штормами и весёлыми пиратскими песнями. Под яростные песни и героические истории сон приходил крепкий и сладкий.

Мне снились странные пиратские корабли, бушующая вода под названием «море» и белые облака — конденсированные испарения воды в воздухе, прямо как в бассейне при смене температурного режима. Счастливые сны-приключения! Во сне я была бравым капитаном каравеллы и командовала целым отрядом бывалых моряков, которые мгновенно исполняли приказы «грозного кэпа». На палубу с шумом накатывали солёные волны и норовили сбить людей с ног. Я перешагивала через мокрые натянутые тросы и смело шагала дальше по скользкой дощатой палубе, не боясь штормовой качки. Зюйд-вест надувал алые шёлковые паруса. Трепетал гордый флаг на мачте. Развевались мои длинные золотистые волосы на ветру. Рулевой поворачивал большое колесо штурвала, и пиратское судно послушно меняло галс...

Тем утром я проснулась как обычно, бодрая и свежая. Села на кровати и включила танцевальную музыку для утренней гимнастики. Большое зеркало отражало мою, как я думала грациозную, но слегка худощавую фигуру, — за ужин не прибавилось ни одного сантиметра там, где хотелось бы, — а тем более, пока я в поте лица растягивалась, наклонялась и скручивалась. Затем я вставала на беговую дорожку и накручивала необходимое число километров на тренированные мышцы, ежедневно требующие движения. Корабельные врачи уверяли нас, что без тренировок из организма быстро выводятся кальций

и магний. Дескать, без этих «важных элементов» позвоночник человека может стать настолько мягким, что человек уподобится бесформенным осьминогам, которые плавают в аквариуме в отсеке биологии и сельского хозяйства. Смешно!

«Конечно же, что ещё могут придумать наши врачи, чтобы заставить пациентов неукоснительно выполнять глупые инструкции!» Я в это никогда не верила. Мне без всяких затей нравилось делать гимнастические упражнения и ощущать уверенность в движениях. Я представляла себя пантерой с удивительно плавной кошачьей грацией. «Эх, почему у людей нет хвостов и таких же мягких пушистых ушек? Мне бы пошло всё это!» Когда я сказала об этом дедушке, то на мои фантазии он ответил, что длинные хвосты тогда бы постоянно попадались в автоматически закрывающиеся устройства дверей в каютах. Вследствие чего вся нерасторопная корабельная молодежь уже давно ходила бы с купированными хвостами, как породистые собачки. Так что надо радоваться бесхвостому позвоночнику, благодаря которому мы ловко можем проскользнуть не только в люки кают, но и частенько без спроса встречаем в дела и разговоры старших по званию. Ну, и, конечно же, я опять надулась и не разговаривала с дедушкой целых десять минут! Он, кажется, даже и не заметил моего наказания вовсе. «Вот так всегда»!

После гимнастики я пошла в отсек с большим корабельным бассейном. В это время там уже было много народу. В основном молодежь. Старшие члены экипажа просыпаются и встают так рано, как будто и не спят вообще. Они не жалуются на бессонницу — просто утверждают, что им хватает меньшего времени для полноценного сна. «Надо же!» А я люблю поспать, когда выдаётся время.

— Эй, Васка! Привет! — помахал рукой Надин, молодой человек из запасного состава корабельных спасателей. Он размашисто подплыл к воротам, поправил сетку. — Иди к нам, поиграем в мяч! В нашей команде не хватает одного игрока!

Я разбежалась по трамплину и прыгнула в воду с двойным кульбитом в воздухе. Мышцы послушно напряглись, и я стрункой без брызг вошла в воду. В этот момент я всем показала класс, особенно этой задавке Люси, которая рано заимела пышные женственные формы и неприлично вертела ими около Надина. Я подхватила мяч и кролем поплыла к воротам противника, подныривая между ног защитников. Когда я была почти у ворот, наперерез ринулась Люси, — во всех отношениях «сдобная булочка» уступала мне в скорости, — и попыталась вырвать мяч из рук. «Ага, не тут-то было!» Я недаром качаю бицепсы и трицепсы на тренажерах. Ловкий обманный маневр, — Люси всегда на него ловится, — и... мяч в воротах. «Гол! Есть»!!!

— Гол!!! Один-ноль, — завопил электронный комментатор и вместе с ним Надин и вся наша команда. Он подплыл ко мне и чмокнул в лоб. — Ты молодец, Васка!

Кажется, я слегка покраснела, но никто этого как будто не заметил. Я играла азартно, как никогда и забила ещё три мяча. Наша команда, «Римляне», выиграла у «Греков» с разгромным счётом: десять — три. Однако потом Надин, почему-то пригласил на дискотеку не меня, а Люси с её пышным бюстом! После игры, стоя в душевой раздевалке, я вытирала голову пушистым термополотенцем и думала о превратностях судьбы. Искося посмотрела в зеркале на свою спортивную фигуру и немного округлый бюст, увы, я ещё только формируюсь. «Это несправедливо! Ну и ладно, пойду на дискотеку одна. Просто послушаю музыку, нельзя что ли?» — я показала отражению язык. Моя прическа в виде зелёного ёжика непослушно стояла торчком, напоминая недельного цыплёнка. «Может, завить кудри, как у Люси? Нет, не хочу быть на неё похожей! Она вредина»!

Однако до вечерней дискотеки было ждать невозможно долго. В моих планах значился Архив и присутствие на совете Мудрейших. Мудрейшие — это старейшие члены экипажа, перешедшие наполовину в форму электронного существования. Нет, киборгами они не стали. Но в их головах всякий раз включались зажигающие импульсы лишь в тот момент, когда у них начиналось время приёма посетителей. Специальный дежурный распорядитель их размораживал и вызывал из состояния глубокой гибернации. Это происходило каждые два месяца и длилось два — три дня подряд. После чего их опять замораживали. До следующего приёма посетителей Главный Распорядитель просматривал поступивший список вопросов к Мудрейшим и, только если вопросы действительно требовали именно знаний от древних членов экипажа, тогда имена и индивидуальные номера просителей вносились им в график посещений. Сегодня, наконец-то, подошёл и мой черёд, когда я могла увидеть их и спросить о том, что меня волновало.

Глава 2 Совет мудрейших

Овальный кабинет с имитаторами иллюминаторов, отделанный мягким звуконепропускаемым материалом, неярко освещался бледно-жёлтым приглушенным матовым светом. Я огляделась кругом, жадно осматривая убранство легендарного помещения. Расписанные красными и зелёными драконами плафоны, закрывавшие круглые плоские лампы и закреплённые в странном беспорядке на потолке, на стенах и над входом двери, придавали кабинету мифологический вид. Ниши, задрапированные пурпурным и изумрудным атласом с вышитыми сказочными мотивами на ту же драконью тему, скрывали двери в служебные каюты. Посередине небольшого зала стоял прикрученный к полу прямоугольный стол с тускло зелёным сукном, имеющий какие-то углубления по бокам и углам. Каждое яйцевидное углубление, затянутое капроновой сеточкой дедушка называл лузой, но не говорил мне, зачем эти лузы нужны в таком важном месте, как кабинет для экстренных производственных совещаний. В одной лузе застрял блестящий белый шарик, и я тайком от дедушки потрогала его. «Ничего особенного шарик, как шарик — гладкий, холодный, твёрдый», — я недоуменно пожала плечами. И тут же перехватила укоризненный взгляд деда.

— Не-не, ничего не трогаю, — прошипела я и помотала отрицательно головой, виновато отдернув руки, спрятала их в карманы парадного форменного комбинезона. — Жалко, что ли, подумаешь секреты!

За столом, видать не один час, заседали старшие члены экипажа в звании высоких чинов. Отдельно у стен дружным рядком разместились человек двадцать, — молодых членов экипажа, абсолютно незнакомых мне. «Наверное, их разморозили из стратегического резерва», — подумала я. — «Интересно, не из того ли это отсека, где находятся и мои родители?»

Я внимательно присмотрелась к ним, но по нашивкам на рукавах так и не смогла определить, из какого, же они отсека. Все как на подбор: крепко сбитые. Лица у людей не бледные, как это обычно бывает сразу же после прекращения процесса глубокой и длительной гибернации. Загорелая, у некоторых парней даже задубевшая темноватая кожа. «Я бы сказала обветренные лица, словно у морских волков из моих любимых пиратских историй. Да где их взять-то на космическом корабле?! Белоснежные широкие улыбки. Просто подкупающе открытые улыбки! Ничего немного оботрутся в нашей среде, будут сдержаннее. Мы тоже друг другу улыбаемся, но по этикету, как-то не так широко и искренне, как эти новенькие. Волосы у этих странных парней тёмно каштановые и курчавые, естественных оттенков и совсем не крашенные или трансгенные, как модно в нашей компании».

Один из парней помахал мне рукой и приветливо улыбнулся, я покосилась на дедушку и за его спиной также помахала в ответ. Дедушка обернулся, но я уже ласково снимала невидимые пушинки с его безукоризненно чистой формы. Затем спрятала руки за спину и постаралась сделать умное выражение лица, но моё внимание ещё несколько секунд мечтательно цеплялось за загадочного молодого человека с загорелой кожей. Наконец, я вздохнула и включилась в происходящее здесь, в овальном кабинете, заседание Мудрейших.

— Мне жалко эту страну, и если хотите, то старушку планету в целом! Там живут замечательные люди! Ваш план просто жесток и немилосерден по отношению к ним! Мы же

должны нести гуманность и культуру, в конце концов! — необычно эмоционально жестикулируя, говорил широкоплечий среднего роста мужчина, в звании генерал-майора и в такой же форме, что и у компании с загорелой кожей.

Он мучительно подбирал слова. Его гортанный говор необычно смягчался рычащими окончаниями слов, так если бы он долгое время говорил на другом языке. Может быть, он знал древний французский? Или же использовал южный диалект испанского? Где, когда и зачем ему или кому другому это понадобилось? «Наверное, он — лингвист и специалист по забытым древним языкам, постоянно ходит в библиотеку и тренируется в лингафонной кабинке, — подумала я. — Но зачем?»

В моей голове зажужжала сначала одна, затем другая пчела из сонма любопытных мыслей. А вскоре вопросы тучами роились во всех отделах мозга, мгновенно ставшего похожим на медовые соты без мёда. Глупые слова уже вертелись на языке, готовые вот-вот сорваться в свободный полёт. Что я бы и сделала, если бы бабушка вовремя не сдвинула брови. «О каких таких людях так горячо беспокоится этот крепкого телосложения генерал-майор, внешне напоминающий могучий кряжистый дуб из сельскохозяйственного отсека, интересно? Что за люди? С других кораблей из нашего космического каравана? О какой планете идёт речь? Похоже, мы обнаружили блуждающую планету вне курса следования. Новое слово употребил этот могучий дуб — «страна». Я никогда такого не слышала. Надо спросить у бабушки, что это означает. Услышанная информация оказалась настолько необычной, что не вписывалась ни в одну известную мне ранее категорию космических проблем. Как таинственно! Сплошные загадки!»

Я «накрахмалила» уши и вытянула шею, чтобы узнать и услышать все подробности. При этом я подалась вперёд и не заметила, как положила тренированные руки на плечи какого-то важного чина, прямо на знаки отличия. Он весь вспотел, пока повернул толстую грузную шею с такой же квадратной головой назад и негодуяще посмотрел на меня, грозно сдвинув седые косматые брови и яростно сверля глазами мой лоб. Я отдернула руки, словно их ошпарили кипятком, скороговоркой пробормотав извинения, спряталась за бабушку. С другой стороны, выглядывая из-за спины другого важного чина, я предусмотрительно спрятала руки за спину. «Непослушные руки! Их вечно некуда девать в самый важный момент».

— Мы никому ничего не должны, — медлительно басовитым голосом с выделением «окающих» гласных на каждом произносимом слове, — говорил, председательствующий на экстренном производственном совещании, адмирал космического каравана.

Это был маленький сухонький человечек чуть выше полуметрового роста, подтянутый и моложаво выглядящий для своих (кто знает сколько!) сотен лет.

— Поймите, же вы, господин упрямец! Ваши любимцы из природного парка нарушили целостность хрональных полей в целом секторе Галактики. Одному Творцу только известно, — сколько уже они наплодили параллельных ветвей реальности! В результате нам привалило тяжелой работы — непочатый край! Кто будет её выполнять, простите голубчик, эту очень непростую работу, зелёные юнцы, что ли? — и он кивнул головой в мою сторону.

Весь командный состав дружно, как один, (люди-то военные, приучены к дисциплине!) послушно проследил за взглядом адмирала и наткнулся на мою внешность с торчащим зелёным ёжиком на голове. Я не покраснела, а попросту запылала и под пристальным вниманием важных персон пламенела пунцовой киноварью на закатном небосводе художника-абстракциониста. Возникла непредусмотренная пауза в совещании. Адмирал,

заметил неловкость, усмехнулся, прикрывая рот ладонью, и искоса подмигнул мне дружелюбно:

— Объявляю перерыв на двадцать минут, там, в холле наши сотрудники приготовили чай и печенье, — и уверенной поступью полководца он вышел из овального кабинета.

Народ с радостью поспешил из зала заседаний. По периметру стен холла бесшумно работали кондиционеры и озоновые люстры, ионизирующие воздух, и поэтому здесь пахло морем. Стены украшали копии полотен некогда известных земных художников прерафаэлитов. Как говорил дедушка, это направление в живописи родилось во второй половине девятнадцатого века в противовес закостеневшим правилам викторианской эпохи и узких рамок традиций, считавшихся академически непогрешимыми. Художники прерафаэлиты чувствовали личную духовную связь с флорентийскими мастерами ранней эпохи Возрождения, писавшими картины до Рафаэля и Микеланджело. Они хотели возродить стиль незаслуженно забытых живописцев: Джованни Беллини, Фра Анжелико и Перуджино. Я не поленилась и познакомилась с их творчеством, и могу уверенно сказать — братству прерафаэлитов вполне удалось воплотить изначальный замысел в жизнь.

Я прошлась вдоль жёлтой стены, эффектно оттеняющей киноварно-зелёную палитру древних художников. Много сюжетов на библейские темы. Картина «Светоч мира» — аллегория, написанная Уильямом Холманом Хантом. Фигура Христа стоит около запертой двери, заросшей бурьяном. Левой рукой он держит фонарь с огнём, правой стучит в дверь к хозяевам. Ниже рамы прямо на стене выдавлен текст с цитатой из Откровения Иоанна Богослова: «Се стою у двери и стучу. Если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною». Стою перед полотном, гляжу на не выцветшие древние краски и размышляю. Мысленно преклоняюсь перед мощью человеческой мысли художника Ханта.

— Очень символично, — сказал кто-то за моей спиной. Обернулась и увидела адмирала космического каравана, его задумчивый взгляд был погружен куда-то очень глубоко в себя и свои ассоциации.

— Вы правы, сэр. Прерафаэлиты мечтали создать символичное направление, восходящее к мастерам Флоренции, эпохи раннего Возрождения. Похоже, они свою задачу выполнили на ять, — вежливо подтвердила я и тихонько поспешила дальше, стараясь не мешать созерцательному настроению пожилого человека.

Он оглянулся и строго посмотрел в мою сторону, потом неожиданно одобрительно кивнул и показал большой палец:

— А ты молодец, разбираешься в живописи! — и вновь вернулся к созерцанию картины «Светоч мира», несомненно, великого творения прерафаэлиты Уильяма Ханта.

— Спасибо, — пробормотала я, польщенная вниманием важной персоны.

Кажется, что присутствующие в холле люди, обсуждали не столько картины, сколько моё смелое обращение с адмиралом, не по уставу. Хотелось тут же испариться или стать невидимкой.

Перешла к другой картине. Ещё одна аллегория от Уильяма Ханта, — бедный «Козёл отпущения» обрамлен библейскими цитатами: «И понесёт козёл на себе все беззакония их в землю непроходимую, и пустит он козла в пустыню» и далее: «Но Он взял на Себя наши немощи и понёс наши болезни; а мы думали, Он был поражаем, наказуем и унижен Богом». Проснулось моё «Я» и начало язвительно и скептически разбирать древнюю идею. Спорный вопрос об участии животного, которого ни за что, ни про что выгнали из сытого

хлевав голодную местность. Следом возникло удивление: «И в этом жертвоприношении состоял весь праздник Йом-Кипур? Жалко красивую породистую животину, лучше бы евреи милосердно съели его! — подумала я и поймала себя на мысли. — Что в этом случае будет истинным милосердием: съесть козла или выгнать на волю в пустыню?»

Черета полотен будоражила воображение и взывала к прекрасным и возвышенным думам. Хорошо выписанные формы человеческих тел, чуть задрапированных лёгкой тканью, сегодня мне показались анахронично гротескными. Большинство членов экипажа Скитальца — тоненькие и хрупкие по сравнению с тяжеловесными формами землян, весьма отдаленно напоминали о том, что между нами имеются какие-то общие родственные корни расы людей из Солнечной системы. Космолётчики до сих пор надеются, что мы не единственная раса разумных существ в нашей Галактике. Картинная галерея порождала некоторые дискуссии, связанные с притчами и их толкованием. Тем не менее, библейские и исторические сюжеты, изумительно быстро умиротворяя людские страсти, оживляли обстановку в холле, делая её уютной и дружелюбной.

Жёлтая стена закончилась. Я вздохнула полной грудью только лишь, когда интерес других членов экипажа и командного состава переключился на чаепитие. Следом моё внимание привлек тот самый паренёк с загорелой кожей и открытой улыбкой. Его добродушное круглое лицо настолько располагало к разговору, что хотелось просто так поболтать с ним о чем-нибудь. Я взяла чашку с чаем и стала грызть печенье, разглядывая эту странную компанию молодых людей издали. На нашем корабле я их точно ни разу не видела. Молодой человек оживленно что-то рассказывал друзьям и бойко жестикулировал. Он не робел, не смущался, был совершенно раскован. Дедушка перехватил мой взгляд, потрогал пушистые рыжие усы и подкрутил их кончики вверх, добродушно подмигнул:

— Что Васка, я вижу ты — не промах у меня! Знаешь на кого глаз надо положить! Молодец, внученька. Глаз-алмаз. Точно в цель попала!

— Да я ни на кого и не смотрю вовсе, дедушка. Мне показалось, я их не видела раньше на нашем корабле, вот и всё, — попыталась я оправдаться и смутилась.

— Не робей, девонька! Хочешь, я познакомлю тебя с ним?

— Нет. Не хочу, — воспротивилась я из вредности и отвернулась за другим печеньем. — Дедушка, хочешь ещё чаю?

— Налей-ка, голубушка, да я подойду к старому знакомому. Вон к тому стреляному воробью. Спасибо, внучка. Ну, не скучай, да ворон не лови, а то твой красавчик сбежит скоро!

— Да куда он сбежит? Здесь и бежать-то некуда. Разве что на другой корабль в нашем караване? Или его в губернацию отправят? А? Дедушка, миленький, ты что-то знаешь, расскажи, будь другом?

— Ну-ну, Васка! «Любопытной Варваре на базаре нос оторвали». Скоро переры закончится, а я ещё не со всеми друзьями поздоровался. Пойду к ним. Пилот Васка, смирно! И не дрейфь!

Дедушка взял чашку и направился к пёстрой компании в дальнем углу гостиной. Я опять украдкой взглянула на тех загорелых красавцев. От них отделился запримеченный ранее загорелый паренёк и направился ко мне.

— Привет, зеленоволосая и зеленоглазая хозяйюшка медной горы! Меня зовут Дэнвил, а тебя Васка, не так ли?

— Васка, — кивнула я: «О! Он назвал моё имя»!?

— Дэнвил, откуда ты знаешь моё имя, мы прежде не встречались как будто?

— Хм, разведка донесла, — довольно ухмыльнулся он. — Скажи, пожалуйста, Васка, ведь это ты утром забила четыре мяча в ворота команды «Греков»?

— Ага, я. Ничего особенного в этом нет, я играю иногда за «Римлян», когда у меня нет дежурств.

— В рубке «Скитальца»?

— Я пятый пилот и второй штурман, — скромно сказала я и потупилась.

— Ты красиво прыгаешь с вышки и отчаянно играешь в водное поло, я утром зашёл в зал с бассейном и был потрясён увиденным зрелищем. Здорово! Искренне восхищён!

Я совершенно смутилась и мои щёки, а вместе с ними и уши опять стали розовыми. Если бы Дэнвил сказал ещё пару комплиментов, то, наверное, я бы почувствовала, что мои уши не просто пылают, а вовсе жарятся и дымятся. Но он переменял тему, чему я была весьма рада. Перерыв подходил к концу, и совет Мудрейших готовился продолжить обсуждения по программе дня, когда произошло нечто.

Глава 3 Опасное сближение с двойной звездой

Внезапно корабль трянуло, потом снова. Вазочки с печеньем и розетки с вареньем накренились и дружно поехали сначала к одному краю стола, а затем строго в противоположную сторону. Корабль изрядно затрясло и ...пропало тяготение. Посуда с печеньем и вареньем вместе с другими угощениями приподнялись над столом и тут же приклеились обратно, — это включились электромагниты под столешницей, и магнитное поле притянуло всю металлическую посуду обратно. А вот те печенюшки, которые были не в магнитных пакетиках, поплыли над столом в совершенно произвольном направлении. Кабачковое варенье нехотя приняло форму шара и пока покоилось на дне розетки. Мне было интересно, победят ли силы смачивания вареньем поверхности стекла или же победит невесомость и инерция движения звездолёта. «Вот, если бы последнее!» Я уже представила, как варенье выплывает из своего гнёздышка и направляется в сторону, в сторону...

Я мучительно размышляла, в чью бы сторону отправить воображаемый шар из варенья, но тут нас опять встряхнуло. Может быть, стоит размазать этот липкий шарик по физиономии нашего обожаемого и всегда невозмутимого старпома, Вина Локвуда? Хм! Это была бы ещё та, картина экспрессионистов! Ха! Я живописно представила полученный казус. Прямо как в кино!

Но тут на всю мощь заработали громкоговорители, издавая непонятное шипение и треск. Общекорабельное радио что-то пробормотало совершенно нечленораздельно. Динамик захрипел и смолк. От испуга из-за не прекращающейся вибрации мы, схватившись за канатные поручни, пролегающие вдоль стен, выбежали в коридор, а затем по трапам на ближайшую обзорную палубу.

— Что, что произошло? — спрашивали люди друг у друга.

— Двойная звезда!!!

— Где? Не вижу. Да где же?

Мы прилипли к иллюминаторам. Сначала мы ничего не могли понять, но потом, присмотревшись, вдруг увидели нечто. Двойная звезда, состоящая из пары гигантских огненных шаров, индифферентно смотрела на нас, не замечая, но притягивая окружающую материю, словно медовые соты мошек. В принципе в обозримой части космоса большая часть звезд — двойные или тройные системы. Казалось бы, ничего удивительного здесь нет. Прежде всего, важно то, что двойная система оказалась слишком близко к нам и лежит почти прямо по курсу нашего звездолёта. А это таит в себе немалую опасность!!! Экипаж Скитальца-1001 как-то не сразу, но постепенно вспоминая астрофизику, астрономию и баллистику для движения малых тел в сильных полях тяготения, начал уяснять реальное положение вещей.

Ощущение мышей, загнанных в клетку с коброй, по мере осознания происходящего усиливалось. Двойная система уже не казалась равнодушной — это её уловка, — хищница, пожирательница масс, караулит добычу на космической дороге, не таясь и широко улыбаясь в усы фотонных струй. С каждым мгновением звездолёт ближе, а когти хищницы вот-вот блеснут и схватят его за стальные бока.

— Что такое двойная звезда? — робко спросила, оказавшаяся рядом со мной маленькая девочка в оранжевых бантиках.

— Это система небесных тел, состоящая из двух гравитационно-связанных звёзд.

Правда, ты можешь возразить, что любые две массивные звезды связаны между собой силами тяготения. Так ведь? — сказала я, наклоняясь к ней.

— Так, — серьёзно кивнула девочка. Бантики закрывали её прелестную головку, словно пышный цветочный куст.

— Тебя как зовут, малышка?

— Лаура. А тебя зовут Васка, я знаю, ты хорошо с вышки прыгаешь. Ты смелая, Васка! Я тоже хочу также с вышки прыгать, научишь?

— Научу, когда время будет. Знаешь, Лаура, на самом деле в двойной звездной системе есть маленькая хитрость.

— Какая же?

— Полная энергия двойной есть отрицательная величина!

— Да? Разве такое бывает? Я знаю, что если звезда движется в космическом пространстве, у неё всегда есть кинетическая энергия. Всем известно, что энергия движения больше нуля. Если у звезды есть ещё потенциальная энергия, то их сумма не может стать меньше нуля! — сказала малышка твёрдым голосом. — Нас так учили.

На корабле дети умом взрослели быстро, и им приходилось, чуть ли не с пеленок, осваивать знания, связанные с окружающим миром. Миром холодным, суровым, но в то же время и прекрасным.

— Это утверждение, Лаура, справедливо лишь для одиночной звезды. Двойная система не подчиняется этим правилам.

— Она что сумасбродка? — удивилась девочка.

— Точно так. Сумасбродка. Хочешь, сейчас расскажу почему? Каждая звезда в двойной системе движется по эллиптической орбите в строго ограниченной области, вращаясь вокруг общего центра масс, и не может оттуда никуда вырваться. Обе звезды попадают в этом случае в гравитационную воронку. Любое тело, случайно залетевшее в ловушку, может иметь лишь три вида траектории:

— Какие траектории? — девочка картаво и старательно выговаривала незнакомые ей слова.

— Залетевшее тело, пусть это будет случайный астероид, может двигаться по окружности или эллипсу. Такое движение происходит по замкнутой траектории, поэтому сумма кинетической и потенциальной энергий будет отрицательной величиной. Если у случайного тела будет выполнено это условие, оно никогда не сможет вырваться из поля тяготения двойной звезды. Понятно, что даже неодушевленному телу не хотелось бы свалиться в яму, на дно гравитационной воронки, поэтому оно будет вращаться с бешеной скоростью. Это, во-первых.

Я надеялась, что девочку скоро утомит моя академическая лекция, и она сбежит от моих нравоучений. Но не тут-то было.

— А во-вторых? — спросила девочка.

— Во-вторых. Если наш звездолёт внезапно выключил бы все свои двигатели, (чур-чур, нас!!) тогда это как раз соответствовало бы второму случаю. Полёт случайного гостя может напоминать параболу, когда сумма обеих энергий равна нулю. Тогда пришелец сможет вырваться из цепких лап поля тяготения двойной, но далеко он всё равно не улетит.

— Нам же надо далеко улететь, да, Васка?

— Да, дорогая, конечно же. Поэтому, скажу тебе по секрету, в запасе у природы есть третий, — наиболее счастливый для нас вариант. Если держать наши двигатели постоянно

включенными вблизи полей тяготения двойной звезды, то траектория Скитальца будет гиперболой. В этом случае полная энергия звездолёта положительна, и мы можем смело продолжить наш полет по заданному курсу. Никакая двойная звезда нам не страшна, потому что не поймают. Поняла?

— Ага, здорово! — Лаура обрадовано затрясла головой. Оранжевые бантики затрепетали на её макушке, словно листочки осины.

Корабль ещё раз изрядно трянуло. Люди, стоящие на палубе обзорной галереи, стали судорожно хвататься за поручни, ручки, прикрученные к стенам скамейки, и за все выступы подряд. Уши заложило так, как будто мы очутились в переходном люке барокамеры. Перепад давления и температуры датчики климат-контроля не успевали отслеживать. На миг выключились маршевые двигатели, звездолёт стал рыскать носом по курсу и потерял ориентацию. Изменился импульс нашего тысячу первого «Скитальца», и появился некомпенсируемый боковыми двигателями вращательный момент. Динамик, висевший под арочным сводом обзорной галереи, прохрипел:

— Внимание экипажу! Нас сносит к полости Роша двойной системы бета Лиры-2. Объявляется оранжевая опасность! Всем пассажирам и членам экипажа занять положенные места. Командир экипажа, Ирвин Нельсон, приказывает всему запасному и дублирующему составу пилотов, штурманов и лоцманов подняться в рубку управления! Программисты, не спите, вас это тоже касается!

Я стремглав побежала в свою каюту, благо до неё была минута хорошего бега. Сорок пять секунд, и мой рабочий лётный комбинезончик приятно обтёк и обжал тело. На всякий случай, поверх надела экзоскелет, умеющий бороться с невесомостью. Ровно через три минуты после сигнала тревоги, даже не запыхавшись, я уже стояла около лифтовой шахты. Индикатор пульса и частоты сердечных сокращений на браслете показывал норму.

— А что такое полость Роша, — спросила пытливая девочка Лаура, поправляя на голове оранжевые бантики, подвязанные под косичками. Но ей никто не ответил.

Двери лифта бесшумно закрылись, и всё кругом замерло. Сквозь стены лифта я видела, как подбежавшая испуганная воспитательница сердито схватила любознательную девочку за руку и потащила в детский отсек. По дороге в лифт женщина назидательно махала указательным пальцем перед её пуговичным носиком и, яростно гримасничая, что-то очень строгое шептала ей на ухо.

— Хм. Интересно, закон «двойственности» в действии: — оранжевая опасность и оранжевые бантики. Просто совпадение? — пробормотала я тихо, хотя в лифте была одна.

Глава 4 Гравитационная ловушка

Народ собрался в рубке управления серьёзный, деловой. Никто не паниковал, не ругался. Все стояли спокойно и ждали официального сообщения. Старпом Вин Локвуд величаво возвышался за спиной начальства, как всегда с невозмутимым выражением лица, словно возникшая для нашего «Скитальца» угроза, была плёвым делом для такого звёздного волка, как он. Это был широкоплечий коренастый мужчина в самом расцвете сил. «Ему бы не должность старпома занимать, а тренировать корабельную группу быстрого реагирования», — подумалось мне. Вперёд вышел командир, Ирвин Нельсон:

— Сначала уважаемые коллеги, я бы хотел напомнить вам, кое-какие объективные факты и научные положения. Вы их, наверняка, знаете из курса астрономии и астронавигации.

— Командир, вы хотите сказать что-то по поводу полости Роша? — спросил один молодой штурман из дублирующего состава экипажа.

— Именно так, молодой человек, — я думаю, стоит напомнить об этом, поскольку нам надо обсудить наши дальнейшие действия и возможное тактическое изменение курса следования нашего «Скитальца». Впрочем, судите сами. Взгляните сюда, — Нельсон нажал клавишу на пульте.

Прямо перед нами развернулось, словно выросло из-под фальшпола рубки управления, голографическое изображение ближайших окрестностей двойной звезды из системы бета Лиры-2. Космическая панорама впечатляла. Пейзаж межзвёздной среды голубел аннигиляционными струями, выбрасываемыми из недр крошечных, по космическим меркам, но к счастью далеких от нас звёзд. Изнутри звёздное вещество подсвечивалось, танцующими вальс спиралями аккреционных процессов. Краски, тона и полтона всех цветов и оттенков изумляли даже старых звёздных волков, не говоря уже о нас, в буквальном смысле зелёной молодежи.

Точное изображение нашего звездолёта плыло по касательной где-то на периферии этой звёздной системы. Мы его увидели вблизи поля тяготения массивного компонента двойной системы. До полости Роша, по моим прикидкам было ещё очень далеко. «Если силовые линии поля тяготения гладкие, без возмущений, то в принципе паниковать не из-за чего. В запасе у природы есть спасительные точки Лагранжа! А если же там имеются неоднородности и невидимые гравитационные завихрения, то всё может быть»...

Мою мысль прервал негромкий голос заговорившего в чуткий микрофон сотрудника из астрономического центра «Скитальца-1001».

— Полость Роша представляет собой результат взаимодействия двух близко расположенных массивных звёзд, — начал оперативный доклад, подтянутый высокий человек, специалист по астрономии и астронавигации. — Её можно назвать гравитационной воронкой с тремя округлыми горбами на энергетической кривой. Очень интересное место! Особенно для пробных частиц, которые попадают в эту окрестность. Это и есть знаменитые поверхности Хилла. Наивысшая точка на каждом холме есть зона неустойчивого энергетического равновесия, когда шаг вправо, шаг влево и... траектория вашего-нашего звездолёта уже от вас-нас не зависит! Кинематика полёта нашего корабля такова, что мы

можем оказаться пробной частицей на энергетических поверхностях Хилла.

— А если проще? — раздался голос из зала. — Очень заумно что-то.

— Пожалуйста. Если хотите проще, то «Скиталец» превратится в маленькую серую мышку в большой и крепкой мышеловке, выстроенной полями тяготения двойной звезды. С той крохотной разницей, — ни сыра, ни кусочка сала там не будет.

Он вздохнул и набрал озонированный воздух полной грудью:

— Математическое моделирование полёта даёт тысячи вариантов для маршрута нашего «Скитальца». Однако, это лишь модель. Не хватает опытных данных. Факты — упрямая вещь! Без них мы слепы, как трёхдневные котята. Нам нужна разведка полей тяготения вблизи полости Роша. Нам желательно знать реальные гравитационные потенциалы для околосвёздного пространства двойной системы Лиры-2. Вопрос в том — отправлять туда исключительно автоматические зонды или же быстрый клипер и малую разведгруппу?

— А есть какие-нибудь, ну я не знаю, дополнительные данные о том, что такое вообще — двойная звезда? — спросила новенькая в экипаже, недавняя практикантка, стажирующаяся у старшего помощника капитана и влюбленная в него по уши, программист-математик Олимпия.

Девушка изящно поправила тугие кудряшки и скользнула взглядом по предмету обожания. Она была без ума от него, и каждый день меняла наряды и причёски. «Когда она всё это успевала, проделывать»? Выражение лица старпома Вина Локвуда осталось каменным. Статуя и та бы растаяла! Может у него вместо крови жидкий азот?

— Хороший вопрос! — похвалил её астронавигатор. — Есть над, чем подумать! Я сообщу, вам, уважаемые коллеги, на всякий случай, всю сопутствующую информацию...

— Ну что мы можем априори сказать о данной двойной системе? — задал вопрос невозмутимый астронавигатор и тут же продолжил. — Эллиптичность орбит наших незнакомцев доказывается прямым наблюдением в корабельные телескопы. Классика! Это приятно, потому что остаются справедливыми первый и второй законы Кеплера.

— А третий закона Кеплера не выполняется? — спросила все та же дотошная Олимпия.

— Он изменяется. Да-да, — оратор поморщился, словно бы от зубной боли. — Особенно, если сравнивать с его обычной формулировкой, применяемой для одиночных звезд. Посмотрите на экран!

Рассказчик скользнул красным лазерным лучом указки по настенному жидкокристаллическому экрану:

— В формуле связываются период, размер орбиты и равноправно массы обоих звездных компонентов. По нашим наблюдениям обе звезды находятся сейчас в апоастре — то есть на максимальном удалении друг от друга. Чтобы что-либо рассчитать определенно, нам следует знать, какие кинематические и динамические характеристики сохраняются?

— Вы имеете в виду всякие там законы сохранения? — спросила я, и поймала заинтересованный взгляд старпома.

«Неужели статуя ожила? Никак жидкий азот закипел в сосудах!» — впрочем, я могла ошибаться. Отогнав излишние мысли, вновь сосредоточилась на предмете дискуссии.

— Да, конечно. Поскольку двойная система замкнутая, то, прежде всего, сохраняется её энергия и полный импульс. К постоянным величинам можно отнести и вращательный момент орбитального движения, а также линию апсид, соединяющую точки периастра и апоастра. Так? — продолжал докладчик.

— Так, — утвердительно кивнула я, мысленно взывая к памяти по данному предмету.

— Далее, чтобы рассчитать движение звездолёта в поле тяжести двойной звезды, проще перейти в жёсткую систему отсчёта, вращающуюся вместе со звёздами. С одной стороны — это хорошо, мы избавляемся от вращения. Но взамен мы приобретаем центробежную силу. Увы, такая сила возникает в любой неинерциальной системе отсчета. Смею напомнить вам, уважаемые коллеги, что мы движемся с периодическим ускорением. Вы понимаете, что это означает?

— То, что мы не являемся инерциальной системой отсчета, — сказала заученно Олимпия.

Девушка изо всех сил старалась понравиться старпому Вину Локвуд, но тот оставался истуканом. Астронавигатор же пел соловьём:

— Умница! Верно, дорогая. Если бы звёзды двигались по окружностям, а не по эллипсам мы бы воспользовались понятием гравитационного потенциала и легко получили бы расчётную траекторию для движения звездолёта.

— Какие у нас шансы? Я не думаю, что вероятность исхода из сложившихся обстоятельств целиком и полностью нулевая. Надо просто поискать запасный выход, не так ли? — подал голос старпом Вин Локвуд.

Его баритон успокаивал и вселял надежду на спасение. Некоторые облегчённо вздохнули. Олимпия продолжала исподволь есть старпома глазами, откусывая мысленно от этой статуи по кусочку. Ха, мне стало смешно! Похоже, его жидкий азот давно прошёл точку замерзания ниже критической температуры. Изваяние каменело, как и прежде.

Докладчик закончил вводную «пугательно-запугательную» часть и отвечал на вопросы.

— Мы можем качественно оценить возникшую ситуацию. Звездолёт испытывает непосредственно влияние трёх сил: притяжения двух звёзд и центробежную силу. Силы эти потенциальные и описываются одной величиной — эффективным потенциалом. Взгляните на график поведения эффективного потенциала в двойной системе, — он небрежно обвёл рисунок рубиновым лучом на экране.

Присутствующие напрягли внимание, чтобы вникнуть в чрезвычайную ситуацию. Однако я уже поняла дальнейшую казуистику проблемы. От принятия нашей совокупной резолюции будет зависеть дальнейший полёт и судьба «Скитальца-1001». Вместе с тем и жизнь его обитателей стоит в прямой зависимости от решения этой астрономической задачи. Судя по серьёзным выражениям лиц, «казуальная проблема» дошла до каждого человека. Лишь Вин Локвуд отрешённо изучал карту звёздного неба вокруг двойной системы, на клавиатуре задавая параметры, отображающие космическое излучение, то в рентгеновском, то в инфракрасном диапазонах.

— Есть ли хотя бы призрачная надежда? — храбро спросила я.

Астронавигатор задумался, — никто в такой ситуации не мог давать гарантий; — он смущённо пощипал мочку уха, потёр нос, откинул волосы назад.

— Мм-м. В принципе я догадываюсь, как нам выбраться из этого капкана. На графике нам бросаются в глаза три особые точки, вершины холмов, — их впервые обнаружил Луи Лагранж в древней Франции ещё на Земле. Эти три особенности и есть точки Лагранжа или точки либрации. Оказавшись в области внутренней точки либрации, пробное тело без затрат энергии может попасть на соседнюю звезду. Кривая, похожая на восьмёрку, огибающая обе звезды и проходящая через точки либрации, и есть знаменитая критическая полость Роша. Однако частицы в точке либрации, имея очень большую энергию, всё же могут выйти за

пределы полости Роша. Они уже не принадлежат ни одной из звёзд. Выходит, друзья, нам надо точно рассчитать энергию, необходимую для звездолёта, чтобы заведомо вырваться из когтей двойной звезды. Вот вкратце, и вся информация. Спасибо за внимание! Может быть, у кого-нибудь есть ещё вопросы, — а они должны быть, — я в принципе, готов на них ответить. Подумайте!

Докладчик сел в кресло. В круг вышел капитан нашего «Скитальца»:

— Я думаю, излишне напоминать вам, уважаемые коллеги, что звездолёт — наш космический дом. Единственный дом! Караван из других кораблей, может, но вовсе не обязан принимать нас на постоянное поселение к себе. Согласно запланированной миссии они, скорее всего, проследуют курсом дальше, учтя ошибки в нашей лоции. В лучшем случае выделяют спасательную команду. Но лишь в действительно экстренных, так сказать, форс-мажорных, обстоятельствах. Я объявляю производственное совещание открытым для дискуссий. Время пошло, — он вытер со лба пот платком, шумно выдохнул и сел на место.

Люди думали, рассматривая голографическую карту следования «Скитальца» и графики с полостью Роша. Они вполголоса что-то обсуждали, кто-то сел за компьютеры и стал на ходу моделировать и проверять возникшие вдруг идеи. Некоторые стояли у них за спиной, потихоньку переговаривались. Жужжали вентиляторы и кондиционеры, разбрызгивая ароматные фитонциды с запахом лимона для стимулирования мозговой деятельности. Я под села к выступившему с докладом астронавигатору, — у него была располагающая для общения внешность, — поэтому его и так со всех сторон обступили пытливые умы, — и тоже стала его терзать, наверное, глупыми вопросами. Он спокойно отвечал на любые и наивные, даже на мои неискушенные в астрономии: «как» и «почему».

— Эти звезды обе одинаковые или кто-то главнее?

— Конечно. Согласно закону Вебера-Фехнера, и полученному нами логарифму от отношения параметров, описывающих энергетический блеск звёзд, мы имеем не только отличие в определении звёздных величин. Мы достоверно нашли фазу и период обращения каждого компонента двойной системы. Также знаем температуру излучения и соответственно определили, которая из звёзд горячее. Причем интересно, на фазе нуля затмевается та звезда, которая горячее. Переменный блеск светил связан с отражением более горячей звезды в более холодной соседке, как в зеркале. На самом деле происходит просто переизлучение света, конечно же, с изменением длины волны. Однако главнее не та звезда, чья температура выше или масса больше, а та, которая имеет меньшую массу. Как говорится в пословице: «Мал золотник, да дорог». Мелкая и шустрая соседка забирает львиную долю кинетической энергии в звёздной паре себе любимой. И вертится эта малявка быстрее. Значит, по всему выходит — она главнее.

— Для того чтобы определить размеры полости Роша, я думаю, что нужны линейные размеры звезд? Так ведь? — спросила я.

— Размеры? Обязательно! Кривую блеска наш киберкомпьютер построил? Да. По ней же он и вычислил радиусы звёздной пары. Далее, он постарался и в плане определения лучевых скоростей: — это две синусоиды, идущие на графике в противофазе. Отсюда мы узнали их массы, — он ткнул пальцем в один из бумажных графиков, пачку коих держал в левой руке. — Есть ещё вопросы?

— Да. Если температуры разные, то и цвет у звезд разный? — не унималась Олимпия.

— Любопытно? Не секрет, — одна является голубым гигантом, а её подружкаоранжевая. В их спектрах мы наблюдаем спектральные линии разных химических

элементов. Голубой компонент оказался более массивным, (выдвинутая нами теория подтвердилась!) и состоит в основном из водорода, а оранжевая звезда, кроме водорода и гелия дополнительно имеет много ионизованного кальция.

— Скажите, у нашей двойной системы есть какие-нибудь особенности? — задал вопрос кто-то из за спины, я не поняла кто именно.

— Есть. Более массивная звезда, — не просто звёздный объект удивительной природы, но чудо-сверхгигант и таит много загадок. Приходит время, когда звёзды обмениваются космическими ролями и массами. Именно этот исторический факт в биографии подружек мы сейчас и наблюдаем. В равновесии полная энергия двойной звезды есть отрицательная величина! Тепловая энергия и гравитационная оказываются в ней почти одинаковыми. И мы получаем, что в двойных звёздах также имеется отрицательная теплоемкость!!!

— В звёздах отрицательная теплоёмкость? Не может быть! — воскликнул кто-то.

Народ зашумел, загудел, вспоминая азбучные истины о двойных системах. Не всем эта научная абракадабра нравилась, а тем более давалась. Она казалась абсурдной и совершенно лишённой здравого смысла.

— Обычно при нагревании температура тел повышается, следовательно, и внутренняя энергия их тоже увеличивается. Так ведь? — спросил подошедший старпом Вин Локвуд, тенью за ним следовала Олимпия.

— Увы, с природой не поспоришь! У природы в запасе всегда есть сюрпризы, о которых мы даже не догадываемся, поэтому явление отрицательной теплоемкости надо попробовать осмыслить и понять. Для нашего спасения — это первоочередная задача. Чтобы выжить — надо понять! Наряду со всякой разной там казуистикой, мы попытаемся любым рациональным или иррациональным способом найти правильный курс для нашего «Скитальца»! Итак, друзья и коллеги, давайте же разберем физически, то загадочное и непонятное, с чем мы столкнулись.... За работу, друзья!

Глава 5 Капкан продолжает держать добычу

Тем временем наш корабельный кибернавигатор сумел выровнять траекторию полёта настолько, что вращательный момент частично скомпенсировался. Заработали системы искусственной гравитации. Созданные оперативные команды для разработки решений по выходу из чрезвычайной ситуации разошлись по отсекам и разделились, чтобы попутно наладить прерванный катастрофой привычный ритм жизни обитателей нашего космического дома.

Обычная жизнь и быт людей нарушился. Психологический стресс повлиял на всех: поваров и лифтёров, механиков и электриков, ботаников и зоотехников. Овощи и фрукты в оранжереях без питательных растворов могли засохнуть, а новый урожай ждать было бы проблематично, питаюсь одними концентратами. Животные в зоологических отсеках испуганно жались к отопительным батареям. Электропоилки не давали достаточно воды. Краем уха я услышала, что командование звездолёта приняло план «Бэ», законсервированный для чрезвычайной ситуации. Это означало, что в атаку за души звездолётчиков пойдут психологи и неврологи. Честно, если бы кто-то спросил моё мнение о психологах, то сказала бы, что они наименее нормальные из людей.

— Наш девиз: «Человек может если не всё, то многое». Задача каждого: «Пойди и сделай то, можешь сделать»! — сказал на ухо командир Ирвин Нельсон старпому Вину Локвуду. — Я убеждён, что ежедневная работа по графику, успокоит народ. Командному составу надо сделать вид, что ситуация под контролем.

— О, да! — согласился старпом Вин Локвуд. — Восстановить веру в светлое будущее могут только крепкие убеждения каждого в своих силах. Мы будем работать в этом направлении. Задействуем художников, лекторов и агитаторов.

— Верно, Локвуд! Я рад такому взаимопониманию, — полушёпотом произнёс Ирвин Нельсон, опасливо осматриваясь вокруг. Вроде бы никто их специально не подслушивал. Он понизил голос. — Паника на корабле опасна забастовками, демонстрациями и выходом из строя главных систем жизнеобеспечения.

— Постараюсь не допустить, не беспокойтесь, командир!

Мудрейшие вновь собрались в овальном кабинете и продолжили прерванное заседание. Дедушка тоже пошел туда, а мне наказал, строго настроено, раньше времени «не садиться в не свои сани». Ну вот, как всегда! Я, конечно же, опять на него надулась, — он всё ещё считает меня маленькой глупышкой. От нечего делать, я всё-таки прокралась в коридор поближе к кабинету Мудрейших. Стоя в нерешительности у дверей предбанника, размышляла: «Что же предпринять дальше»?

Двери приоткрылись, и на пороге показался давешний знакомый, Дэнвил. Он повертел головой по сторонам и увидел меня. Ни слова не говоря, он ухватился за мой рукав и заговорщически подмигивая, затащил в приёмную и дальше в холл для чаепития. Там уже собралась вся его команда. Они обсуждали что-то о «неказуальном поведении хрональных полей в разных ветвях реальности...» Я не сильна в квантовании миров, но мне было страшно интересно послушать нечто новое и загадочное.

Я удивленно оглянулась на Дэнвила, но он приложил палец к губам:

— Тс-с! Слушай!

— Хорошо, — кивнула я и «накрахмалила» уши.

Речь шла о какой-то таинственной стране, где, по словам собеседников, произошло «определяющее событие, которое изменило ход истории Земли». Точка бифуркации для изменения реальности была сильно сдвинута, как я поняла куда-то не туда, куда хотелось бы странной команде Дэнвила. Главной задачей теперь стало определить вероятность замены новых условий реальности на прежние. То есть какие-то исторические события, уже произошедшие где-то и когда-то на Земле, они хотели поменять на другие. Осталось набрать команду добровольцев для этой миссии. Неужели речь шла о затонувшей Атлантиде, из-за чего наши прабабушки и прадедушки пустились в многовековое звёздное путешествие? Но это были лишь только мои догадки. Я взглянула на Дэнвила, меня распирали непосредственные реакции, и я уже было открыла рот. Но Дэнвил сдвинул брови и сурово молчал.

— Осталось набрать команду добровольцев для этой миссии, — повторил кто-то многозначительно.

— Люди должны созреть, — сказал Дэнвил.

С моей точки зрения затея была чистейшей воды фантастикой! «Утопия»! Конечно же, я об этом только подумала. Дэнвил взглянул на меня вопросительно. Я пожала плечами, но на ухо ему прошептала:

— Звучит заманчиво! — не могла же я просто так обижать нового знакомого.

— Хочешь поучаствовать в хрональной экспедиции, а?

— О, это было бы здорово! — ответила я бодро, полагая, что мы сможем это сделать или виртуально, или же с посещением других кораблей нашего космического каравана.

Он кивнул головой:

— Замётано. Считаю, что ты уже включена в состав команды добровольцев, дело за малыми формальностями. Правда это произойдёт, лишь после того, как «Скиталец» выпутается, извини за тавтологию, из гравитационных пут полости Роша, — он обезоруживающе широко улыбнулся и опять подмигнул...

Вечером того же дня вымотанные и уставшие члены чрезвычайной комиссии по спасению «Скитальца» просто валялись с ног, но, несмотря на это они вновь собрались на общее производственное совещание в овальном кабинете...

Остальная корабельная жизнь шла своим чередом. Дискотеку на нашем корабле решили не отменять, дескать, пусть всё идет, как задумано. Я уже собиралась туда идти, как пришёл дедушка. Лиловое вечернее платье с огромным вырезом на спине, обтягивало мою фигуру, словно вторая кожа. Я вертелась перед зеркальной стенкой в каюте и примеряла разные дополнения к праздничному туалету, наконец, выбрала белое пушистое боа. Дедушка невозмутимо ждал, пока я закончу туалет. А потом буднично спросил:

— Готова, внученька к важному приёму?

— Думаю, что готова, деда, — ответила я, думая о дискотеке.

— Тогда пойдём, голубушка, нас ждут высокие чины в президентской кают-компании, — и хитро подмигнул мне.

— А? — только и успела пролепетать я, отпуская из романтических фантазий со вздохом образ Надина, а заодно с ним и Дэнвила на волю. Увы и ах!

Дедушка вынул из кармана смокинга тёмно-бордовый футляр и открыл его. Боже мой! На красном бархате сверкал изящный золотой браслетик в виде ящерицы с крошечными

бриллиантиками в глазах и изумрудами по бокам.

— Дедушка, это мне?

— Да, Васка! Браслет твоей бабушки. Она просила вручить тебе его в день наиважнейшего официального бала, на который ты попадёшь. Вот и настал этот долгожданный момент. Примерь-ка! Украшение сделано древними ювелирами ещё на Земле. Береги подарок!

Я бережно взяла бабушкин браслет, земную реликвию, и надела на правую руку:

— По-моему, мне как раз подходит, а, дедушка, посмотри!

— Да, ты у меня, просто красавица, внученька! Ну, всё, хватит прихорашиваться, пошли, Васка, на такой вечер опаздывать не положено. Пилот Васка, смиренно! Где твоя обаятельная светская улыбка? На важный приём шагом марш! — и он обходительно подставил руку, крендельком согнув в локте.

Мы долго петляли по незнакомым мне коридорам пятого президентского уровня, вход в который охранялся личной охраной президента нашего космического каравана. Три дня назад президент Артур Аргус прибыл к нам с правительственного корабля, с официальным визитом. А теперь волей случая он вынужден был делить участь вместе с членами экипажа «Скитальца», застигнутого врасплох гравитационными ловушками двойной звезды. Президент решил, чтобы успешнее разобраться в возникшей ситуации, людям необходима психологическая разрядка. Поэтому вместо совещания, он устроил пышный официальный приём с балом и «а ля фуршетом». Политическая подоплёка этого мероприятия была хорошо продумана. Смысл всего можно выразить в двух словах, — он нам доверяет, и будет до последнего момента поддерживать нашу корабельную команду.

«Хм! — подумала я. — Куда же ему деваться с нашего звездолёта? Ведь его межкорабельные челноки не имеют мощности наших разведывательных кораблей, пока ещё способных летать даже в сильных полях тяготения полости Роша. Правда, это секретная информация, и я надеюсь, что наш дражайший президент об этом не знает».

— Адмирал первого ранга космической флотилии Флэмминг Торн и его внучка, пятый пилот и второй штурман корабля «Скиталец-1001» Васка Торн! — объявил церемониймейстер.

Когда мы вошли в залу, то нас сразу же подвели к президенту. Артур Аргус душевно за руку поздоровался с дедушкой, а мою руку согласно этикету церемонно поцеловал. После чего гости предоставлялись самим себе. Длинный банкетный стол был уставлен разнообразными яствами и даже диковинными фруктами, которые я видела только в картинной виртуальной галерее. Тут были целые гроздья крупного янтарного винограда, пушистые краснобокие персики, черепаховые ананасы и кожистые зелёные манго. Я решила, что стоит перепробовать всё-всё. Но дедушка, увидев мой аппетитный азарт, тихо шепнул мне ухо, чтобы я подумала о последствиях вкушения незнакомой пищи, и если пробовать, то совсем чуть-чуть. Ценное предупреждение! Ладно, наверное, стоит об этом подумать. Я плотоядно облизнулась.

Минут десять-пятнадцать неспешно собирались приглашённые, вот пришёл наш старпом, Вин Локвуд, под руку с очаровательной Олимпией. Она была на высоте в новом умопомрачительном наряде и в шляпке. Девушка сияла. А как же Вин Локвуд? Хм! Выражение глаз каменного столпа неизменно было прежним. Жидкий азот, пожалуй, принял форму кристаллической решётки металла. И ...самым последним прибыл Дэнвил со

своей командой в полном сборе. О! Мои уши стали неприлично розоветь. Благо я их виртуозно спрятала под вычурным головным убором, и надеялась, что они не будут слишком бросаться в глаза.

Заиграла музыка, и на стенах включились огромные проекционные экраны с репортажем о будничных делах на других звездолётах нашей флотилии. Новости сменились концертом корабельных поп-звезд. Гостей пригласили танцевать. Дэнвил вырос передо мной словно из-под красного ковра. Он галантно кивнул и пригласил на вальс. Дедушка лишь одобрительно подкрутил пышные усы, и отправился за покерный столик, где сидел сам президент Артур Аргус и прочие официальные лица его свиты, а также важные политические шишки с нашего корабля. Старпом Вин Локвуд тоже обретался с ними, заодно с этой королевской свитой. Как же иначе, положение обязывает! Музыка играла, танцевальные пары шурша нарядами плыли по кругу. Олимпия грустно ела фрукты.

Глава 6 Новые загадки гравитационного капкана

После вальса была мазурка, потом гавот, потом другие танцы, а потом... Внезапно концерт на экранах сменился мигающей надписью: «ЭКСТРЕННЫЙ ВЫПУСК НОВОСТЕЙ». Музыка смолкла. Диктор, молодая женщина с причёской «ирокез», искусно выполненной на её трансгенных фиолетовых волосах, хладнокровно вещала: «Согласно Конституции Космической Экспедиции, в связи с длительным отсутствием Президента на рабочем месте, Совет Безопасности решил назначить исполняющим обязанности Президента, представителя Сената. Общим решением Совета Безопасности и Сената на этот пост избран министр космической промышленности Амадей Вольф. А в случае истечения срока его полномочий и дальнейшего отсутствия действующего Президента Артура Аргуса будут назначены досрочные перевыборы...»

В зале воцарилась мёртвая тишина. Кто-то вежливо подкашливал, кто-то звучно сморкался в платок. Это было похоже на бунт на президентском корабле. Президент надел микрофон на лацкан пиджака и произнёс короткую речь экспромтом.

— Уважаемые дамы и господа, уважаемые члены экипажа «Скитальца-1001», уделяя внимание своим обязанностям, я прибыл сюда по доброй воле и согласно долгу службы. Космическая Экспедиция, не просто туристическая прогулка. Я всегда отдавал себе отчёт в том, что наш полёт полон опасностей и непредвиденных ситуаций. Любой корабль может попасть в любую ловушку, приготовленную природой в недрах глубинного космоса, и которая, до поры до времени, хранит скрытые входы и выходы втайне от случайных путешественников. Я счастлив, что в нужный момент я оказался в нужном месте. Моя основная специальность вовсе не политика, я — лоцман и разведчик глубинного космоса, поэтому буду очень рад поучаствовать в разведке гравитационной воронки полости Роша, если конечно, вы меня туда включите!».

Мощные крики: «Ура!!! Браво!» и «Слава нашему президенту Артуру Аргусу!» стали завершающим аккордом этому выступлению. Президентский приём продолжался далее по программе, как и был заранее задуман. Хотя сам президент и важные персоны, перепоручив гостей церемониймейстеру, уединились в президентской библиотеке. Лично я не поверила в альтруистические порывы главы нашего космического поезда.

Музыка завораживала, пленяла и манила в мир фантазий. Дэнвил нашёптывал мне стихи малоизвестных поэтов-бардов. Я кружилась в ритмах вальсов, танго, рок-н-ролла, джайва и других танцев и мне казалось, что я плыву среди звёзд в Туманности Андромеды. Потом, после бала, гости пошли кто куда: кто в ботанический парк-сад, кто в океанариум, кто-то в кинозал, а мы с Дэнвилем отправились в бар виртуальной реальности. Он предложил виртуальное хрональное путешествие. Храбрец сказал, что записал его, когда был в той экспедиции со своей командой. Потрясающе!!! То, что я увидела, было круче любимых пиратских историй. Однако я думала, что Дэнвил просто сделал этот фильм с помощью компьютерного моделирования. Может он киношник? Хотя... Нет, вряд ли. Неужели этот немислимый исторический фильм воистину документален? Невероятно! Мы всю ночь бродили с ним по президентскому этажу. Где мы только не побывали!? Мы сходили в ботанический парк-сад и океанариум, и даже в бассейне покатались на лодке среди кувшинок и водяных лилий.

В семь утра я уже успела накрутить привычные беговые километры на ноги, принять контрастный душ и села пить чёрный жгучий кофе с шоколадкой дома, в своей каюте. Динамик бодрым голосом соперницы Люси сообщил, что с пятницы на четверг перенесли моё дежурство в рубке управления, вместо заболевшего другого члена экипажа. Сегодня был именно четверг! Посему после чашки кофе я влезла в полётный комбинезон и пристегнула кучу всякой экстремальной аппаратуры на пояс и на жилет. В восемь часов ровно я сидела в кресле пятого пилота с радиошлемом на голове и выполняла привычные команды кибернетического Навигатора. Дежурство началось очень обыденно. Несмотря на едва уловимый вектор тяги по касательной к окружности гравитационной воронки бета Лиры-2, поправочный курс «Скитальца-1001» составлял сотые доли процента от линейной скорости корабля. Важно было сохранить мощность двигателей в рабочей форме, и пока мы не рисковали делать попыток убраться отсюда без надлежащих разведывательных данных. Я знаю, что команда быстрого клипера для разведки уже начала подготовительные сборы, но ещё не были полностью определены состав экспедиции, а также важная часть — её тактические задачи.

Проблема, как я думала, прежде всего, состояла для нас в том, что силовые линии гравитационного поля невидимые и что-либо четко определить в невидимых полях невозможно в принципе. Правда, одна мысль у меня мелькнула, что мы попали в эту ловушку из-за тёмной материи, которая прикрывала вход в гравитационную воронку. Тёмная материя создала дополнительный вектор тяги, который не учёл наш корабельный Навигатор, и сработала как капкан для мышей, поэтому мы сбились с курса. Стоп! Это мысль! Надо срочно связаться с нашим старпомом! Если это действительно так, то отстающие от нас на три-четыре дня корабли нашей эскадры и идущие за нами точно по нашему курсу «след в след» могут попасть в эту же ловушку таким же путём, как и мы.

Я включила Интерком. Линия связи со старпомом была свободной.

— Старший помощник капитана, Вин Локвуд, вас вызывает на связь пятый пилот и второй штурман Васка Торн! Я тут просмотрела данные расчётной лоции и реальный курс корабля до того, в момент и после захвата нашего «Скитальца» гравитационной воронкой Лиры-2, и нашла кое-что любопытное. Мне продолжать?

— Васка, подождите минутку, я сам зайду в рубку управления. Я хочу вместе с вами посмотреть, так сказать, момент захвата «Скитальца» в ловушку.

— Есть, сэр! Жду вас. Конец связи.

Я отключила Интерком, и вскоре старпом Вин Локвуд, собственной персоной, — эта груда мышц, бицепсов и всяких там трицепсов, — лично прибыл в рубку взглянуть на моё дежурное изыскание.

— Вот, сэр Локвуд, смотрите, на лоции расчётная траектория — это зелёная линия. Она прямая, как стрела. Её рассчитал кибернавигатор. Красным цветом отмечена реальная кривая движения корабля, она с явным прогибом, имеющим ненулевой радиус. Именно здесь, в момент корабельного времени «икс», и наблюдается необъяснимое отклонение нашего курса. В этой таблице справа на экране сведены вместе вектора тяги для каждого случая нашего движения. Обратите внимание, что в именно момент «икс» как раз и появился дополнительный вектор тяги, обусловленный центробежной силой Лиры-2. Значит, я предполагаю, что в окрестности точки с координатами альфа-1, бета-3, гамма-8 плюс-минус ошибка определения координат и находится вход в гравитационную ловушку.

— Хм. В самом деле, Васка, очень на это похоже. Однако почему наши локаторы и пространственные гравиметры не засекали столь мощных полей? Ты, как думаешь? — Наконец-то, в глазах старпома проснулся живой интерес. Его выражение лица неожиданно потеплело, и я увидела, что старпом состоит не из сплошной громады мышц, замурованных в жидком азоте, а он — просто большой мужчина с добрыми и ясными глазами ребенка.

— Мне кажется, сэр Вин, — что вход в этот капкан затенён облаком тёмной материей. Она экранировала все гравитационные аномалии до того самого момента, пока «Скиталец-1001» не оказался в критической зоне, когда уже стало поздно выравнивать курс. Навигатор с этим не справился.

— В самом деле, любопытная гипотеза! Это всё, Васка?

— У меня есть опасение, сэр, что следующие за нами корабли нашей эскадры попадутся на эту же удочку, и могут быть затянуты вслед за нами в эту же ловушку. Не так ли, сэр Локвуд? — ввернула я в разговор любимую приставку старпома и пожалала плечами.

— Допустим. Если мы сейчас составим, подробный отчёт об этом сбое с курса и отправим всем кораблям Космической Экспедиции, то, Васка, как, по-твоему, — сколько у них времени есть в запасе на изменение своего курса следования, а?

— По моим расчётам два дня, пятнадцать часов и тридцать семь минут есть в резерве у корабля, следующего за прямо нами. Минус время, необходимое для передачи сигнала. Я думаю, что при этом эффект Доплера, меняющий частоту сигнала можно не учитывать, поскольку корабли эскадры идут за нами в пределах двух-трёх световых дней, плюс-минус одно стандартное отклонение на пару секунд.

— Хорошо, Васка, я понял твою идею. Я принял к сведению обнаруженные вовремя форс-мажорные данные и пойду, пожалуй, к себе. Я хочу всё это обсудить с нашим капитаном и астронавигатором. Мы вместе с ними перепроверим эту информацию, твои версии и этот невероятный прогноз, а тогда уже позже отправим упреждающее сообщение нашей космической эскадре. Верно? — он откровенно зевнул.

— Я опасаясь. Не опоздать бы, сэр, с предупреждением эскадры?

— Пилот Васка, смирно! Вы можете продолжать своё дежурство в прежнем режиме. Вы правильно сделали, что доложили мне об этом. Так держать! Кстати, как насчёт дополнительного вектора тяги, на сей момент?

— Дополнительный вектор тяги — постоянный с переменной составляющей в три тысячные доли процента. Мощность двигателей расчётная, без лишнего расхода топлива. Скорость крейсерская, то есть оптимальная. Крен — одна и семь десятых градуса. Тангаж...

— Стоп-стоп, хорошо, дорогуша! Я пошёл домой баиньки. Доброго дежурства! — Он вежливо мне откланялся и вновь погрузился в озеро из жидкого азота.

— Есть, сэр! Спасибо, вам, сэр Вин Локвуд.

Он тихо закрыл дверь, даже не оглянувшись. Чисто статуя! Бедная Олимпия! Что она в нём нашла? Моё дежурство продолжалось...

Глава 7 Вечерний визит к старпому

После моего доклада прошли сутки. Закончилось странное дежурство. Станным я его посчитала потому, что заметила дополнительное ускорение. Командование ничего не предпринимало. Потом миновали ещё одни сутки. Оставались считанные часы до входа следующего корабля в гравитационную ловушку. Если быть точнее, — пятнадцать часов и тридцать семь минут! Старпом Вин Локвуд, командир корабля Ирвин Нельсон и астронавигатор Май Хо Лэй хранили полное молчание. Я заподозрила что-то не ладное. Что делать? Если пожаловаться дедушке на игнорирование старпомом Локвудом моего доклада, то это будет незрелое детское решение. Хочется быть самостоятельной. Ладно, буду действовать по обстоятельствам, так нас учили! Поэтому мне крайне необходимо набраться храбрости, пойти к старпому лично и спросить о ходе дел. Сказано, — сделано! Я допила крепкий кофе и небрежно сунула чашку в мойку.

Чтобы надеть для разговора? Форменный комбинезон вне дежурств не положено носить по уставу. Я мигом натянула первое, попавшееся платье, длинное стального цвета с разрезом до бедра, и посмотрелась в зеркало. Волосы всклокочены. Ну и видок! Непорядок, страшная дисгармония, ещё вообразит начальство, что у меня вкуса нет. Пришлось пройтись по волосам расчёской и уложить гелем мои неизменно зелёные, слегка завитые волосы. Итак, я была в полной боевой готовности: — сражаться до победного конца! Вот в таком настроении я вышла из каюты на тропу войны. Уже в лифте, я вдруг вспомнила, что не сообщила о своём визите вышестоящему лицу по Интеркому, как это должно быть сделано, все по тому же дурацкому уставу. Однако если разговор носит не служебный характер, то в принципе можно обойтись и без доклада.

«Ага, вот и каюта с бассейном из жидкого азота», — язвительно подумала я, очутившись перед дверью Вина Локвуда. Отступать некуда, позади цена жизни экипажа корабля, следовавшего курсом за нашим «Скитальцем»! Я громко постучала в двери.

— Не заперто! Входите! — послышался голос старпома, и я нажала на рычаг.

Двери легко отъехали по рельсам вправо. Я храбро переступила порог, начальство, всё-таки. Лишь бы не оробеть.

— Добрый день, сэр!

Вин Локвуд сидел ко мне спиной в красной трикотажной майке, лицом к большому зеркалу напротив двери и брился. Я никогда не видела старпома без рубашки, а точнее полуодетым, в спортивной форме. То, что я увидела, пожалуй, повергло меня в шок. Стальные мышцы, рельефные и накачанные, лоснились от ровного кварцевого загара. Атлетические формы красивого мужского тела играли при движении. Теперь я поняла, почему Олимпия ест его глазами. Это был очень красивый и сильный мужчина. Несколько мгновений я разглядывала его самым бессовестным и откровенным образом, настолько была поражена тем, что так можно развить тело. «Он, наверное, регулярно занимается бодибилдингом, чтобы быть в такой форме. Применяет какие-нибудь упражнения», — подумала я. Старпом в зеркало посмотрел на вторженца, и на сотые доли секунды мне показалось, что он несколько смутился. Мгновением позже я поняла, что обманулась. Зеркальная гладь его азотного озера даже не всколыхнулась.

— Добрый день, пилот Васка Торн! Вы без доклада, не так ли? Значит по неписанным правилам нашего «Скитальца», разговор предполагается быть частным? Чаю, кофе,

потанцуем? — мужчина продолжал спокойно бриться, он усмехнулся одним уголком губ.

Ах, он ещё и шутит! Во мне всё кипело и бурлило. Вот, же язвы, ну я и влипла! Я прикусила губу, исподлобья глядя на нашего буквоеда и любителя должностных параграфов и неписаных правил. Надо же помнить об этой чепухе в такой момент!? Придётся выкручиваться. Что ж, поиграем в дипломатию!

— Желательно чёрный кофе, сэр, и горький шоколад! — парировала я, глядя на его отражение в зеркале. Отражение замерло, не донеся руку с бритвой до салфетки. По азотному озеру прошла рябь, словно в него попал легкий камешек.

— Вот как? Вы пришли ко мне выпить чашку кофе? Очень интересно, ну я даже заинтригован. Вы позволите закончить бритье, мне нужно еще пару минут, леди? Присаживайтесь, не стесняйтесь, прошу вас, Васка Торн.

— Как вам угодно, сэр, — я села в большое кресло сбоку от него за маленький кофейный столик, для отваги заложив ногу за ногу. Разрез сбоку обнажил моё тренированное бедро в колготках, но отступить было поздно.

Со стороны, любой другой гость подумал бы, что я пытаюсь занять место красавицы Олимпии. «О, нет! Прости, дорогая Олимпия, я хочу спасти и тебя, и твоё озеро с жидким азотом, и весь экипаж «Скитальца». Одна за всех!» — вообразила я не без гордости за взятую на себя ответственность.

В каюте старпома я, конечно же, не была ни разу, поэтому с интересом озиралась вокруг. В дальнем углу каюты была подвешена клетка с парой резвых попугаев. Птицы яростно делили что-то между собой и забавно ругались. Летели пух и перья в стороны и мимо клетки через прутья. Попугаи оглушительно чвиркали и перемежали попугайскую речь отборными человеческими ругательствами, кои я встречала только в пиратских историях. «Ого-го, какой богатый лексикон морских волков!», — подумала я.

— Ваш кофе и молочный шоколад. К сожалению, горького шоколада не осталось, в следующий раз непременно приготовлю исключительно только для вас, — он подал мне чашку с дымящимся кофе с подноса и рядом положил шоколадку и на блюде маленько бисквитное пирожное. — Пожалуйста, уважаемая, леди Васка.

Старпом поставил свой кофе на столик и сел напротив, преспокойно прихлебывая жгучую чёрную жидкость. Столик был маленький, а старпом большой. Полуобнаженный торс в майке, которая ничего практически не прикрывала, притягивал мой неискушенный взгляд. Он был похож на древнегреческих богов. «Мог бы рубашку надеть», — досадливо подумала я. «Правда, он у себя дома, и не он ко мне пришёл, а наоборот я к нему припёрлась, причём незвано и негаданно». Запах крепкого дезодоранта доходил до моего носа, но он не перебивал запаха мужского тела, который необъяснимо мешал мыслям сосредоточиться.

— Так о чём мы с вами будем говорить, дорогуша? О космической погоде и магнитных бурях, солнечном ветре от ближайших к нам звёзд? Или? Я слушаю, вас, Васка. Чем обязан вашему визиту, который может скрасить вечер закоренелого холостяка?

— Сэр, я хотела бы...

— Да, кстати, разговор у нас не служебный, вы помните, поэтому я прошу называть меня просто по имени. Пейте кофе, пожалуйста, берите, пирожное.

— Простите, Вин. Я хотела бы узнать, скомплектована ли команда для разведывательного броска? — придумала я увёртку.

Вин Локвуд искоса посмотрел на меня и иронично улыбнулся. «Издевается, гад», — мысленно кипела от возмущения.

— Вы находите этот вопрос совершенно не служебным, не так ли?

— Ах, вот как! Табу? Хорошо, тогда, Вин, скажите, как вам понравился приём у президента, не правда ли великолепная была программа, особенно её танцевальная часть? — кажется, я неуклюже, наступила на большую мозоль.

Я внезапно вспомнила грустную Олимпию, жадно следящую за танцевальными парами, и испуганно посмотрела на старпома. Вин Локвуд недоумённо уставился на меня, удивлённо поднял брови, и словно, онемел от наглости юной гостьи. Он поставил чашку с недопитым кофе на блюдце. На поверхности азотного озера появились лёгкие волны. А я почувствовала себя не в своей тарелке.

— Простите, сэр... Вин, я вовсе не хотела быть неуклюжей, ради Бога, простите, — я потупилась.

Возникла непредвиденная пауза. Попугаи перестали драться и уже дружелюбно чирикали, ухаживая за перышками соседа. Вин встал из-за стола, подошёл к книжной полочке и долго искал там что-то, наконец, нашёл. Это был карандаш-капсула, который старпом вставил в гнездо проигрывания музыкального центра. Мягкая и лиричная, неизвестная мелодия, сопровождаемая разноцветными светомузыкальными эффектами, залила пространство каюты. Звуки флейты и скрипки заполнили неловкую паузу, и я ощутила умиротворение. Мои эмоции улеглись: беспокойство, неловкость возникшей ситуации и злость тихо ушли куда-то.

— Я обещал вам танец, Васка. разрешите пригласить, — он галантно подал руку и церемонно поклонился.

Мне ничего не оставалось, как принять это удивительное приглашение на танец. Свои руки я вынуждена была положить ему на обнаженные плечи. Танец был медленным, со множеством эффектных фигур. Вин Локвуд умело вёл, как партнёр. Где он научился так мастерски танцевать? Во время вальсирования меня преследовал его запах, близкое дыхание и постоянное касание к рукам, плечам и торсу красивого мужчины. «Зачем я пришла без доклада?» — выругала себя за глупую выходку. Но эта мысль словно призрачное видение тут же упорхнула прочь. Моё сердце птичкой билось в руках этого атлета, громко в такт музыке и неожиданно трепетало неизъяснимыми чувствами.

Мелодия закончилась. Но волшебные звуки неслышимо ещё кружили мне голову. Её сменила другая мелодия. Мы стояли посреди каюты при неярком освещении бра и всполохов световых гамм. Я расслаблено положила голову на плечо нечаянного партнёра, пока до меня не дошло, что танец закончился. Вин поднял мой подбородок и посмотрел в глаза. Жидкий азот его озера явно испарился и витал над ним плотным белесым туманом. Я закрыла глаза и ощутила на губах крепкий, жгучий и горячий поцелуй. Ощущения были новыми. Я задохнулась и потонула в крепких и нежных объятиях. Это был момент или длилось целую вечность? Не знаю. Туман в голове рассеялся. Я отстранилась от мужчины и, отвернувшись от него, взяла со столика ключи от своей каюты.

— Простите, сэр, я забыла доложить по Интеркому о неофициальном визите. Это было моей оплошностью. Я вовсе не за этим приходила, — сказала я, умиряя дыхание.

— Извините меня, Васка, я не должен был тебя, то есть... вас, целовать, честное слово, вовсе не хотел обидеть. Я, конечно же, знаю, зачем вы приходили. Не волнуйтесь так! Ваше наблюдение не осталось незамеченным. Вы молодец!

— Неужели!?

Я ощутила себя драконом, готовым изрыгнуть пламя.

— Радиограмму нашей эскадре с упреждением о гравитационной ловушке мы отправили вчера ближе к вечеру, мы так устали от дебатов и вычислений множества решений, что забыли вам сообщить о результате нашего совещания. Надеюсь, мой сегодняшний проступок не слишком ввел вас в гнев?

Я подошла к старпому. Вид у мужчины был виноватый и огорченный. Положила руки на плечи и дотянулась до его губ. Горячее дыхание и ещё один жаркий и долгий поцелуй, на прощание завершили наше примирение. Ах!.. Это безумие!

— Ты сумасшедший! Вин.... Вин, не надо.... Вин, у меня есть парень, извини, я не могу. Ты должен понять. Мне пора домой. Становится очень поздно, однако. Пока.

— Я знаю, девочка. Нечаянно вышло, и я не нарочно. Точно голову потерял. Желаю удачи, вам обоим! Увидимся, и спокойной ночи!

Я беззвучно закрыла двери его каюты и быстро прошла к лифту, старясь не стучать каблуками по ковровой дорожке, и чувствуя себя грешницей. «Захотела решить вопрос взрослому? Хм, кажется, что это удалось», — размышляла я, стоя в лифте. Мои губы пылали огнём новых ощущений. Лифт бесконечно долго ехал на мой уровень.

Когда я засыпала, то никак не могла выбросить из головы случившееся. В голове мелькали мысли о Надине, Дэнвиле и, теперь к ним добавился Вин Локвуд. Надина я сразу же решила оставить для Люси. Пусть она радуется, мы с ним даже не танцевали, так что этот вопрос решился без проблем. Оставались Дэнвил и Вин. Что с ними делать, и кого из них выбрать? Дэнвилу я обещала участвовать в какой-то невероятной экспедиции, о которой я имею весьма смутное представление. Да и то, когда это будет? Наш бедный «Скиталец» находится в такой крутой передрыге, и всё остальное будущее нашего экипажа — туманно и не определено. Правда, с Дэнвилем у нас больше общего, чем со старпомом Локвудом. Но... этот безумный поцелуй будоражил эротические фантазии. «Так, стоп, Васка!» — скомандовала я сама себе, — «представь, что ты насекомое, пчела, например. У пчёл есть феромоны — это такие биохимические соединения, которые заставляют их искать вторую половину. Наверное, и у людей есть что-то в этом духе, а значит — это просто биохимия. Мы разумные существа. Поэтому забудь, голубушка все запахи его тела, все прикосновения и прочее! Не морочь голову ерундой и спи! Никаких фантазий»!

Так я полночи мужественно боролась с необычными впечатлениями. Я так старательно пыталась усмирить бурное смятение чувств, что едва заснула. Снились огромные пчёлы, жёлто-чёрные мохнатые и пушистые. Они садились на большие шарики клевера и наслаждались нектаром, которому суждено будет превратиться в мёд. Прозрачные крылья трепыхались на ветру, а сквозь них просвечивали жгучие лучи солнца. Оно вставало из-за горизонта, и это была двойная звезда с сачком. Звезда гонялась за пчёлами, и я тоже обратилась в пчелу. Да это же гравитационная ловушка, поняла я! Во сне я убегала от каждого взмаха сачка то влево, то вправо, и пряталась в траве, замирая от страха. Сон был бурным, но глубоким. Поэтому я чуть не проспала будильник.

Глава 8 Чужой корабль

На следующее утро снова было моё дежурство в рубке «Скитальца». Сидя за пультом управления и контроля над всеми системами нашего звездолёта, я была не слишком внимательна к сигналам локатора. Мерное гудение вентиляторов и компьютерных блоков, мерцание мониторов и светодиодных ламп действовали убаюкивающее, и в какой-то момент я нечаянно задремала. Казалось, это был лишь на миг. Но за доли этой секунды наш корабль поглотил не одну тысячу километров космического пространства. Очнулась я вдруг от воя сирены, заполнившего рубку управления, и, как ужаленная осой, подскочила к экрану.

— О, Великое Двоединоначалие! Что это? — воскликнула я от удивления.

Такого зрелища ни разу не наблюдала ни я, ни мои предшественники. На экране в рамке видоискателя я увидела неопознанную цель. Автоматическая система безопасности «Скитальца» взяла объект в перекрестие прицела! Вой сирены продолжал действовать мне на нервы. Даже стены вибрировали на низкой противной ноте, отдаваясь мерзким холодящим спазмом в печёнке и кишечнике. Стараясь не обращать внимания на тревожный звук, я делала свою работу, следовала букве инструкции в чрезвычайной ситуации.

Цель, загнанная в перекрестие локатора, двигалась со скоростью выше крейсерской скорости «Скитальца», ускорение мишени также превышало наш вектор тяги. Расстояние между нами стремительно сокращалось. На позывные неизвестный объект не отвечал. «Может быть, это астероид»? — предположила я. Задала параметры для графического опознавателя. На втором экране возникло трёхмерное изображение корабля. Космический аппарат не числился в нашей эскадре. «Чужой звездолёт!? Впервые за всю историю нашего путешествия мы столкнулись с другими разумными существами. Кто они? Как на всё это реагировать»? — я растерялась. По той же корабельной инструкции, мне пришлось опять вызывать по Интеркому старпома Вина Локвуда. Только его прямой приказ мог поднять группу быстрого реагирования в такой ситуации.

— Вин, на связи пятый пилот, Васка Торн.

— Хр-р-р...

— Вин, проснись! Вин Локвуд, срочно, да проснись же ты, трам-там-там! Старпом Вин Локвуд, вас срочно приглашают в рубку управления, у нас возникли непредвиденные проблемы!

— Хр-р-р.... Да чего там, и кому от меня что нужно? А? Какие проблемы, девочка, ты не выпалась?

— Вин, по курсу нашего «Скитальца» с высокой скоростью следует неопознанный корабль. Это чужой корабль!

— Не может быть, я думаю, — это неполадки в аппаратуре отслеживания объектов. Проверь, ещё раз параметры объекта, думаю, ты перепутала с астероидом.

Полусонный старпом явно мне не верил. Микрофон однако он не отключил, но судя по шуршанию, по всей вероятности, Вин Локвуд закутался в одеяло и повернулся на другой бок.

— Вин, я не шучу! Я точно вижу его на радаре и на графическом опознавателе. Это стопроцентно чужой корабль! Наши позывные чужаки проигнорировали. Дистанция между нами стремительно сокращается. Часов через двенадцать они нас догонят, и накостыляют всей команде, как пить дать! Не верите, сэр, взгляните сами! Я не знаю, что мне делать, мощностей «Скитальца» для разгона при дополнительном векторе тяги в гравитационном

поле ловушки двойной звезды может не хватить, чтобы удрать подальше за такое короткое время! Если вы, сэр, Вин Локвуд, не придёте в рубку, то я разбужу командира «Скитальца».

Сэр, так мне будить сэра Ирвина или как?

— Хр-р! Ёлкин дрын! Хорошо, Васка, я иду.

— Жду. Конец связи.

Я отключила воющую сирену и оставила на экране видеоискатель с рамкой. К радару я добавила пару камер автоматического слежения. А также на всякий случай включила прогрев резервных ионных двигателей и связанные с ними трёхосные гироскопические блоки. Когда зашёл старпом, я уже привела «Скитальца» в состояние ожидания готовности перед мощным рывком. Но, конечно же, если последует приказ. Я вывела из гибернации главного Кибернавигатора, аватара, электронной копии живого человека, находящегося в криоотсеке. Он быстро отсканировал полученную мною ранее информацию, опросил готовность всех систем корабля и выдал столбцы цифровых данных на экраны рубки управления.

— Доброе утро, Васка! Показывай, что у тебя там стряслось!

— Смотрите, сэр, все перед вами.

— Ёшкин кот! Очень интересно! Включай Интерком, общий канал связи с командиром и группой быстрого реагирования. Готово? Дай микрофон!

— Командир? Ирвин, на связи старший помощник Вин Локвуд, код ноль и десять! Группа быстрого реагирования, пройдите в полном составе в рубку управления...

Вскоре была укомплектована разведывательная группа для обследования гравитационных полей в полости Роша двойной системы Лиры-2. Кроме меня в неё вошли многие мои знакомые, в том числе и близкие мне люди: Надин, Люси, Дэнвил, Вин Локвуд. Дедушка был, конечно же, против моего участия там, но я настояла на своём...

Я постаралась, чтобы наш клипер за минимальное время взял мощный разгон. И действительно, вскоре он набрал скорость, необходимую для хорошего маневрирования в опасной зоне. Меня взяли пилотом на этот клипер, другого я всё равно ещё ничего не умела делать. Надин был спасателем. Люси нужна, как врач. Дэнвил — разведчик глубинного космоса, — владел всякой там аппаратурой и методами восстановления из данных реальных физических полей. Вина Локвуда, включили как механика, ремонтника и лоцмана, а также его назначили командиром разведгруппы. Остальные члены экипажа дублировали основной состав, мало ли что может произойти в реальности.

Перегрузки экипаж клипера перенёс благополучно, только у Люси разболелась голова. Ну, это не страшно! Голову мы ей полечили за ужином проверенным старинным способом, коньяком с лимоном. За первый день разведки мы не обнаружили ничего особенного. Чужой корабль словно растворился, исчез из поля зрения. В пределах полпарсека гравитационный потенциал имел однородные величины без особенностей. Шесть часов сна пролетели незаметно, и я снова села за штурвал.

После полудня, когда наше внимание притупилось от напряжения и ожидания чего-то необычного, мы заметили впереди по курсу красноватое завихрение, подсвеченное оранжевым компонентом двойной звезды. Спектрограф определил химический состав вещества звёздного вихря, — это был ионизованный водород. Он окутывал нечто странное, напоминающее чью-то нору, затянутую «паутиной». «Паутина» светилась в жёстком рентгене, и мы её без труда распознали. Что это? «Нора» сужалась в виде воронки, а

снаружи она образовывала протяженную спираль. Дальний конец этой спирали сходиллся, согласно вычислениям кибернавигатора, к одной из точек либрации. Саму зону либрации ни в рентгене, ни в оптике, ни на других частотах с нашего расстояния мы не увидели. Такая невидимая космическая полянка может быть местом для поглощения всякого излучения, в том числе и причиной радиомолчания! Нужен был ещё один бросок, причём на предельно большой для клипера скорости, — практически на мизерную долю, отличающуюся от скорости света. В таком пограничном режиме мне до сих пор не доводилось водить корабль. Я боялась, что не сумею отреагировать на внезапные препятствия. Для меня это было серьёзным испытанием, как для пилота.

Между делом меня грызла одна мысль. Я размышляла, почему в разведгруппу включили пилотом именно меня, а не более опытного члена экипажа? Уже вдали от «Скитальца» я поняла, мало ли, что может произойти с клипером и нашей группой, а наш звездолёт не должен был остаться без добрых старых пилотов со стажем. Хе-хе-хе! С одной стороны, стало обидно, что меня недостаточно оценили, как профессионала. А с другой стороны, можно было гордиться, — именно мне доверили настоящее дело. Минорные размышления прервал Дэнвил.

— Привет, Васка, ты ещё не заснула за рулем? Как прогулка? — он наклонился и чмокнул меня в шею.

— С ветерком! Почти уикенд! — в тон ему весело ответила я. — За штурвалом пилоту не положено было хандрить.

Дэнвил притащил в рубку астрономические приборы и прицепил их к левой и правой системам слежения за противоастероидными защитными полями клипера.

— Дэнвил, ты не знаешь? Мы случайно на борт не захватили никакого оружия, а?

— Зачем, тебе, Васка, дорогая? На горизонте никакого противника нет?

— Да я так спросила, на всякий случай, мало ли что? Дэнвил, а если там, в зоне либрации, есть обитатели других миров? Представь себе, к примеру, такую невероятность. Они, не знаю кто, чужаки, аналогичным способом могли быть затянуты в гравитационную ловушку, как и мы, но давным-давно, много десятков или даже сотен лет назад. Космическое Саргассово море! Почему бы и нет?

От моих наивных фантазий Дэнвил опешил, и наверное, подумал, что я начиталась приключенческой литературы и пытаюсь перенести их на реальные события.

— Чепуха! Женские фантазии. Ты точно начиталась старых пиратских историй. Этого не может быть!

— Почему?

— Потому что не может быть! Сколько мы пролетели, никого и ничего в помине не было. Космос безлюден и пуст.

— А я думаю, девочка задала неглупый вопрос, — сказал старпом Вин Локвуд, входя в рубку управления клипером. Он слышал часть нашего разговора.

— Сэр! Наша эскадра за десятки лет в космосе никого не встречала до сих пор. Скорее всего, вероятность этого события слишком мала, чтобы быть похожей на правду. Или даже скажу категоричнее, сказочный сюжет просто исключён. Глубинный космос, необъятен! Ни позывных, ни радиощумов от техногенной аппаратуры и близко нет! Здесь никого, кроме нас не должно быть! — горячо отстаивал свою точку зрения Дэнвил.

Старпом сложил руки крест-накрест на могучей груди и мерил широкими шагами рубку управления от стенки до стенки. Он искоса бросал взгляд то на один экран с цифрами, то на

другой, морщил лоб.

— Хотелось бы верить, мой друг! Однако в наивном опасении пилота Васки что-то есть. Мы с командиром Ирвином Нельсоном тоже об этом подумали, ещё там на «Скитальце». Дэнвил, мы с тобой мужчины, поэтому мы и весь личный состав должны предусмотреть и форс-мажорный вариант разведки. Пойдём-ка и проверим наш арсенал, пока мы не вошли в эту «нору»! Космос не настолько пуст, чтобы в нём могли бы жить и путешествовать на кораблях только далёкие потомки атлантов. И дай-то бог, если это будут тоже гуманоиды, а не, скажем, рептилии или арахниды.

Мы проследовали вдоль водородной спирали вперёд, на полтора парсека. Затем облетели вокруг линии, опоясывающую эту спираль, и вернулись снова ко входу в гравитационный тоннель. По всему выходило, что надо проскользнуть внутрь этой «норы», чтобы подобраться как можно ближе к точке либрации. Задача была не тривиальной. Возникали разные вопросы. Как близко можно подходить клиперу к внутренним стенкам спирали? И где мы сможем (и сможем ли) развернуться для обратного манёвра? Мы передали на «Скиталец» наши соображения по этому поводу и приготовились для прыжка вглубь пространственно-временной «норы» или, как её обзывают астрофизики, «кротовой норы» или «червоточины»...

Глава 9 В глубине червоточины

Светящиеся нити «паутины» прогнулись и нехотя пропустили наш клипер внутрь. Мы понимали, что на самом деле это сильно искривилось пространство-время. Виной тому явились наисильнейшие поля тяготения. Невидимые человеку никакими приборами, если нет отраженных фотонов, силовые линии таят в себе не только силу, но и угрозу быть в момент сплюснутыми в лепёшку. Клипер летел навстречу тайне, и пути назад уже не было. «Да, велико любопытство человека. Ничто не может остановить его в познании истины. А ну как это ящик Пандоры?» — подумала я, но промолчала, не произнеся ни слова вслух. Есть старшие члены экипажа, пусть тоже поразмыслят, или мозги заржавели?

Горизонт созвездий сомкнулся где-то позади, и нас окутала плотная непроницаемая для внешнего наблюдателя ткань нового вещества. Ионизованный водород создал радиопомехи. Прервалась связь со «Скитальцем». Мы нащупали инфракрасным поиском внутренние стенки спирали. Места в принципе было достаточно. Для разгона и манёвра нам нужно примерно четверть парсека в диаметре. На входе в «нору» расстояние оказалось около трети парсека. На больших скоростях этого было маловато, почти «впритык». Без компьютерного моделирования не обойтись.

Однако далее тоннель сужается или нет, мы этого не знали. Я нажала сектора газа до отказа. Разгон. Начала привычный разговор с кибернавигатором:

— Привет, Лео! Как настроение? Начинаем набор скорости по ступеням! Четверть скорости света?

— Есть! Перегрузки в пределах нормы, ускорение — девять «же»! — ответил он.

— Половина скорости света?

— Пройдена!

— Две трети?

— Готово!

— Три четверти?

— Есть!

— Предельная скорость?

— Да, для первого класса кораблей типа Скитальца достигнута!

— Лео, ты молодец! Погрешность?

— Две сотых процента!

— Спасибо, дорогой! Держи курс!

— Есть!

— Цель?

— Точка либрации.

— Поехали! На вираже не тормози, лучше добавь тяги, хорошо?

— Есть, пилот Васка!

Я с наслаждением откинулась в кресле пилота, почувствовав спиной, грудью и всем телом хорошие такие перегрузки. В такие моменты, лучше не дёргаться. Глянула на экраны, что они там смоделировали за «окном»? За бортом не видно ни зги. Облако водорода, хоть и очень разреженное, светилось от переизлучения гамма квантов. Чем дальше мы продвигались вглубь «норы», тем ярче разгорались всполохи сияния, видимые на экранах радаров и в иллюминаторах. Наступил момент, когда мы выпали из привычной реальности.

Внутри всё похолодело, от волнения живот прилип к позвоночнику. Биение сердца и пульс kloкотали, казалось, в горле. Радиосвязь отсутствовала. Ну, это и понятно, по эту сторону светового конуса её быть не может, в принципе. Корабль двигался вне времени и пространства, в каком-то ином измерении. Я представила, что и клипер, и каждый член разведгруппы, — это новорожденный слепой котенок.

Мы неумолимо набирали скорость и продвигались на свой страх и риск вперед. Лишь гравиметры едва успевали замерять потенциальные поля и чертить на 3D-экранах концентрические кривые вокруг клипера. Сила притяжения добавила к исходной скорости, равной скорости «Скитальца», ещё немного. Из-за этого вектора тяги, мне пришлось сократить подачу топлива в центральный реактор, чтобы удержать заданную траекторию движения.

Вскоре клипер вышел на финишную прямую. Тоннель сузился, но пока наши борта не касались плотного облака электронов, обозначивших невидимые границы норы изнутри. Наличие электронов говорило о том, что мы вернулись внутрь светового конуса. Стенки спирали стали зеркальными, и мы увидели клипер, отражённым на гладкой поверхности тоннеля. Необычное зрелище и немного жутковатое! Объяснить это явление ещё предстоит нашим учёным, если, конечно же, нам повезёт с возвращением. Вскоре пространственно-временное окно сузилось. Клипер испытал сильный толчок со стороны кормы, словно кротовы поля дали ему хорошего пинка, и мы, наконец-то вылетели из коварной червоточины. Люди вздохнули: «Слава Двуетдиноначалию»!

Я бросила взгляд на панель управления.

— Командир, вижу цель! — сказала я в микрофон по Интеркому. — Впереди есть устойчивая гравитационная зона, думаю, что она и есть «точка либрации». Приборы наблюдают слабую светимость в оптике. Телескопы зафиксировали также грандиозное сооружение в центре. Сэр, по-моему, это скопление. Странное и уродливое нагромождение из ...каких-то машин! Честное слово, — вижу чужие звёздные корабли!

Двери рубки за спиной загрохотали несмазанными запорами. Тяжёлые ботинки затопали по коридору. Несколько членов экипажа и основной состав набились в рубку управления и жадно смотрели на реликтовые артефакты древних космических катаклизмов.

— О, боги! Да, Васка, ты была права. Похоже на космическое Саргассово море, — сказал Вин Локвуд. — Тормози и попробуй аккуратно облететь чудо-скопление чужой армады. Возможно, эти потерпевшие крушения суда, — давно безмолвны. Но, кто знает? Отсюда не видно, и мы ничего не можем исключить.

— Лео, скорость? — спросила я у кибернавигатора.

— Третья гиперболическая, начинаю маневр для облёта скопления кораблей, — ответил кибернавигатор, он же любознательный аватар.

— Включи поиск биологических объектов!

— Следи запятым экраном, пилот Васка. Всю информацию по поиску жизни выведи туда.

— Самый малый ход, и режим невидимости, будь любезен!

— Есть, самый малый ход. Режим невидимости подтверждаю.

Безмолвный остров погибших кораблей представлял собой унылое и мрачное зрелище. Это были модели звездолётов всех времен и народов, какие только можно было бы представить и вообразить. Причудливые формы с крыльями и без них. Чего здесь только не было? Острые и узкие носы с насадками для рассекания плотной материи. Сферические,

параболические и каплевидные машины. Все они кружились в общем хороводе, музыку и ритм для которого задавали сильные поля тяготения звёздной пары Лиры-2. В центре хоровода возвышалось нагромождение из странных цилиндров, а над ними плавал, словно медуза, и стремительно вращался полупрозрачный купол. Купол казалось, дышал, или это была оптическая иллюзия.

Подлетели ближе. Невероятно, но над островом простирался тонкий слой атмосферы. Состав воздуха отличался от обычного, нашего внутрикорабельного, преимущественным наличием тяжёлых и сверхтяжёлых изотопов азота, углекислого газа и кислорода. Может, именно поэтому атмосфера здесь и задержалась, а не испарилась в открытый космос? Не известна истина, но факт налицо, подтвержденный спектрометром, говорил о том, что газовая смесь здесь пригодна для дыхания.

— Васка, включи автопилот и задай самую высокую орбиту для клипера, — скомандовал Вин Локвуд. — Слушайте мою команду! Экипажу, всем без исключения ужинать и спать, не можете уснуть, электросон — зеленая кнопка над ложементом. Это приказ и никаких возражений! Утром мы примем решение.

После бурного обсуждения увиденного за «окном» клипера во время ужина в кают-компании мы неторопливо расползлись по каютам. Я легла в ложемент; ни в одном в глазу нет ни капельки сна. Минут десять поворочалась, покряхтела, сетуя на дискомфорт, и нажала на зеленую кнопку.

Глава 10 Космический остров погибших кораблей

Утро наступило как обычно по корабельному времени со звонка общей пробудки по Интеркому. Красноватые всполохи мерцали в иллюминаторах и заливали столовую. Хмурые и настороженные лица экипажа разведгруппы говорили о бессонной ночи, которую люди провели, пытаясь просчитать или интуитивно угадать нужный вариант действий. Не все отважились нажать зелёную кнопку для электросна. Командир молчал в течение всего завтрака. Наконец с едой покончили. Обсуждение планов началось прямо за кухонным столом.

— Ну, кто что надумал, господа разведчики? — спросил деловито Вин Локвуд, внимательно окидывая взглядом каждого. Он развернул карту острова, составленную кибернавигатором за время нашего сна, и расстелил её на столе. — Вот, можете ознакомиться с планом местности и с нашей дислокацией. Карта была очень детальной, даже не километровка, а более удобный масштаб, в десятках метрах.

— Я думаю, что надо найти посадочную площадку и посадить клипер на этот пятачок. Затем выслать две группы в разных направлениях: — северном и южном, для обследования этого острова, — предложил Дэнвил, с интересом рассматривая карту.

— Угу, — кивнул Вин Локвуд. — Это итак очевидно. Ещё, какие есть дельные предложения? Надо не забывать и о безопасности в неизвестной обстановке.

— Я предлагаю выслать для начала одну группу, а другую держать в резерве, — сказал Надин.

— Как насчёт связи? Радиоканал устойчиво не работает здесь, потому что присутствуют постоянные помехи в эфире, — уточнил радист, Дик.

— Мысль интересная, — прокомментировал Надин, — действительно как именно, курьера определим или как?

— Есть предложение дополнительно к рациям использовать световую морзянку с помощью лазерных фонариков, — предложила я. — Лазерный свет в пределах видимости поможет общаться между собой даже в тумане. Ионизованный водород, плавающий в виде рваных облаков выше здешней тропосферы, как раз и создает помехи в радиодиапазоне, но, тем не менее, он достаточно разрежен, так что время от времени связь будет восстанавливаться даже в радиодиапазоне на ультракоротких волнах.

Воцарилось недолгое молчание. Людиразмышляли, оценивали возможности такого сообщения. Командир молчал и скреб небритую щетину. Инициатива от молодых всегда предлагала свежие решения.

— Сверим часы. Сейчас восемь часов, двадцать три минуты и тридцать секунд по корабельному времени. Сформируем две малых группы по четыре человека и одну группу оставим в резерве. Первая и вторая группы, внимание, — вот список ваших людей. Взять каждому с собой медицинский пакет со стимулирующими и обезболивающими препаратами, оружие, лазерный фонарик. Надеюсь, морзянку все помнят? Да и сухой паек на сутки не забудьте! Все поняли, — жёстко сказал Вин Локвуд командирским голосом не требующим возражений. — Вопросы или уточнения?

— Есть вопросы, командир, а я в какой группе? — спросила я.

Вин Локвуд посмотрел на меня долгим серьёзным взглядом:

— Васка Торн, дорогуша, ты что хочешь клипер и всю команду оставить без пилота? Ты

останешься здесь. И без разговоров, девочка. Твоя задача: во что бы то ни стало сохранить корабль в лётной форме. При любом раскладе хотя бы один человек экипажа должен вернуться на «Скиталец» и доложить обстановку. Так ведь? Вот и хорошо. Цели определены. Вперёд. Быстро по местам!

Экипаж переглянулся и пошёл занимать исходные позиции перед приземлением, а я со смутными предчувствиями, щемящими душу, отправилась в рубку управления. Первой моей целью было, — найти безопасную посадочную площадку для нашего клипера.

Мы приземлились в центре острова, неподалёку от нагромождения из цилиндров. Как только обе группы спустились по трапу вниз, я включила защитные поля и прилипла к лобовому стеклу. Вин Локвуд и Дэнвил оказались вместе в «северной» группе. Надин с другими членами экипажа попал в «южную» группу. Люси осталась на корабле, как врач. Она и резервная группа, выпив по чашке чая с конфетами, в полном составе отправились спать. Все равно делать-то было нечего, кроме ожидания вестей от действующих разведчиков. Через полчаса мерный храп и сонное дыхание заполнили каюты. Их сон я отслеживала по электрическим импульсам на экранах медицинского контроля в рубке управления. Тишина окутала клипер. Сколько я ни всматривалась в иллюминаторы, всё равно ничего, кроме клубящегося красноватого тумана не увидела. Обзорные камеры проникали на глубине не более пятиста метров. Как тихо однако. Громко тикали приборные часы и ритмично пищали импульсы кардиограмм спящих. Я села в кресло пилота и не заметила, как уснула.

Проснулась я неожиданно, как от толчка. Быстро оглядела приборную доску. Тикали часы. Но не пищали привычно импульсы кардиограмм. Странно! Чуть-чуть упала мощность защитных полей. Непорядок! Я добавила мощности, покрутив рукоятку регулятора. Стрелка индикатора вернулась в прежнее положение. Тишина. Сколько прошло времени с тех пор, как ребята ушли спать? Часа три, пожалуй, прошло. За бортом никаких изменений не видно. Что-то изменилось. Но что? Я решила сделать дежурный обход по коридорам корабля. В коридорах непривычно пусто и тихо. Я чутко прислушивалась, проходя мимо дверей каждой из кают. Посторонних звуков не было слышно нигде. Я заглянула в столовую и на склад, — всё нормально. Я снова вернулась в рубку и попыталась разобраться в ситуации. Что-то тревожило и не давало покоя. Стала повторно и более внимательно просматривать данные на каждом дисплее.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Внезапно обратила внимание на пятый экран. На его графиках просто плясали зелёные и жёлтые столбики диаграмм, подтверждая присутствие биологических объектов в местах наблюдения. Кто это и где это? Я решила посоветоваться с Люси. Пойду её разбужу, вместе будет легче что-либо понять. Я постучала в её каюту, а затем вошла. Каюта оказалось пустой. Кровать разобрана, вещи разбросаны в полном беспорядке. Это меня несколько озадачило. Пробежалась по другим каютам. Результат осмотра был аналогичным. Оставался медицинский отсек. Я кинулась туда. Люси стояла у операционного стола и оказывала помощь пострадавшему пациенту. Рядом на стуле сидел Дэнвил, придерживая зажимы на ранах пациента, которые давала ему Люси. Я подошла ближе.

— Привет всем! Что случилось?

— Не видишь, раненый, — ответила раздражённо Люси. Она подключала медицинскую

аппаратуру к больному: аппараты искусственного дыхания и кровообращения.

— Кто его так?

— Васка, мы столкнулись здесь с какими-то аборигенами. Они напали на нас без предупреждения, разговоров и всякой там дипломатии, — пояснил устало Дэнвил. — Это было не просто столкновение, а настоящий бой. Дик сражался как зверь, но, тем не менее, его серьёзно ранили, а мне Вин Локвуд приказал срочно доставить его на клипер. Вы бы видели, как сражается командир! Если бы не он, то Дика ничто бы ни спасло в тот момент. Да-да.

— И много ли этих дикарей?

— Аборигенов много, и они ужасно агрессивные. Тех, кого обездвигивали, то забирали в плен. Часть наших товарищей насильно затащили в высотные цилиндры. Я полагаю, что там их города и жилища.

Дэнвил вздохнул, и вытер потное и грязное лицо рваным рукавом комбинезона. Руки он успел сполоснуть и продезинфицировать спиртом раньше, а до лица не дошла очередь.

— Ясно. Дэнвил, давай, я помогу Люси здесь, а ты иди, умойся и приходи сюда! — предложила я, ещё до конца не осознавая нависшую над экипажем клипера опасность. Я перехватила зажимы и трубки на пациенте. — А куда исчез наш остальной корабельный народ?

— Группа резерва отправилась на подмогу. Хорошо, дамы, я сейчас же вернусь.

Дэнвил вышел из медицинского отсека и закрыл за собой дверь.

— То, что происходит там, не укладывается в голове, — сказала Люси. Это же дикари, а не люди!

— Может быть, они и в самом деле дикари? — предположила я.

— Как сказать? Эти дикари владеют огнестрельным оружием и арбалетами со стрелами, а также у них есть нейронные парализаторы. Такая странная смесь дикости и высокотехнических средств на лицо! Ты только представь себе, Васка. Как такое возможно?

Люси пожалала плечами, оставляя пальцы и инструменты в поле операции.

— Вот как! И это здесь, в точке либрации, вдали от нормальных звёзд и планет. Как они сумели выжить в таких неподходящих условиях? — удивлялась я.

— Я полагаю, что также как и у нас, у них есть замкнутые системы жизнеобеспечения. А может быть, они используют дополнительные факторы и выживают за счёт тех, кто попадает сюда по воле случая.

— Ты хочешь сказать, что они людоеды?

— Свидетельств тому у нас нет. Однако как врач и биолог, я могу предположить и этот виток эволюции на данном островке в заброшенной закоулке Вселенной. Человек, как биологический вид, дичает быстро, равно любому зверю, а чтобы выжить должны произойти мутации. Опыты на крысах подтверждают деградацию общества в условиях малого пространства и ограниченности места обитания. Напрашивается вывод — эти полученные, мутации могут быть совершенно непредсказуемыми. Мы знаем, что на этом острове достаточно сильное жёсткое рентгеновское излучение. Исключать данный факт из внимания не только нельзя, но и небезопасно для нас.

Вернулся Дэнвил.

— Как наш больной?

— Мы сделали всё, что смогли. Дальше надо ждать, как отреагирует его организм, —

ответила Люси.

Она подключила киберврача и электронного оператора, который должен следить за состоянием пациента.

— Я думаю у Дика есть шанс выжить, — сказала Люси. — Пошли обедать, время! — Я что-то проголодался, — согласился Дэнвил.

Меня всегда поражали медики. Как они могут спокойно идти и делать привычные дежурные дела после экстремальных ситуаций!? Наверное, это чисто психологическая защита организма включается и тормозит чрезмерные эмоции, чтобы не спятить.

После обеда Дэнвил надел бронежилет и навесил на себя кучу оружия из арсенала.

— Ну, всё, я приказ командира выполнил. Мне пора, я возвращаюсь к нашим, — он взглянул на меня.

Мы поцеловались на дорожку.

— Дэнвил, мы ждем тебя, — сказала я. — Возвращайся в целости и сохранности. Я люблю тебя. Подожди, провожу до шлюзов и отключу защитные поля, чтобы смог пройти без проблем.

— Удачи, Дэнвил, как там Надин? — спросила Люси осторожно.

— Жив. Всё нормально, — ободрил её Дэнвил. — До встречи, Люси.

Мы вошли с ним в переходной отсек. Дойдя до границы защитного поля, я нажала пульт дистанционного управления.

Дэнвил скрылся в тумане. Языки и клочья тумана стелились по неровностям механического ландшафта и обтекали каждую кочку и валун. Я проводила его взглядом и прошла в рубку управления, на моё рабочее место. Прошло несколько утомительных часов. Я безуспешно пыталась вызвать по рации группу «северных» или «южных», чтобы разузнать обстановку. Люси сидела тут же, и мы обсуждали с ней то, что знаем. Ни к чему новому, конечно же, мы не пришли. Пустой разговор, тем не менее, скрадывал наши страхи. Время клонилось к вечеру, по нашим корабельным часам. В иллюминаторах не видно ничего, как и прежде. Неизвестность. Что там происходит? Все ли живы? Почему ни одна группа не возвращается? Запищал зуммер, контролирующий защитное поле клипера. Попытка проникновения? Боже мой, это кто-то из наших пытается попасть домой. Я отключила защиту. Сквозь туман нарисовался неясный абрис человека. Он шёл неверной походкой, порою теряя равновесие, останавливался. Когда приборы смогли распознать, то стало ясно, — это командир Вин Локвуд. У меня ёкнуло сердце. Он зажимал левой рукой правое предплечье.

— Люси, бегом сюда! Смотри, Вин ранен.

— Он один пришёл или с кем-то?

— Сквозь защитный контур прошёл только один.

Мы побежали навстречу к командиру, открывать входной люк.

— Не троньте меня. Потом. Там за контуром часть нашей группы, им нужна неотложная помощь. Возьмите носилки, — хриплым голосом сказал Вин, и пошатываясь отправился в медицинский отсек.

За полчаса мы перенесли четырёх полностью обездвиженных ребят из группы «южных». В них выпустили полный заряд из обоймы нейропарализаторов. Мы с Люси ещё минут сорок пять подключали их к капельницам со стимуляторами. Когда ребята очнутся, мы не знали. Затем Люси взялась за командира. Мужчина сжал зубы, но терпел, пока она

очищала и обрабатывала рану. Потом она аккуратно забинтовала ему предплечье и одобряюще кивнула:

— Полежите, командир, пока лекарство подействует.

Люси сделала всё, как надо, даже уколола ему вакцину против столбняка. Мы пытались уложить командира на кровать. Однако он отринул все наши попытки.

— Значит так, пошли в столовую, мне надо с вами обсудить ситуацию, а заодно перекусить чего-нибудь горячего, я сильно замёрз.

Я потрогала рукой его лоб. Очень горячий!

— Садись на стул, Вин, ты весь горишь. У тебя жар. Люси, дай Вину, что-нибудь от температуры!

Люси порылась в аптечке и протянула запаянную упаковку с таблетками. Я вскрыла пакет и дала Вину таблетку. Он поморщился, но проглотил лекарство. Мужчина благодарно взглянул на меня и прикрыл глаза.

— Ладно, дамы, мне уже легче, пошли в столовую! Больше не могу нюхать эти медицинские запахи!

Минут через десять ему действительно стало легче. Вот, что значит новые биотехнологии! Мы с Люси собрали на стол обед, разогретый в микроволновой печи. Пациент повеселел.

— Я сейчас все расскажу, что мы выяснили в разведке, — начал Вин повествование. — Значит, дело было так...

Обычно не разговорчивый, Вин Локвуд, видимо от болевого шока и от лекарств Люси, обстоятельно рассказывал о действиях обеих разведгрупп. Люси сидела напротив меня. Она подпёрла щеку кулаком, и всё время кивала головой, словно фарфоровый болванчик. А я слушала внимательно и представляла живые картины так, словно участвовал в них наяву.

Разведгруппа долго пробиралась сквозь бурый туман вперёд и наконец-то подошла к сооружению из высоких цилиндров. Над цилиндрами вращался купол. Периметр площадки окантовывали синие лучи. Как только люди пересекли эти лучи, внезапно всё кругом переменилось. В цилиндрах появились оконные проёмы и свет в них. В какой-то момент раскрылись двустворчатые ворота в зданиях, и из них выехали бронетранспортёр и несколько мотоциклистов. За ними следом появился целый отряд аборигенов, судя по всему вооружённых до зубов. Они взяли наизготовку неизвестное оружие и сразу без предупреждения стали стрелять на поражение. Началась полная неразбериха...

— То, что заряды были парализующими, мы узнали позже. Мы увидели только, что наши люди падают, — устало рассказывал Вин Локвуд. — Мы вынуждены были разбежаться по укрытиям, не имея возможности забрать раненных. Наше оружие, конечно же, не было парализующим, а боевым. Что противника не на шутку разозлило. Тогда аборигены стали стрелять стрелами с медными наконечниками из арбалетов. Дикость какая-то!

Стрелы впивались в тело, нанося серьёзные раны. Скорость атаки хозяев острова была стремительной. Вин Локвуд укрылся за обломком старого, некогда сферического корабля; он пытался вычислить лидера в среде неприятеля. По всему выходило, что аборигенами командовал мотоциклист, в гладком блестящем комбинезоне с большим шлемом, имеющим форму вытянутой капли. Глаза-очки в этом шлеме светились жёлтым сиянием. Лучи его легко рассекали туман. Это и был их полководец. Он хорошо видел пришельцев и размахивал руками, точно указывая места их укрытия, и отдавая приказы своим воинам.

Бой вынуждал перейти в контратаку. И Вин решил подобраться к полководцу, но его хорошо защищал эскорт других мотоциклистов. Люди из разведгруппы, никогда не принимавшие участие в реальном бою, оказали весьма слабое сопротивление хорошо вооружённому и, главное, подготовленному супротивнику. Наступил удобный момент, когда Вин уже подобрался близко к военачальнику, но вдруг поднялся сильный ветер. Он принёс с собой плотную пылевую бурю с молниями. Сухой треск разрядов заполнил поле боя. Видимость упала до нуля. Ориентироваться в незнакомой местности стало невозможно. Атака захлебнулась. Всех лежачих, кого туземцы увидели, — своих и чужих, — они погрузили на бронетранспортёр и увезли внутрь цилиндров. Ворота сомкнулись, и свет в окнах погас. Снаружи цилиндр стал полностью гладким без единой выемки, зазубрины или иного намёка на дверные и оконные проёмы.

— Одним, словом, часть из наших ребят попали в плен, — закончил рассказ Вин Локвуд и тяжело вздохнул. Он сжал пальцы в кулак.

— Ну и дела, — посочувствовала я. — Кто бы мог заранее подумать, что гравитационная ловушка окажется тактическим приёмом для заманивания чужих кораблей!?

— Подозреваю, что местному населению нужен приток свежих кадров или рабов, — предположил Вин Локвуд. — В голове не укладывается весь этот бред!

Люси расстроено покачала головой.

— Я по одному перетаскивал этих четверых до клипера. Теперь надо срочно что-то придумать, чтобы вызволить пленников. Мы не знаем, зачем им наши люди нужны. Неужели нельзя было пойти на переговоры!? Не понимаю, — Вин Локвуд от досады стукнул кулаком здоровой руки по крышке стола.

Чашки подпрыгнули и плавно встали на место. Всё-таки гравитация здесь хоть и присутствовала, но была меньше, чем на «Скитальце».

— Вин, давай обсудим стратегию и тактику с аватаром Лео? Он сможет просчитать хотя бы ту часть ходов, которую мы не видим, а? — предложила я. — Может это и глупо, но это не совсем пустой вариант. Я не адмирал, и мне пока нечего предложить, пока всё тщательно не обдумаю.

— Что ж! Идея неплохая. Пошли к Лео! Спасибо за обед, и за помощь, — он посмотрел на Люси. — Мне стало значительно лучше.

Люси, огорчённая рассказом Вина Локвуда, безмолвствуя, пошла проверить пациентов в медицинском отсеке, а мы с командиром отправились в рубку управления. Обсуждение с Лео длилось почти три часа. Вариантов спасения аватар предложил множество, но большинство не имели под собой реальной почвы, так как не хватало разведанных.

— Значит так, — подытожил командир, — как только очнутся ребята, я пойду с ними снова туда. А ты, девочка, должна будешь лететь обратно на «Скиталец», чтобы доложить обстановку здесь. Связи у нас с эскадрой нет. Возможно, тебе придётся после доклада опять вернуться сюда с отрядом подкрепления. Позже придёт на орбиту и наш звездолёт, если, конечно же, это возможно для него. Но сначала, мы возьмём штурмовые палатки со склада и разобьём на острове лагерь, желательно в безопасном месте. Я думаю, это есть самый разумный вариант наших действий. Ты как полагаешь, Васка, мне кажется, что молодые мозги работают обычно на опережение?

— Я бы не хотела оставлять вас, сэр на произвол судьбы здесь без корабля. Это очень опасно. И я боюсь, очень боюсь.

— Боишься лететь?

— И лететь тоже.

— Не бойся за нас. Люси развернёт полевой госпиталь. Мы подключим ей пару роботов. Мда-а, ситуация. О, Великое Двоединоначалие! Мобильных роботов-врачей надо ещё суметь расконсервировать. Короче, я отправляюсь спать, чего и тебе желаю. Вылетаешь рано утром, сразу после сна. Это приказ! Спокойной ночи, Васка!

— Спокойной ночи, сэр!

Он взглянул на меня внимательно и ласково, — ты, сама, как? Держишься? Как бы я желал, чтобы ты была сейчас в безопасности, Васка! Я дал слово твоему дедушке Флэммингу Торну, что с тобой будет всё в полном порядке. Мне бы не хотелось его разочаровывать.

— Не беспокойтесь, сэр Вин Локвуд, — я перешла на официальный язык. — Абсолютно нормально, командир. Вам надо отдохнуть. Я поняла, вылет утром в шесть ноль-ноль. Чудесных сновидений, сэр!

Он скептически покачал головой. Дверь в радиорубку негромко заскрипела и закрылась за ним. Я выдвинула из стенки диванчик, нашарила в стенном шкафчике постельное бельё и легла прямо здесь, чтобы можно было следить за приборами на панели управления. Я так сильно устала, что уснула практически мгновенно.

Глава 11 В плену

Безмолвие длилось вечность. Или это был сон? Я очнулась в незнакомом мне месте. Белые стены и бледно-жёлтые светящиеся лампы по периметру высоких фальшпотолков. Ватная голова. Я с трудом села на кровати, прямоугольной формы со спинками, сделанной из углепластика. Оглядела комнату. Простое функциональное убранство. Рядом с кроватью стояла такая же пластиковая тумбочка, песочного цвета. На тумбочке я увидела графин с водой и гранёный стакан. Хотелось пить. Вода оказалась минеральной. Я налила немного и повернулась к кровати лицом. Стакан воды заставил соображать быстрее. Где это я? Чувство дискомфорта заставило обратить внимание на одежду. На мне была надета розовато-лиловая ночная рубашка, явно синтетическая, а форменный комбинезон свешивался со спинки стула. Обувь аккуратно стояла под кроватью.

На задней стенке над кроватью висел плакат с изображением неизвестного мне человека на фоне горных пейзажей какой-то планеты с зеленоватым небом. Неприятное лицо незнакомца имело геометрически правильные черты лица, и он смотрел как бы вдаль сквозь меня, вглядываясь в новые горизонты. Фигура, снятая фотографом снизу создавала впечатление высокого роста. Мускулистое тело, но, как мне показалось, склонного к полноте человека средних лет должно было говорить о его силе и мощи. Скрещенные на груди руки с узловатыми пальцами прямо внушали мысль: «Это полководец».

Я сняла рубашку и переоделась в свой комбинезон, машинально обула ботинки с высокими голенищами и, уже уверенным шагом, прошлась по комнате, туда и сюда, потом по диагонали, потом попробовала открыть двери. Они были заперты. Я снова легла, сложив ноги на спинку кровати. В голове мелькали обрывки видений. Бурый туман в иллюминаторах. Дэнвил, поддерживающий зажимы на сосудах пациента, и Люси с электродами дефибриллятора. Командир нашего клипера, Вин Локвуд, с перевязанной рукой. Кибер Лео и воющая сирена. «Васка, прорван защитный пояс нашей обороны!» — громко кричал кибер. Сон это или явь будоражили подсознание? Моё терпение пребывало на исходе. И тут двери широко открылись.

Вошла незнакомая женщина в белом халате и в сопровождении ассистентки в бирюзовом балахоне. В руках ассистентка держала папку с бумагами. На тонкой худосочной шее главной дамы висел прибор-переводчик. Женщина внимательно посмотрела на меня и что-то сказала. Я не поняла языка, но чуть позже прибор перевёл её фразу:

— Доброе утро! Как себя чувствуете?

— Это называется добрым утром? Я даже не представляю, где я, и кто вы такая?

— Вы находитесь в карантинном отсеке нашего Медицинского Центра. А я ваш лечащий врач, Медея.

— Медицинского центра?

— Ничего не понимаю. Как я здесь очутилась? Вообще-то, считаю себя здоровой и не нуждаюсь в медицинской помощи!

— Вас привезли сюда вчера поздно вечером практически в коматозном состоянии. Поскольку вы получили полную обойму парализующих зарядов. Вы так яростно сопротивлялись нашим воинам, что им ничего не оставалось другого. Поэтому, позвольте уж мне самой, как специалисту, решать вопрос о состоянии моей пациентки. Это, во-первых.

То есть, получается, что аборигены взяли меня в плен. Но момент захвата я почему-то совершенно не помню. Неужели островитяне атаквали и проникли в наш клипер? Ярость запоздалой реакции завладела мною.

— А во-вторых? — язвительно спросила я.

— Во-вторых, — Медея абсолютно игнорировала мой язвительный тон, что впрочем, было понятно из-за электронного переводчика с его механическим голосом. — Все пришельцы, прибывающие к нам в межзвёздный город под названием: «Утро Жизни», обязательно помещаются в карантинный отсек для обследования на предмет неизвестных нам вирусов и бактерий. Мы также обследуем и генофонд всех новеньких.

— Хотите сказать, что проводите на людях генетические опыты?

Медея неожиданно смутилась и замялась, подыскивая подходящие слова. Это означало, что она непременно соврёт.

— О, нет, конечно же! На «людях» — нет, но не все разумные существа относятся к этой категории. Именно поэтому мы и определяем генетические расхождения. Эволюция жизни — вещь тонкая и непредсказуемая. Слишком далёкие виды, либо не дают общего потомства, либо могут загрязнить мутациями генофонд звёздных людей. Поймите, мы хотим сохранить нашу расу в том совершенстве, какого мы достигли, попав сюда. Мы называем себя огнепоклонниками. Основа нашей жизни, то есть истинной жизни, — это сверхтяжёлый изотоп углерода. Этот изотоп хорошо поддерживает процесс горения в экстремальных условиях. Мы считаем, что наш биохимический обмен более эффективен, поэтому звёздные люди более совершенны и воистину разумны.

— Вы хотите сказать, что существа, биологической основой которых является лёгкий изотоп углерода, не могут называться людьми?

— Именно так. Углеродный обмен при помощи лёгкого изотопа, — пройденный этап эволюции. Высший разум, как говорит наш повелитель, избрал нашу форму жизни для настоящих людей. Все остальные индивиды могут быть сохранены лишь, как экспонаты для музея эволюции и для медицинских целей. Низшие существа помогают нам также по хозяйству. Мы их используем в качестве рабочего инструмента. Верность законам Вселенной торжествует.

— Рабы? Вы узаконили рабство?

— Милочка, чем вы так возмущены? Мы действуем согласно истинной биологической справедливости, — её определила сама природа! Углеродный обмен на базе лёгких изотопов не равен процессам с участием сверхтяжёлого углерода, поэтому примитивные формы жизни занимают наименьшую ступень эволюции человека разумного.

— Вы не допускаете, что это просто другая форма жизни, и разум не зависит от типов обменных процессов? Ведь, может быть, что во Вселенной есть существа, использующие кремний или даже чисто энергетический обмен лучистой энергией, и тогда вы и все ваши огнепоклонники окажутся в качестве лабораторных кроликов или рабов?

— Ха! Не смешите меня! Ваш обмен, милочка, — легко-углеродный, мы это уже установили. Поэтому я бы отправила вас на кухонные работы, на большее вы не способны. Последняя инстанция, — это наш император, Его Величество, Оттавий. Он предпочитает лично знакомиться с новенькими. Это его хобби. Маленькая такая слабость. Постарайтесь не злить его, у него доброе сердце, но не настолько, чтобы терпеть от низших существ дерзости!

— Это он? — я кивнула головой в сторону плаката.

— Да это Его Величество Оттавий, — Медея сложила ладошки вместе и поклонилась.

фотопортрету. — Я должна проинструктировать о правильном поведении при встрече с Ним, чтобы вы не нарушили дворцовый этикет. Войдя в приёмный зал, надо сделать реверанс и поклониться.

Дикость какая! Они все дикари и варвары на этом острове, затерявшемся на задворках Галактики. Монархия здесь в почёте!?

— Смотрите и запоминайте, вот так надо, — Медея показала, как надо присесть, куда отключить пятую точку и на какой высоте развести руки в стороны. — Не возражайте! Не спорьте! Не смотрите прямо в глаза! Отвечайте на все вопросы Его Величества! Поняли хорошо? И абсолютно за всё благодарите Его Величество.

— Да-да, поняла, — я усмехнулась.

Мне хотелось узнать больше информации об этом городе на острове погибших космических кораблей и, естественно, отыскать возможные лазейки и слабые места, чтобы сбежать. Но женщина словно прочитала мои потаённые мысли.

— Вас проводят к нему. И не надейтесь, милочка, что удастся сбежать из нашего звёздного города. До сих пор в истории «Утра Жизни» таких случаев не было.

Медея властно кликнула охранников, безмолвно стоявших столбиками за дверью изолятора. Вошли невысокие мужчины плотного телосложения в облегающих штанах, с голым загорелым торсом, но с секирами в руках. На лицах царило полное равнодушие, ни тени любопытства или иного чувства. Чурки с глазами, пожалуй, выглядели бы веселее. И мы отправились к императору.

В таком сопровождении я дошла до лифта, который довёз нас на последний этаж, и затем мы ещё преодолели пару пролётов по лестнице на верхний уровень, где сиял вращающийся купол. В императорских покоях царила тишина. Возле каждой двери стояло по двое охранников слева и справа, вооружённых длинными цилиндрами, возможно, теми самыми парализаторами. Пол императорских палат заменяло покрытие из настоящей зелёной травы. Растительный покров был живым и аккуратно подстриженным. Большие окна пропускали света от двойной звезды ровно настолько, чтобы не повредить сетчатку глаз жёстким рентгеновским излучением. Воздух на этом уровне города-цилиндра казался очень свежим и немного пах озоном.

Меня провели через длинную галерею из лиственных деревьев с широкими пятипальными листьями, кажется, клёнами. Эскорт миновал полянку, в центре которой высоко поднимался трёхъярусный фонтан из чистой воды. Меня поразило обилие красивейших цветов кругом. Жёлтые, красные, оранжевые, розовые и лиловые шарики и метёлочки цветов. Цветущие кусты, лианы и низкорослые розетки благоухали на клумбах и в садовых вазах, и занимали практически всё пространство под куполом. Наконец, мы попали в императорский зал для приёмов. Охранники остались снаружи, а меня впихнули вовнутрь.

— Доброе утро, Ваше Величество! — громко сказала я, как научила Медея. Эхо отразилось под парусными сводами купола.

Поискала глазами «величественного» императора острова. Полноватый мужчина стоял около окна спиной ко мне. На его плечах красовался синий атласный плащ с золотой пряжкой на левом плече. Он резко обернулся, эффектно запахнув полы плаща. Я присела в реверансе.

— Хотели меня видеть?

— Как тебя зовут, чужестранка?

— Васка, Ваше Величество!

— Подойди ко мне ближе, Васка!

Император Оттавий выглядел почти так же, как и на плакате в карантинном отсеке, только не столь помпезно, да и ростом оказался чуть ниже, чем я думала. Горделивым взором из-под нависших и кустистых бровей он надменно смерил меня с головы до ног и обратно.

— На тебе не женская одежда! Фи, как некрасиво. Почему?

— Потому, что это форма для исполнения моих служебных обязанностей. В свободное время я ношу женские платья.

— Надо полагать, что в такой одежде ты убирала помещения от пыли?

Я промолчала. Мне не хотелось сообщать чужаку, что я — пилот.

— Мне сказали, что взяли вас и всю вашу команду на космическом корабле малого класса. Для дальних перелётов такие машины не годятся, значит, где-то недалеко от нашего звёздного города есть очень большой корабль? Отпираться сложно, наш шаттл засёк его.

— Верно, такой корабль есть.

— Как далеко он отсюда?

— У нас не было с ними связи, поэтому я точно не могу сказать. Не знаю.

— Отвечай чужестранка, не серди меня!

— Два или три дня полёта, Ваше Величество, может быть.

— С какой скоростью летел ваш лёгкий корабль?

— Со скоростью света!

— Вот как!? Вы достигли таких скоростей! Любопытно. Это нам пригодится, пожалуй, — он пожевал губами. Взглянул на меня мельком, затем прошел к трону, вычурной формы стулу, отлитому из голубого металла и покрытому длинношерстной шкурой, надо полагать из местного козла, уселся на него. — Подойди сюда, Васка.

— Почему у тебя зелёные волосы? Ты их красишь?

— Нет, мои волосы трансгенные и растут сами по себе такого цвета.

— Медея определила твои способности по биохимическому анализу крови. Она советует послать тебя на кухонные работы. Ты умеешь готовить пищу?

— Нет, Ваше Величество. У нас пищу готовят в основном роботы и повара.

— Ты ведь женщина. Должна уметь готовить.

— Я умею её только есть, Ваше Величество, — ехидно ответила я.

— Тебя научат наши повара этому ремеслу. Должна же быть от тебя польза для нас, совершенных людей.

— Кто у вас главный?

— Если вы, Ваше Величество позволите с ними встретиться, то я укажу, — пошла я на уловку. Мне надо было выяснить, кого из членов нашего экипажа захватили эти островитяне.

— Хм! Ладно, Васка, иди! В своё время Мы сведём всех вместе и разберёмся, кто чег стоит. Нам обязательно нужно узнать, кто из мужчин пилотирует ваш лёгкий корабль. А тебя Васка сейчас проводят на кухню. Постарайся хоть чему-нибудь полезному научиться, или прикажем тебя утилизировать! И не забывай, что Мы, император Оттавий, хорошо помним, что ты стреляла из огнестрельного оружия в нас, совершенных людей! Ты посмела это сделать!!!

Предупреждение прозвучало очень грозно. Я прикинулась кроткой овечкой.

— Да, Ваше Величество, непременно. Благодарю вас за все любезности, велика ваша

мудрость, — ввернула я фразу, вычитанную из пиратских историй, и раболепственно присела в реверансе, — разрешите идти?

Император Оттавий небрежно махнул рукой и вновь отошёл к окну. «Слава Великому Двоединоначалию! Наверное, я ему неинтересна!»! — подумала с радостью. Что-то меня остановило от признания о профессии, и, похоже, что именно внутреннее чутьё заткнуло рот непомерному тщеславию и самолюбию. Понимание опасности этого момента наступило парой минут позже, но оно наступило. Совсем недаром я скромно умолчала о том, что я пилот клипера. На какое-то время это спасло нашу операцию разведки.

Глава 12 Нападение островитян на клипер

Полная картина из обрывков той мозаики, сохранившихся в моей памяти, восстановилась гораздо позже. Но до того происходящее в реальности казалось кошмарным сном. Со своей стороны я решила собрать максимум информации о городе-цилиндре и организации власти. А пока пришлось довольствоваться малым и назначенной императором Оттавием мне ролью кухонной работницы. Что ж, и на том, спасибо!

Большим искушением было провести ночь на клипере. Но Вин Локвуд побоялся непредсказуемости островитян и, немедля ни минуты, отправился на склад разбирать походное снаряжение. Из общей груды снаряжения в сторону он отложил штурмовую палатку на шесть человек, спальники с химическим подогревом, аккумуляторы для подзарядки фонариков и раций, газовые горелки, продукты и прочее, прочее. Полученную гору вещей Вин Локвуд сложил в три рюкзака. В принципе вместились всё, что он посчитал необходимым для полевых условий. Оставался громоздкий и объёмный груз — роботы.

В медицинском отсеке народ постепенно приходил в себя. Люси отключала пациентов от капельниц и приборов. Вся группа пациентов-«южан» вскоре была в норме. Прикованным к медицинской аппаратуре оставался лишь один радист, Дик.

— Ну, что, орлы, отдохнули? — бодро спросил разведчиков Вин Локвуд. — Расклад такой. Сейчас снимаемся с якоря и идём в тыл к противнику. Желательно в неприметном месте разбить походный лагерь. На рассвете клипер уйдёт на «Скиталец», а до того мы должны быть далеко от этой площадки. Координаты «приземления», наверняка, засекали островитяне. Я думаю, аборигены не погнушаются подготовить нападение. Кому что не ясно?

— Когда выходим? — спросил один боец.

— Немедленно! Люси забираем. Она развернёт полевой госпиталь. Ты и ты, — захватите с собой роботов-медиков врачу в помощь. Дик останется на клипере. Ясно? Его состояние не слишком хорошее, и потому в бою он не подмога, а помеха. Уж извините, говорю без обиняков: экипаж клипера практически на военном положении. Дика следует доставить на борт «Скитальца». Ещё какие-нибудь вопросы или уточнения есть? Вижу, что нет. Очень хорошо. Отряд, слушай мою команду. Шагом марш, приказ исполнять!

Разведчики, не умудрённые продолжительным опытом сражений, как могли быстро это сделать, пополнили запасы оружия и боеприпасов и неотложно покинули борт клипера. Вскоре они скрылись в густой пелене тумана, оставив на приборах едва заметный тепловой след. Кибер Лео вновь включил защитные поля и остался на страже охранять сон людей: единственного пилота клипера, Васки Торн, и пациента Дика.

Местные сумерки длились на удивление долго, поэтому фонарики никто не использовал. Шли строем след в след, затылок в затылок и зачастую на ощупь, молчали. Конспирация — это главное, о чём предупреждала группа Дэнвила ещё на «Скитальце». Место для лагеря бойцы искали долго, сверялись с данными какой-никакой картографической разведки. Подходящую ложбинку между отвалами старой железистой руды отряд «скитальцев» обнаружил случайно. Ориентация широких конусов терриконов удачно заслоняла обзор на город-цилиндр, а мелкая кустистая поросль из колючего

барбариса, крапивы и полыни, буйно растущая по периметру ложбинки, скрывала бы две лагерные палатки и возможные передвижения людей. Одну палатку Вин Локвуд назначил как жилую, другую зарезервировал под госпиталь. Хорошим подспорьем разведчикам был густой фиолетовый туман, видимый в неясном проблеске электронных сгустков, окутывающих спиралью космический остров погибших кораблей. Плазменные хвосты двойной звезды создавали в небе над островом дополнительное освещение, иногда виднеющееся меж рваными клочками тумана. С минимальным шумом люди поставили палатки, закрепили оттяжки. Наскоро поужинали пловом и чаем из саморазогревающихся пакетов и расползлись по спальным мешкам. Тишина окутала лагерь.

Командиру не спалось, — тревожные мысли не давали покоя и расслабления. Думки, одна страшнее другой, проносились в голове, словно сонмы галдящих птиц перед грозой, которых он видел в исторических фильмах на «Скитальце». С непривычки отлежав все бока на твердом ложе, он не выдержал и вылез из палатки на свежий воздух, едва забрезжил рассвет. Беспокойство не отпускало: «Что там происходит на клипере, всё ли ладно»?

Ранним утром Вин Локвуд, не выдержав борьбы со своими страхами, решил всё-таки проследить за стартом клипера. Он был уже близко к кораблю, когда услышал крики и выстрелы. Островитяне тактически верно окружили клипер и, используя тонкую металлическую сетку, накинутаю поверх корпуса клипера, нарушили его полевою защиту. Произошло короткое замыкание. По металлической обшивке корпуса пробежало несколько мощных разрядов-молний. Защитное поле исчезло. Нападающие кинулись к двери клипера и взорвали её, нарушив герметизацию. Без ремонта клипер теперь невозможно было вывести в космос.

Вин Локвуд выругался настолько крепким словом, насколько позволял имеющийся в памяти лексический багаж. Адреналин ударил в голову, понукая мышцы к действию, к сражению и отражению атаки. Он разозлился и поискал мишень в оптический прицел. Нескольких островитян он снял прицельным огнём. Рассветный туман сгустился плотнее и мешал видеть отдельные фигуры. В проёме двери показалась Васка с гранатомётом в руках. Но ей удалось сделать исключительно лишь один выстрел. Очередь пуль из парализатора сразила девушку. Она тут же осела на трап клипера и потеряла сознание. Аборигены привязали её ремнями позади мотоциклиста, и тот рванул с места, увозя пленницу в направлении цилиндрического города. У Вина защемило сердце. За последние дни эта девушка стала дороже всех его сердцу. Мужчина прикрыл руками лицо, потёр лоб и виски. «Как получилось, что я не уберёг её! Осёл!» — мысленно ругал он себя. «Васка, девочка, держись, милая! Я спасу тебя, непременно! Я обязательно придумаю, как это сделать!»

Клипер оккупировал большой отряд островитян. Вин Локвуд успел насчитать тридцать два человека, из тех, чей силуэт смог различить в тумане. Как командир, он вынужденно оценивал обстановку в целом, с возможностью отвоевать утерянные позиции. Взять штурмом клипер без подготовки прямо сходу и без подготовки не представлялось сейчас никакой возможности. Да, нужно признать, что боевые качества аборигенов гораздо превосходили опыт «скитальцев». С одной стороны, его план связаться со «Скитальцем» потерпел крах. С другой стороны, теперь команде придётся рассчитывать исключительно на собственные немногие силы. Да и какие силы? Когда в разведгруппе реально осталось всего шестеро бойцов, не считая врача Люси. Угрюмый и огорчённый, он вернулся в лагерь.

— План спасения наших пленных, увы, потерпел полный крах. Да, в этом есть и моя

ошибка. Я признаю это. Никто не знал достоверно, что нас ждет здесь в этой пространственно-временной «норе», — сказал Вин Локвуд и присел на валун возле палатки. — Наша задача обследовать весь остров. Возможно, повезёт найти хоть какие-нибудь следы промышленной или хозяйственной деятельности аборигенов. Надо отыскать малейшую лазейку, чтобы проникнуть в город.

— Город, как я понимаю, является цитаделью врага? — спросил боец Кугер.

Крепкого телосложения мужчина, спортсмен и чемпион по вольной борьбе, выносливость которого даже не ставилась под сомнение при наборе в разведгруппу, редко проявлял склонность к дискуссии. Однако чрезвычайные обстоятельства меняют людей.

— Именно так, — я думаю, — сказал Вин Локвуд. — Высказывайтесь, надо всё хорошо обмозговать, прежде чем действовать. Ошибёмся, — останемся здесь навсегда.

— Нужно узнать, где слабое место противника, — предложил Кугер. — Не думаю, что аборигены безвылазно сидят в домах-цилиндрах. На улицу они выходят обязательно. Должны выходить! Кроме того, чужаки захватили наш единственный корабль. Без клипера мы не сможем вернуться домой!

— Правильно говоришь, боец Кугер. Поэтому разведка, разведка и ещё раз разведка и наблюдение! — сказал Вин Локвуд. — Действовать тихо, без шума и пыли. Лагерь враги не должны засечь. Это наш последний оплот, за нами безопасность пленных и возвращение на борт «Скитальца».

Вин Локвуд говорил слегка охрипшим голосом, но с каждым словом его голос обретал уверенность и силу. Конечно же, сказывалась многочасовая усталость и нервный шок. Но отряд Вин Локвуд, как командир, обязан был поддержать в боевой форме.

Люди переглянулись, повздыхали. Никто не спорил. Да и в пустой болтовне не было никакого смысла. Разные чувства обуревали каждого «скитальца». Ситуация представлялась не просто сложной, а казалась обречённой на абсолютное поражение, хотя надежда теплилась. Слабый лучик призрачной победы маячил в глубине сознания людей. Мизерный шанс удачи заставил их собрать оставшиеся силы и приготовиться к, возможно, длительной и очевидно неравной борьбе.

— А ещё нам придётся сделать попытку организовать бунт среди пленных. Найти в городе-цилиндре единомышленников и сочувствующих, сплотить их и уговорить помочь нашим людям, — сказал Вин Локвуд, припоминая тактику и стратегию ведения скрытой борьбы с сильным противником.

— Хм, это как? — спросил один боец.

— Ну, я точно сказать не могу, но когда-то в юности читал о партизанах и партизанских вылазках. Кто-нибудь из вас что-нибудь слышал об этом? Будем вспоминать уроки истории Земли вместе, — сказал Вин Локвуд, подытоживая беседу. — Личная задача каждому из вас известна. За дело, бойцы!

Бойцы сверили наручные часы и разошлись по острову в разных направлениях. Наступала пора взять реванш.

Глава 13 В стане врага

Мы пришли на императорскую кухню, состоящую из нескольких отсеков. Слева от коридора я увидела продуктовый и посудный отсеки без дверей, устроенные паровозиком. Пластиковые арки мраморной окраски разделяли помещения лишь для видимости, не мешая персоналу даже проезжать на грузовых электрокарах. Справа от меня пыхла жаром просторная комната с электрохимическими печками, полуметровой высоты, для приготовления горячей пищи, которую местные называли почему-то «варочной». Конфорками служили, как я заметила квадратные элементы из композитного материала с чередующимися слоями серебра и фторида магния, на них сверху нарезалась обычно нанорешётка. «Неужели печка работает на фотонике»? — изумилась я и тут же получила подтверждение. Кухонная работница водрузила туда кастрюлю с водой, нажала кнопку. В неверном свете ламп на жёлто-белом кафеле стен замерцало отражение от характерных узоров и кругов интерференционных картин.

Парадокс одновременного соседства высоких технологий и ручного труда меж тем поражал. Мы зашли в рабочую комнату, где разделявали синтетические окорока, полученные на 3D-принтере, и тут же женщины ножами чистили овощи. Никаких роботов и механизированных кухонных устройств или комбайнов я не увидела и в помине. Высокие потолки, старая облупленная бледно-бирюзовая краска и условная вентиляция, состоящая из узких дырок, насверленных по всему периметру на уровне двух метров в стене и забранных решётками, являли глазам унылую картину. Большая часть приготовления пищи делалась вручную. Женщины в белых колпаках и блекло-кремовых халатах сновали по кухонным помещениям, на первый взгляд, совершенно беспорядочно. Целый отряд поваров, помощников и кухонных работниц создавали суету и базарный галдёж.

Меня подвели к пожилой женщине, особе, невероятно высокой и бегемотоподобной. Полными руками с ямочками на локтях она упиралась в широкие бока, нависающие тремя складками над талией и бёдрами, и властным басовитым голосом отдавала распоряжения о наряде работ на день.

Я сразу поняла, что толстая повариха, по-видимому, и была главной на кухне. Она расспросила меня о кухонных познаниях и умениях:

— Я, шеф-повар Его Императорского Величества, зовут меня Жадилина, так и обращайся. А тебя как кличут?

— Васка, мадам Жадилина.

— Культурная, значит, говоришь. Ну что, красotka Васка, яичницу-то умеешь жарить?

— Не доводилось, у нас еду готовят роботы.

— М-да. Зажрались, однако. Хотя по тебе не скажешь: живот прилип к спине, потому и грудь плоская, как вторая спина. Даже картошку чистить не умеешь?

— Понятия не имею, как это делается, мадам.

Толстуха Жадилина, а вместе с ней и вся кухонная рать согнулись пополам и смеялись так долго, что я успела разозлиться, но не знала, чем не менее обидным ответить грубой островитянке. У аборигенов юмор был своеобразный, приземлённый и малопонятный.

— Слышали, она понятия не имеет!?! Ой, пробрало аж до колик в животе, — сказала, Жадилина, и, утерев слёзы на пухлых хомячьих щеках, насмешливо определила мне работу. — Научись чистить овощи, «принцесса»!

Естественно, что и это занятие было мне в новинку. Суровое задание назначила тётенька Жадилина для пилота, умеющего нажимать только кнопки, рычаги, тумблеры и держать штурвал. Судорожно стала вспоминать: «А что я умею делать руками, неужели и похвастаться нечем»? Иногда мне приходилось с паяльником бегать в техническом отделе, когда что-то ломалось капитально, и старые аналоговые устройства выходили из строя. Конечно те блоки, вставленные в крейты, и платы с разноцветными проводками сейчас на «Скитальце» считались анахронизмом, но они работали. И работали хорошо, держали, так называемые «рабочие точки» долго, что подтверждали ежедневные осциллограммы. Как известно: «Лучшее — враг хорошего». Да и ремонтировать их в условиях стеснённого пространства на звездолёте мы могли быстро. На космических скоростях малое время ремонта есть жизненный параметр для корабля и экипажа.

— Детка, ты вообще, что-то умеешь делать, кроме как ложкой и вилкой орудовать в тарелке? — Жадилина вывела меня из воспоминаний.

— Закручивать шурупы с помощью электрического шуруповёрта, — брякнула я, неожиданно вспомнив, что однажды помогала Олимпии повесить полочку в её каюте.

Глупо получилось, и тётки опять разоржались. В дополнение к этим обязанностям Жадилина назначила выносить овощные очистки:

— Мусорный бак стоит на заднем дворе у забора. Два раза в день сделаешь культурный променад: пройдёшься с двумя вёдрами туда-сюда. Свежий воздух всё-таки будет тебе некоторым развлечением.

— Да, мадам Жадилина, — сказала я, с трудом усмирив внутренний мятеж чувств, до боли стиснув за спиной кулаки.

Я не стала спорить с Жадилиной, осознавая, что она представитель островитян и, значит враг. Врагов необходимо бить и побеждать, но если нет в руке оружия, то хитростью и умом. Хорошо, я сделаю шаг назад и если надо присяду в реверансе. Конформизм поможет мне выжить, что особенно важно, если мы, «скитальцы», хотим убраться с этого острова погибших космических кораблей.

Я подумала, что из любой ситуации неплохо бы извлечь какую-то выгоду для пленников. Кухонные работы и беседы с поварами, вероятно, прольют свет на тайну заточения «скитальцев». Кроме того у меня появилась возможность осмотреться и составить подробный план внутреннего двора, нанести на него различные здания, склады, гаражи с мотоциклами. Короче, «не было бы счастья, да несчастье помогло». Я начала собственную разведку, чтобы точно узнать предназначение каждого здания и строения. Заодно интересной была бы ещё информация об охране и времени смены караула.

Ночлег, отведённый для кухонных работниц, напоминал каземат для военных на далёкой Земле. Описание такого каземата я почерпнула из старинных книг о войнах. Были общими душ и туалет. К сожалению, все комнаты не имели окон, но были снабжены системами вентиляции.

Мне повезло, и у главной поварихи я стащила клочок мятой бумаги и обмусоленный карандаш, когда та нечаянно оставила его на разделочном столе. Бумага послужила для составления приблизительной карты двора и прилегающей к нему территории. Мусор приходилось выносить не менее трёх раз в день. Этими моментами я и пользовалась для уточнения вражеской локации. В последний раз двери одного эллинга были открыты, и я увидела там небольшой летающий скутер. «Ох! Это хорошая новость! Исправный скутер был

бы очень кстати», — мгновенно прикинула я мысленный план побега. Я подобралась к дверям и проскользнула внутрь. Ремонтники лежали под дисковидным брюхом и гремели инструментами. Как я поняла, они проверяли тормозную систему и выпускной механизм шасси. Я осмотрелась и выскользнула оттуда незамеченной. Что ж стоит навестить этот скутер ночью.

Вечером я мысленно проводила ревизию моих трофеев. Карта местности составлена, — это раз. Я обнаружила скутер, и знаю, где он стоит, — это два. Чего не хватает? Я ещё не в курсе, где содержатся наши пленные. Увы, данных не хватает катастрофически. Придётся подружиться с одной из поварих, чтобы выяснить хоть какую-то информацию о наших людях. «Да. Ждать и догонять — труднее всего, особенно, когда тебе нет и двадцати. Впрочем, мой дедушка тоже не любит долго ждать. Как он там, небось, изнервничался весь?» — вспомнила я о нём и чуть не расплакалась.

Прошло несколько дней. Когда я научилась чистить картошку и другие овощи, меня стали обучать, как замесить дрожжевое тесто, чтобы выпекать хлеб. Хлеба в цилиндрическом городе требовалось много. Аппетит у аборигенов был прекрасным. Местные хлебопекарни работали в три смены круглосуточно.

Молодую повариху, работающую с тестом, звали Асака. Её желтая кожа отливала червонным золотом. Большие миндалевидные серо-зелёные глаза искрились хитринкой. Гитарный изгиб бедер и осиная талия напоминали мне о сказках с гуриями, джиннами и коврами-самолётами. Асака имела добрый и весёлый нрав; любила послушать житейские байки. Я постаралась найти к ней ключик, рассказывая все анекдоты, которые могла только вспомнить. Особенно её смешили медицинские анекдоты и истории про неуклюжих мужчин. Тридцатилетнюю женщину, пребывающую в «самом соку», невероятно соблазнял противоположный пол. Я вспомнила уроки биологии, — понятно, что в таком возрасте в организме человека наблюдается наиболее высокий пик гормонов, поэтому мужчины её так волновали. Вскоре Асака была в восторге от меня. Мы подружились настолько, насколько это можно было сделать в условиях неволи.

Асаку интересовало всё, что относилось к звездолёту «Скитальцу», его предыстории на планете Земля и, конечно же, к создателям суперкорабля — атлантам. Их она воспринимала как богов.

— Васка, расскажи мне о ваших предках, — попросила она однажды вечером, когда мы готовились ко сну.

— Ты знаешь, Асака, я не великий сказитель, но чуть-чуть могу поведать о мифотворчестве атлантов. Правда, это долгая история, ты согласна слушать её от начала до конца?

— Я готова слушать тебя всю ночь, подружка, ты интересно рассказываешь.

— Боюсь, что мифы об Атлантиде займут не одну ночь.

— А я люблю истории с продолжением, — обрадовалась Асака, она завернулась в одеяло и прислонила подушку к стене. — Мои уши в твоём распоряжении.

Было это или не было на самом деле, я не знаю. Из уст в уста экипаж звездолёта «Скитальца» пересказывает друг другу разные истории и мифы о затонувшем материке Атлантида на планете Земля, которую наши предки покинули много поколений тому назад. Старики повествуют внукам, а повзрослевшие внуки передают сказание новым поколениям. Я тоже выросла на этих мифах. Артефакты, якобы хранящиеся где-то в музее главного

корабля нашей эскадры «Голубая звезда Атлантиды», ни я, ни мои знакомые и друзья, ни даже мой дедушка до сих пор не видели. Спецслужбы бдят, чтобы истина оставалась недоступной до момента прилёта на другую планету, так похожую на Землю. Свидетельства и документы, как утверждает миф, запечатаны в бронированной комнате тремя железными и пятью электронными замками. Вход в секретную комнату был запрещён с момента старта первого корабля с Земли...

— Все истории в нашей культуре, Асака, начинаются словами «жили-были». Я пойду тем же путем. Тебе ещё не скучно?

— Нет, я слушаю, Васка.

— Хорошо.

Жили-были Создатели первого корабля атлантов. Имя дали ему символическое, «Голубая звезда Атлантиды», — имя родной земли и страны, чтобы гордо нёс он сквозь бездну Вселенной благую весть о жителях Солнечной системы. Чтобы люди иных миров знали, откуда мы пришли к ним с миром.

Готовились атланты к дальнему походу долго, очень долго. Много воды в широких реках утекло с края на край земли. Океанские волны сменили каждую каплю на новую. Дети детей Создателей вошли в силу и стали незаменимыми помощниками родителям. Создали другой корабль, за ним третий, а следом целую флотилию. Армада космических кораблей не один год барражировала по Солнечной системе, проверяя ходовые механизмы двигателей, электронику управляющих систем и слаженность экипажа.

Но любое путешествие может быть непредсказуемым и опасным, полным неожиданных поворотов и встреч с врагом. Правители Атлантиды, с тех, которых начинается мой род, Изольда и Станимир, призвали Создателей на Совет Мудрейших. Ночи ночей и день-деньской старейшины думали и гадали, как обезопасить экипаж корабля и сопровождающей эскадры в столь дальнем перелёте к иным звёздам?

Звуковые кристаллы с голосами очевидцев повествуют потомкам о дерзком и смелом решении Мудрейших послать воинство вместе с первопроходцами. Так было создано несметное число воинов. Возглавил космический флот славный адмирал Смигл. Освятил же корабли на священную битву легендарный и отважный адепт Великого Двоединоначалия, отец Менкаухор.

Пределом дерзости испытательных полётов эскадры явилась страшная баталия на обитаемом астероиде, Новой Земле. Адмирал Смигл не побоялся вступить в неравный бой с противником, владеющим хитрым и запрещённым в Атлантиде оружием. Скрытые формы воздействия химического и биологического компонента выявил и раскрыл великий биотехнолог Каллист. Его невеста добродетельная Адельфина, внучка Изольды и Станимира, как могла, помогала жениху и его дедушке Леопольду. Её заслуга в том, что девушка своим пылким красноречием убедила главную Правительницу Гаафу отправить на битву с коварным врагом воинские силы под командованием адмирала Смигла.

...Ты хочешь знать, как это всё случилось? Вмешалась любовь. Восхитительное и прекрасное чувство этой влюблённой пары воистину сотворило чудо. Статный и сильный боец невидимого фронта, Каллист, и умница-раскрасавица, Адельфина, при первом же свидании поняли, что созданы друг для друга. Романтика и любовь соединили их сердца не только семейными узами, но и в общем деле, — защите родины.

Быть детьми Правителей не роскошь. Ими двигало чувство ответственности за жизнь и

благополучие атлантов. Скрытый и тайный враг несколько лет прятался от честных атлантов, обманывал Правителей и изворачивался, как мог, потчужа народ Атлантиды синтетической и не прошедшей испытаний генно-модифицированной пищей. Прежде здоровые атланты стали болеть. Тогда Леопольд заслал любимого внука Каллиста в стан врага. Но и враг не дремал. Однажды воины супостата подкараулили героя за извлечением секретов из их баз данных. Они схватили Каллиста и заточили его за каменными стенами в крепости, в самой высокой Башне.

Главным испытанием для узника оказалась медовая ловушка, сплетённая комендантом крепости. Старый вояка имел трёх дочерей на выданье. О них и голова у него болела, прежде всего. А тут потенциальный жених случился, да ещё с какой богатой родословной!? Сокол в клетке, чем не птица высокого полёта? Красавицы дочери, одна другой краше, стройнее и голосистее, начали соблазнять молодого узника. Как устоять?

Хотели Каллист с Адельфиной этого или не хотели, никто не знает, но молодые и горячие сердца невольно послали могучие силы на борьбу с недругом.

Я рассказывала подружке мифологию почти каждую ночь. Асака мечтательно закатывала глаза к потолку и воображала происходящее когда-то словно наяву. Сочувствовала, бурно реагировала на несправедливость и козни противников. Завоевав доверие островитянки, я осмелела. Однажды наступил момент, когда я решила пожаловаться ей о неизвестной судьбе членов нашей команды.

Оказалось, что эта женщина удивительным образом довольно хорошо осведомлена о захвате пришельцев. Более того, она даже знала, где находятся те, которых захватили на улице во время атаки, и куда отнесли Дика. Ну, естественно, Дик был в Медицинском Центре. Остальные проходили обучение в различных механических мастерских. Инженеры нужны были островитянам, чтобы содержать бесчисленное множество их агрегатов, машин, автоматических конвейеров с манипуляторами в исправности. Весь цилиндрический город представлял собой сплошь крутящиеся валики, колёса, шестерёнки, шарикоподшипники и передаточные механизмы на тросах и лентах. Ура! Это была моя маленькая победа. Тем не менее, расспрашивать Асаку о месторасположении механических мастерских сразу я посчитала неосмотрительностью. Пришлось взять паузу.

Поскольку за мной пристально не следили внутри города, то я иногда отлучалась из кухни и бродила по разным уровням, в надежде найти механические мастерские. Верхние этажи занимали приближённые императора и вся его королевская рать. Средние этажи — местные дворяне и министры. Нижние этажи были отданы для всякого пищевого и развлекательного сервиса. Оставались не обследованными лишь подземные уровни. Я вернулась на кухню, взяла мусорное ведро и вышла с ним на улицу. Вечерело. Один за другим загорались ночные фонари во дворе. Я подошла к мусорному баку ближе. И тут я услышала тихий оклик:

— Васка! Васка, тихо не оглядывайся, девочка! — Боже мой, это был голос Вина.

— Вин? Ты где?

— Я за забором. Группа «южан» на свободе, но не все. Ты как?

— Я нарисовала карту двора, местности и некоторых уровней внутри города. Сейчас переброшу её вместе с камешком.

Я наклонилась перед мусорным баком и подобрала увесистый камень. Быстро завернула камень в мой клочок бумаги. Огляделась кругом. Близко никого из охранников не заметила.

Все, как обычно, они находились на своих рабочих местах, кто у парадных ворот, кто в гараже, кто на плацу отрабатывал строевой шаг.

— Вин, ты где?

— Я тут. Кидай!

Я пригляделась и, повернувшись спиной к забору, через голову перебросила камень.

— Держи! Ну, как там, ты поймал?

— Ага, всё нормально, есть! А что про наших знаешь?

— Дик лежит в Медицинском Центре. Остальные люди в механических мастерских работают. Я облазила верхние и средние этажи, но ничего похожего не обнаружила. Скорее всего, они в подземелье, на нижнем уровне. Туда я ещё не ходила. Меня определили для работ на кухне.

— Где у них начальство?

— Император, на верхнем уровне под крышей. Его резиденция находится под самым куполом. Важные придворные персоны живут ниже императора. Они занимают примерно шесть этажей подряд, если считать сверху вниз.

— Ясно. Спасибо тебе, девочка. Береги себя! Жди дня через два-три, мы что-нибудь предпримем.

— Вин, вон в том алюминиевом эллинге у них стоит летающий скутер, рассчитанный примерно на пять человек! Я сама видела.

— Очень хорошо! Не вздумай угонять до тех пор, пока с нами не согласишься. Наш клипер до сих пор в руках аборигенов, поэтому надо действовать без оплошки. Иначе, мы не сможем убраться с этого забытого Богом острова.

— Хорошо, Вин. Я рада, что ты и «южные» на свободе. Вы молодцы! Думала, что аборигены всех захватили. А сейчас, мне пора идти, до встречи, Вин.

Я подхватила пустое мусорное ведро, вошла в цилиндр, быстро поднялась по лестнице и вернулась на кухню.

— Васка, где тебя носит? Пора накрывать к ужину. Быстрее шевелись, да руки помой сначала, — сердито сказала главная повариха, подпирая толстыми руками пышные бедра.

Мы с Асакой переглянулись и принялись таскать посуду в столовую. «Кажется, пронесло! Уф!» — подумала я с облегчением.

Глава 14 Скитальцы ведут разведку

На первый взгляд наружные стены цилиндрического города не имели каких либо зацепок. Однако, присмотревшись в бинокль, можно было обнаружить мелкие щели и выступы. Щели остались от неплотного прикрытия оконных проёмов. Выступы располагались регулярно, по-видимому, это были части несущих конструкций. Купол практически не переставал вращаться над городом. По вечерам он создавал феерическую игру света и тени.

Вин Локвуд внимательно рассматривал в бинокль город островитян, чтобы понять, есть ли у его команды возможность взять городские стены штурмом снаружи или придётся искать обходной путь. Вскоре вернулись другие разведчики. Один из парней рассказал, что обнаружил действующую на острове каменоломню. Там некогда в давние-давние времена в точку либрации попал большой астероид. Он также стал частью острова. Астероид служил островитянам источником полезных ископаемых. Надсмотрщики гоняли строем туда своих рабов. Каждую смену рабы откалывали кусочки скалистой породы и грузили их на вагонетки. Наполненные вагонетки по рельсам катились к заднему двору цилиндрического города. Когда состав подъезжал к воротам, то створки распахивались, чтобы пропустить руду внутрь. Следом за железнодорожным составом входили во двор и рабы.

Разведчики стали следить за происходящим на каменоломне. Вскоре они заметили, что среди работников есть и «скитальцы», Дэнвил и Надин. Узнать их было можно с трудом, похуевшие лица, небритая щетина и суровый взгляд исподлобья. Мешковатая роба, не по размеру, висела на плечах мужчин свободно, точно на швабре. Изнурённый труд и недостаточно калорийное питание сделали своё дело. «Что ж, по крайней мере, они живы и относительно здоровы», — заключили разведчики. И это было хорошей новостью.

Внезапно налетел ураганный ветер. С каждым порывом сила ветра увеличивалась, заставляя людей: разведчиков, рабов и их охранников инстинктивно искать убежище. С неба сквозь жидкую атмосферу просыпался огненный град из метеоритов. Космический остров накрыло метеоритное облако. Огненные бомбы со свистом и шипением падали на землю, по пути сильно электризуя воздух. Ослепительные разряды синих и фиолетовых молний широкими лентами расплосовали небо вокруг. Купол над городом превратился в сверкающего ежа, — в него постоянно били вертикальные сполохи электричества. Красивое и устрашающее зрелище напугало даже виды издавших аборигенов. «Скитальцы» же, впервые увидевшие чудеса открытой космосу атмосферы, задумались о том, каково жить человеку на поверхности твердой планеты.

Метеоритный дождь прекратился, ветер стих, тонкие струйки дымов курились кое-где в опалённой траве. В воздухе резко запахло озоном. Пользуясь общей паникой и неразберихой, Вин пригнул голову и, прячась в зарослях высокой травы, негромко окликнул Дэнвила. Тот оказался лежащим вблизи вагонетки в пределах прямой видимости. Им обоим повезло, и рядом из охранников пока никого не было.

— Дэнвил! Дэнвил, привет! Мы хотим тебя и всю нашу команду выволотить из плена, но нам понадобится ваша помощь тоже. Ты знаешь, что здесь на свободе только шестеро человек. Клипер аборигены тоже оккупировали.

— А Васка и Люси, где они?

— Люси с нами в лагере. А Васка? Ох!

— Ну, говори же, не томи!

— Васка сейчас там, в городе. Она работает на кухне. Мы связались с ней. Она составила план города и внутреннего двора.

— Понятно, — Дэнвил опустил голову. Лицо его было запылённым, а одежда грязной. — Что требуется от нас?

— Узнать, где находятся механические мастерские. Там работают остальные наши ребята. Попробуй проверить, есть ли ещё какие-то дополнительные входы с улицы в город через механические мастерские! Как разумеешь, запомни диспозицию до мелочей, и потом расскажешь. Мы свяжемся с тобой, надеюсь, получится.

— Понял. Сделаем, всё, что сможем. Мы работаем на каменоломне через день. Так что ты тоже запомни наш график. Здесь появимся лишь послезавтра.

— Да-да. Я запомнил. Дэнвил, а ты передай «скитальцам»: мы готовим вам побег, ну и держитесь, как можете. Раньше времени не конфликтуйте с аборигенами. Мы не оставим вас врагу на съедение, ни за какие коврижки! Надину, передавай привет от Люси, она за него беспокоится.

— Хорошо, скажи ей, что он жив и здоров, держится в надежде увидеть её. Ну, до встречи, и уходи, а то нас заметят охранники. Вон, кажется, они возвращаются. Давай!

— До встречи, Дэнвил.

Потрёпанные охранники в разодранной униформе и с перепачканными физиономиями показались из-за скальной стены. Неся наперевес оружие, они начали пересчитывать рабов, от злости раздавая тычки и пинки налево и направо. Рабы ругались и сопротивлялись, но охранники, чуя за собой силу, угрожали пленникам оружием и немедленной расправой в случае неподчинения. Вин наблюдал сцену в бинокль, на ходу придумывая как можно и можно ли воспользоваться последствиями космической стихии. Видно было: — охранники напуганы изрядно. Тем не менее, как командир, он понимал: действовать желательно наверняка, без партизанщины, иначе не избежать жертв. Чужие-то, хоть и враги, но тоже люди. А вот «Скитальцев» ждут на орбите родные и близкие. Каждый член экипажа важен и нужен.

Вин Локвуд спрятался за камень, спустился вниз к разведчикам, которые сидели в ожидании командира у подножия скалы. От камня пахло опалиной и серой, в стену ударила молния. К счастью, не причинив вреда людям. Он осмотрел личный состав, — brave ребята, — волосы дыбом от статического электричества, но на суровых лицах, для маскировки расписанных сажей, просто начертана воля к победе.

— Я видел Дэнвила и Надина, они работают в каменоломне. Бывают там через день. Обсудил кое-какие наши намерения. Попросил его разузнать, где находятся остальные пленные с клипера.

— Командир, — спросил разведчик Николас, плечистый мужчина, по виду борец, — у нас достаточно оружия и боезапасов, мы можем перебить охранников и всех освободить в каменоломне. Не так ли?

— Это мы можем. Главное, что потом? Островитяне бросят в бой свежие силы и прочешут весь остров. Накроется наш скрытый лагерь. Да и клипер пока ещё в руках врага. Чего мы добьёмся скоропалительной атакой? Ничего. И не забывайте, что за нашей спиной «Скиталец». Его судьба тоже в наших руках. Твой план хорош, но для далеко идущих планов не годится! — ответил Вин. — Мнения другие есть?

— Сложно сказать, командир. Мы все оказались внутри гравитационной ловушки. И, к сожалению, варимся в одном котле. Где же выход? — спросил другой разведчик, Мика.

— Выход у нас один. Пусть наши недостатки станут достоинствами, тогда прежние поражения обернутся будущими победами! Мы будем брать город, этот вражеский город, будь он не ладен! Так, как это делали некогда наши далёкие предки атланты. Вспомните историю и взятие Башни Астилии на астероиде Новая Земля. Эта крепость, та же Башня, и она должна быть в наших руках! Так что главный стратегический план — это «взятие Астилии». Я хочу разворошить всё это осиное гнездо. А теперь пошли в лагерь! Время отдохнуть, подкрепиться и тщательно подготовиться. Осечек быть не должно!

В траве за спинами разведчиков что-то зашуршало. Бойцы взяли наизготовку оружие. С пригорка к ним под ноги скатился человек, в такой же мешковатой робе, что и Дэнвил. Беглец жестом попросил воды. К растрескавшимся губам кто-то поднёс фляжку с энергетическим напитком. Тот отхлебнул несколько раз и с благодарностью посмотрел на спасителя. Энергетик подействовал быстро, и через минуту человек смог говорить. Хриплым голосом он сказал:

— Я, я... знаю расположение казематов, где держат пленников. Меня зовут Трейс, я раньше... до пленения, занимался системами водоснабжения космических кораблей. Мы воду добывали на астероидах и кометах. Ещё я умею делать водомётное оружие. Разрешите примкнуть к вам?

— Одна незадача, с водой на астероиде имеются проблемы. Её нет.

— Вы, вы... не знаете, вода здесь есть в Рыжих горах, — он показал рукой на северо-восток. — Внизу из-под расщелины после сильного разряда молнии я видел. Там бьёт источник, я видел в прошлом году, когда работы по добыче руды шли у подножия.

— Ээ... Отряд, что будем делать? — демократично спросил у бойцов Вин Локвуд, наморщив лоб. В вопросах социальных он разбирался слабовато, всегда стараясь руководствоваться принципом гуманизма.

— Нас всего шестеро, будет семеро, — рассудил Мика. — Возьмём, если он не вражеский лазутчик.

— В бою проверим, — отозвался Николас и ободряюще улыбнулся. — Присоединяйся, Трейс, люди нам нужны!

Они поспешили в лагерь, скрываясь среди камней и скал. Фиолетово-бурый туман сгущался и заметал их следы.

Операция с кодовым названием: «Взятие Астилии» родилась не сразу, но после нескольких бессонных ночей. Взятие крепости бойцы во главе с командиром Вином Локвудом наметили и согласовали с Дэнвиллом и Надином. Решено было наступать сразу с двух сторон. Одна часть нападающих войдёт вместе с работниками каменоломни во двор. Вагонетки с рудой, идущие впереди, будут им хорошим прикрытием. Другая часть малочисленного отряда спасения проникнет через подземный ход, где находятся механические мастерские, и принесёт людям оружие.

Оба отряда соединятся в городе, захватят лифты и лестничные пролёты. Затем придётся взять в плен императора Оттавия и потребовать, чтобы он отозвал своих людей с клипера. Васка должна доставить их делегацию и самого императора к клиперу на скутере островитян. Таков был общий план действий. Его одобрили впятером, но один из бойцов воздержался. Впрочем, Мика всегда отличался скептицизмом и осторожностью.

Едва забрезжил ранний рассвет, группа проснулась и полностью экипировалась, подсчитав боеснаряжение, имеющееся в запасе.

— Время молчания закончилось, — произнёс краткую вступительную речь командир Вин. — Бойцы, наступила пора действовать и принять бой! Отступать некуда, на подходе звездолёт. Космические скорости неумолимы, за каждой секундой стоят парсеки. Гравитационная ловушка хитра и скрыта. Преимущество же экипажа в том, что мы об этом знаем. Ну и не устану повторять. Звездолёт по имени «Скиталец-1001» — наш единственный космический дом. За дело! В атаку за отчий дом, родных и близких!

Глава 15 В преддверии атаки

Итак, в отряде разведчиков под предводительством Вина Локвуда появился новенький. Каждый боец присматривался к нему, оценивал его поведение и решал для себя одну важную вещь, от которой возможно зависела не только жизнь «скитальцев», но и успех операции «Взятие Астилии».

Едва забрезжил ранний рассвет, группа проснулась и полностью экипировалась, подсчитав боеснаряжение, имеющееся в запасе. Вин Локвуд, обводя суровым взглядом бойцов, с воодушевлением произнёс речь. Явно его слова западали в души, возбуждая в людях чувство протеста, ненависти к врагу и жажду справедливой мести. Закончил страстный спич командир призывом к атаке. На всякий случай, тем не менее, он спросил:

— Есть ли возражения или не учтённые мною факторы, не позволяющие немедленно ринуться в бой?

Трейс прокашлялся и поднял указательный палец вверх:

— Можно добавить?

— Попробуй, Трейс, — кивнул Вин Локвуд, — говори кратко и по существу.

— Постараюсь. Скажу о главном. Наши боевые припасы не так уж велики против хорошо укреплённого врага. Уверяю вас, друзья, они закончатся быстрее, чем мы успеем перелезть через забор или иным способом проникнуть на задний, плохо укреплённый, двор.

— Есть конкретные предложения? — спросил Мика, небрежно поправляя патронташ.

— Да-да. Я ведь инженер-гидромеханик, и могу, конечно же, с вашей помощью, за два-три часа собрать водомётную пушку. Она способна мгновенно вывести из строя парализаторы войск императора Оттавия. У нас, я думаю, сразу же появится бесспорное преимущество.

В тишайшей тишине ни одного заметного движения «низового» ветерка не всколыхнуло ни травинки. Вин Локвуд не услышал даже шумного воздыхания бойцов, готовых вот-вот ринуться в атаку, сломя голову. Предложение Трейса запахло неожиданностью и в одночасье спутало все карты. Бойцы опешили. Зерно истины угадывалось в словах новенького: его аргументы казались «скитальцам» железными и логичными. Наступила продолжительная неловкая пауза. Как они сами не догадались до альтернативного оружия? С одной стороны, предложение Трейса было неожиданным и дерзким. С другой стороны, оно отдавало школярством, наивностью и детскими компьютерными играми.

— Допустим, мы одобрим твой план, где тогда, Трейс, скажи на милость, взять техническую оснастку и нужные комплектующие детали для сборки чудо оружия, водомётной пушки? — спросил Николас.

Он сидел прямо на земле, скрестив ноги, обутые в высокие трекинговые ботинки, и жевал травинку. На фоне почти неразличимой издали штурмовой палатки, цвета хаки, бойцы также были малозаметны. Один часовой сидел на дереве, кривой сосне с пятью сучковатыми стволами, выросшими на половине высоты, и в бинокль озирает три возможных подхода к лагерю. Длинные фиолетово-зелёные иглы местной сосны были довольно жёсткими и колючими. Но они росли густо и хорошо скрывали человека, прятавшегося между ветками.

За четвертую сторону света отряду можно было не беспокоиться вовсе и не ждать внезапного нападения. Тыл прикрывался островершинной скалой с двумя приметными зубцами. Гладкие вертикальные стены с пилообразными сколами кое-где вряд ли у кого-

нибудь из аборигенов вызвали бы желание по ним спускаться вниз. На круглом лице здоровяка Николаса широко расставленные глаза прозрачной голубизны излучали доброту и детское изумление. Он понимал, что задача создания водомёта крайне сложная в полевых условиях.

— Верно, что сомневаетесь, — ответил Трейс, вглядываясь в лица собеседников и ища поддержку. — Судя по карте, примерно в полудне ходьбы, если идти в обход двузубой скалы, должен быть корабль. Мой корабль, точнее, нашего экипажа. Он тоже попал в гравитационную ловушку этого затерянного острова погибших кораблей. Аборигены сняли с него много оборудования, но, возможно не всё их заинтересовало. По крайней мере, я не видел нигде в городе что-то напоминающее любые гидротехнические сооружения, разве что кроме водонасосных устройств. Они же эксплуатировались тут и раньше. На нижней палубе дисколёта располагался склад из отдельных разрозненных деталей, хранящихся в промасленной ткани и в пластиковых футлярах. Если аборигены его не разрушили, — на что я очень надеюсь, то у нас есть шанс. Я думаю, что смог бы отыскать среди них все необходимые комплектующие части.

— А откуда вы прилетели? — спросил заинтересовано Николас.

— Мой корабль, из звёздной системы Омега Орла, исследовал структуру гравитационных полей в окрестностях нескольких сотен парсек вблизи недавно открытой нашими астрономами экзопланеты X-600. Мы полагаем, что эта планета необитаема, в том смысле, что не имеет разумных существ, похожих на человека. Однако там возможна растительная жизнь, посланные зонды сообщили о кислородно-азотной атмосфере. Но, к сожалению, уточнить мы ничего не смогли, так как сами угодили в это гравитационное болото. Какая-то часть экипажа попала в плен, как и я. Об остальных людях не имею сведений никаких абсолютно.

— Занятно! — с сомнением в голосе воскликнул Вин Локвуд. — Бойцы, стоит ли принимать на веру предложение Трейса, как вы думаете? Не слишком зыбкое ли оно, и подходит ли для смены тактики нападения?

Отряд задумался. Бойцы мысленно взвешивали всевозможные решения «за» и «против». Кряхтели, пили энергетики и вздыхали. Мика расстелил карту. Трейс отметил на ней примерный ориентир. Вин Локвуд мучительно рассчитывал время похода туда и обратно. Ему не хотелось упускать заветный час атаки. Внезапность нападения давала «скитальцам» шанс на быструю победу. Сыграет ли водомётная пушка хоть какую-то мало-мальски заметную роль во взятии города островитян? Риск проиграть битву велик, и любая задержка должна быть оправдана.

— Цель оправдывает средства, — как бы невзначай подслушав его мысли, высказался Мика.

Он был наиболее подкованным в вопросах тактики противостояний. Стоит оговориться, речь могла идти исключительно о спортивных войнах типа «синие» против «зелёных». И Вин Локвуд это понимал.

— Кто поддерживает это предложение? — спросил командир.

Бойцы дружно подняли указательные пальцы вверх. Николас ответил за всех:

— Утренняя прохлада и туман пока что наши союзники. Время терпит.

— Сверим часы, — сказал Вин Локвуд, — первым Мика, вторым Трейс, замыкающим пойду я. Запомните, смотреть по сторонам в оба! Враг тоже не дремлет. Вперёд!

Отряд обогнул скалу и редкий хвойный лесок с подлеском из ракиты, скрывающие их

лагерь, и по каменистому склону они начали подъём к Рыжим скалам. Не доходя до подножия гор, бойцы спустились в ложбинку и увидели метрах в пятистах ребро дисколёта, наклоненное к горизонту под острым углом. Посередине корпус дисколёта, серебристого цвета, резко изгибался и возвышался над землёй параллельно пологому склону. Иллюминаторы, на удивление, казались целыми и нетронутыми. Бойцы поспешили к чужому кораблю так быстро и споро, словно в нём действительно было спасение.

Трейс приник головой к родному кораблю, погладил его жёсткую чешуйчатую поверхность, всхлипнул и не удержался, заплакал. Вин Локвуд похлопал его по плечу:

— Ну, будет, будет, Трейс. Ищи вход в свой корабль.

— Это наша «Королева Луди», — сентиментальные нотки в голосе Трейса перешли в судорожные всхлипывания. — Не надо меня утешать, я в порядке. Сейчас, командир, — он замолчал и утёрся рукавом.

Первый люк, с востока, оказался наглухо задраенным, как будто изнутри. Следующий вход, с севера имел узкую щель, но через неё можно было протиснуться, если развернуться боком. Что удалось сделать только самому худенькому, то есть, лишь Трейсу. Он вопросительно взглянул на командира:

— Я пошёл?

— Давай, — одобрил Вин Локвуд и взял наизготовку оружие.

После того как Трейс исчез в недрах дисколёта, прошло минут семь, и бойцы начали нервничать. Николас упёрся руками в раствор щели, и... тут вдруг люк издал заржавело-противный звук, заскрежетал. Что-то в пазах щёлкнуло, после чего механизм открытия-закрытия заработал. Люк отъехал в сторону и замер. Николас обернулся:

— Ребята, за мной!

— Э, нет, — пресёк самодеятельность бойца Вин Локвуд. — Мика, оставайся у дверей снаружи, следи за обстановкой. Остальные, за Николасом шагом марш! Я замыкающий. Да, Мика, найди большой камень и положи в створ, мало ли: как механизм закрытия люка настроен. Ежели чего, так и не выберемся отсюда. Надо предусмотреть всё по максимуму.

— Трейс, ау! — крикнул в темноту Николас, — ты где?

Ответом ему было эхо, резонирующее вдоль стен и перегородок.

— Отряд, включить фонари на касках, — приказал Вин Локвуд. — Соблюдать дистанцию, смотрим внимательнее на датчики движения! Тихо!

Далее они двигались в перекрестии фонарей и отражения лучей от зеркально блестящих стен дисколёта. Тоннель спускался вниз, в недра дисколёта. По мере продвижения отряда вглубь, внешние звуки гасились странной обшивкой пола. Бойцы озирались, внимательно изучали экран датчиков движения, но ничего подозрительного не замечали. Минут десять они прошли в звенящей тишине. Добрались до круглой площадки, огороженной решетчатым барьером. От него веером отходили прямые и наклонные вниз тоннели. Когда Вин Локвуд ступил в круг, кто-то облокотился на бордюр и придавил на нем едва заметный рычаг. Площадка стремительно поехала вниз. Перед глазами «скитальцев» замелькали уровни чужого корабля, ничем не отличимые друг от друга.

— Минус пять этажей, — сказал Николас неуверенно.

— А я насчитал шесть, — возразил Вин Локвуд. — У кого больше?

— Пять, пять этажей — дружно подтвердили молодые бойцы Фирс и Илгур.

— Возможно.

Лифт остановился. Группа покинула круглую площадку. Фонари на касках слабо

освещали все меньшую и меньшую дистанцию и, в конце концов, они погасли все кроме одного, у Вина Локвуда. Он скомандовал:

— Держимся на расстоянии пары шагов. Идем цепочкой за мной, вон туда, где я вижу полукруглую дверь.

— Ой, — раздалось за спиной, и... отряд остался без одного бойца.

Отряд сбился в кучу. В неверном свете единственного фонаря люди искали «потеряшку».

— М-мм, — раздалось откуда-то сверху.

— Твою холеру! — выругался Николас. — Кажется, он под потолком. Кто это?

— Фирс, — ответил боец Илгур. — Вот, досада!

В луче света трепыхался сетчатый кулёк неопределенной формы.

— Только этого нам не хватало! — рассердился Вин Локвуд. — Задержка за задержкой! Время теряем. Теперь сами, неизвестно где, застряли. Трейс, ау!

— М-мм, — раздалось под потолком правее Фирса.

Командир снял каску и посветил наверх фонарем.

— Две холеры! — закричали бойцы, указывая руками наверх.

— О, Великое Двоединоначалие! — воздел руки Илгур. Он был самым молодым в группе и эмоционально на все реагировал. — Там холер больше, я насчитал почти десяток.

— М-да... — протянул Николас. — Как снимать-то их будем, командир?

— Не знаю, честное слово, — почесал макушку Вин Локвуд, — скажи ты, Николас.

— Пусть скажет молодой, — зло отбоярился тот.

Илгур вытащил из-за голенища ботинок десантный нож и ловко перекинул его в правую руку:

— Высота до потолка здесь, мне кажется, примерно, в три человеческих роста. Николас пусть станет нижним, командир, ты надень каску на голову и заберись ему на плечи. А я, самый легкий из вас, залезу наверх.

Илгур взял нож в зубы. Он подождал, пока грузный Вин Локвуд, отчаянно ругаясь и кляня глупую затею Трейса и заодно свою недалёковидность, поднимался на плечи здоровяка Николаса. Благо кругом была крошечная тьма, и он не видел, как далеко ему лететь вниз, если нечаянно оступится. Затем Илгур, гибко извиваясь в гимнастических движениях ловко, словно обезьяна, забрался на плечи Вина Локвуда. Он взял нож в правую руку и обратился к командиру:

— Вин, посвети наверх.

— Ты сдурел? Я не могу пошевелиться, боюсь потерять равновесие.

— Командир, я гимнаст со стажем. Ты сможешь! Слушай меня внимательно! Напряги ноги, представь их пружинами и зафиксируй колени. Держи эту позу крепко. А теперь медленно подними голову наверх.

Вин Локвуд выдохнул:

— Готово! Давай быстрее! Я долго не простою.

— Шесть секунд, кэп, — ответил Илгур.

Он дотянулся до Фирса, тот оказался ближе к нему, и разрезал плетение сетки. Фирс вывалился из кулька, цепляясь за обрывки капкана.

— Руку одну отпусти, Фирс, и хватайся за мою. На счет «три». Раз, два, три! Молодец! Ползи вниз.

Илгур повернулся к капкану Трейса:

— Ты там живой?

— М-мм, — промычал кулек справа.

Трейс оказался более неуклюжим, чем Фирс. Он изрядно потоптался по плечам Вина Локвуда и отдал шею Николасу.

— Вот тебе и худенький! — взвыл Николас. — Все, слезайте все, я вам не лестница в небо!

Пирамида рухнула.

— С остальными кулками, что мы делать будем? — спросил Илгур.

— Фирс и Трейс немедленно идут на склад. На обратном пути они забирают нас. Хорошо бы также понять, как работает эта площадка, — сказал Вин Локвуд.

— Я знаю, — ответил Трейс, с трудом разлепив рот. — Я не мог говорить. Это нейропарализующая сетка.

— Идите уж, быстрее, олухи! Шевелитесь! — рассердился Вин Локвуд. — Илгур, мы отдохнули с Николасом, и фонарь ещё жив. Давай снимать остальных.

Трейс и Фирс рысью помчались в конец помещения и скрылись за стальной дверью. После их ухода дело пошло не быстро, но с некоторым успехом. Неизвестные люди, десять человек, постепенно приходили в себя. Действие нейропарализатора проходило не так быстро, как это произошло с Фирсом и Трейсом. Они массировали лицо, шею, уши, губы и вскоре смогли говорить. Они слёзно благодарили «скитальцев», хватали бойцов за руки, трясали их. Мечтали немедленно отомстить варварам императора Оттавия.

— Я штурман корабля, — представилась обаятельная женщина, примерно сорока лет, невысокого роста, в хорошей физической форме. Её волосы были зачесаны назад и собраны в хвост, опускающийся до пояса. — Меня зовут Сиртако. Наш корабль, «Королева Луди», из созвездия Омеги Орла не получил на этом острове должного приёма. К сожалению, мой новый друг, Вин Локвуд, мы с вами познакомились не при самых лучших обстоятельствах. Агрессоры разграбили «Королеву Луди», сняли кухонное и медицинское оборудование, гравиметрические приборы и многое другое. Взяли в плен половину лётного состава. Экипаж исследователей гравитационных полей, — я вам представлю сейчас, — им не попался сразу на глаза, и островитяне расставили кругом нейропарализующие капканы. Если бы аборигены не повредили электропроводку салона, то мы обошли бы эти ловушки.

— Я вам сочувствую, Сиртако, — искренне ответил Вин Локвуд за всех бойцов.

— Мы ждём вашего Трейса, он пошел на склад, чтобы собрать водяную пушку.

— О, — это наш гидротехнический гений! — обрадовалась Сиртако. — В бледном свете фонаря Вин Локвуд заметил, как живо блеснули тёмно-фиолетовые глаза женщины.

— Это приятно слышать, — ответил Вин Локвуд.

— Мы с радостью пойдём туда и поможем ему. Кто со мной, «королевичи»? — она обернулась к своим людям.

«Королевичи» из созвездия Омеги Орла построились в строгое каре и с энтузиазмом направились к дверям, за которыми скрылись Фирс и Трейс. Сиртако взяла Вина Локвуда за руки и пригласила его следовать за ней...

Глава 16 Завтрак у императора Оттавия

Вскоре мне представился шанс приблизиться к императору Оттавию и кое-что разузнать интересное. В тот день главная повариха Жадилаина отправила нас с Асакой наверх, в качестве официанток, обслуживать императора и его гостей за завтраком. Она вручила нам пропуска на верхние этажи, погрозила пухлым пальцем перед моим носом и гордо удалилась, покачивая тучными боками.

Его Величество завтракал ближе к полудню, по городским часам. Воспользовавшись удачным моментом, я пришла на царский этаж заранее. Хотелось самой разведать обстановку на верхних уровнях, узнать где стоит внутренняя охрана, где расположены какие комнаты, что там есть полезного, ну и остальное, что может пригодиться Вину Локвуду и нашим ребятам во время с нетерпением ожидаемого мной штурма.

На полу в коридорах лежали ворсистые ковровые дорожки. Тусклым жёлтым сиянием мерцали редко расположенные на стенах светодиодные лампочки. Я поняла: островитяне вынуждено берегли электроэнергию. «Что ж, это мне на руку», — подумала я. «Всегда можно сказать, что я, дескать, заблудилась». Я принялась заглядывать во все двери, где только это было возможно. Охранников, пока что, я не увидела. «Скорее всего, к царским покоям ведёт другой коридор. Знать бы какой именно!» Однако я наткнулась на комнаты, имеющие кроме парадного и «чёрный» вход. Например, я нечаянно заглянула в ботанический сад. А какая-то боковая застеклённая аллея привела меня к малозаметной прозрачной двери. За нею оказались царские апартаменты. Спрятавшись за пышный куст юкки, я могла подглядывать за самим правителем островитян. Любопытство, конечно же, — не лучшая черта человечества, но миссия разведчицы в данном случае оправдывала. А передо мной был враг. Это он отдал приказ захватить клипер «скитальцев»! «Но конспирация прежде всего», — вспомнила я. — «Главное, не забыть о времени и не опоздать к началу завтрака Его Величества»!

В покоях императора Оттавия царили тишь и благодать. Любой человек, будь то министр, военачальник, личный эскулап, какая-то иная доверенная персона или слуга, впервые попадающий сюда, бывал поражён увиденным наповал. Огромный зал площадью не менее чем в пятьдесят квадратных метров обрамляли зеркальные стены, устроенные гармошкой.

Вдоль стен в низких прямоугольных кадках, росли шикарные пальмовые аллеи. Пышное разнообразие пальмовых растений превосходило то, о чём повествовала Красная книга Острова. Банановые и кокосовые, масличные и хлебные, кукурузные и ванильные разновидности этого растения, казалось, все собрались здесь, словно в ботаническом саду. Игра преломлённых и отражённых лучей в ломанных и кривых зеркалах, создавала такую феерию света и цвета, что у наблюдателя создавалось впечатление, что за территорией зала находится непролазная чащоба. Передний план из широких тёмно-зелёных листьев, гроздьев жёлтых цветов и связок сочных оранжевых плодов, ограничивающий периметр зала столь искусно, иллюзорно продолжался вглубь, теряясь в мнимом фокусе зазеркалья.

Щедро озонированный воздух наполнял лёгкие громовержца, — коим мнил себя Оттавий, — успокаивал нервы, смирлял мятежный дух правителя Острова и ничуть не мешал ему предаваться заоблачным мечтам. Кислый привкус воздушной смеси чуть-чуть

пощипывал кончик царского языка. Император Оттавий, в небрежно накинутом розовом шёлковом халате, возлежал на круглой софе, укрытой синим атласным стёганным покрывалом, опираясь на большие удобные подушки, вышитые красочными попугаями какаду, и пил из стакана ягодный морс. Между делом он предавался созерцанию регулярно меняющихся узоров на потолке, создаваемых невидимым калейдоскопом.

Его мысли текли неспешно, каждая из них уплывала в неведомую даль, уносясь вослед за каждым тающим узором. Перед софой стоял низенький овальный столик. Трёхъярусная ваза с фруктами: райскими яблочками, персиками и виноградом, — источала аппетитные ароматы. Император Оттавий смотрел на них глазами так и непроснувшегося в нём живописца, как на красивый натюрморт. Но ценитель изобразительного искусства, сидящий внутри, одобрял это сочетание богатства форм и красок спелых плодов.

На коврике у изножья правителя сидела обнажённая молодая женщина, удивительной красоты с плавным изгибом бёдер. Она смотрелась в зеркальце и расчёсывала волнистые рыжие волосы, спускающиеся до колен. Император Оттавий, глядя на неё, также пребывал в отстранённом состоянии перманентного созерцания женских округлостей и форм, воспринимая залётную богиню лишь частью матушки Природы. Её бело-розовая кожа, нетронутая ни искусственным, ни природным загаром, приятно сочеталась с царской обстановкой царской залы, где кроме ложа со столиком и ковров ничего лишнего не было. Её упругая грудь, имеющая чёткие контуры конуса, оканчивалась большим мягким коричневым сосцом. Вместе с прозрачным шарфиком на плечах каждая деталь портрета придавала женщине вид существа, рождённого из пены морской, о которой император Оттавий имел смутное представление из забытого детства. «Красота Природы, как она есть!» — подумал он, и благостно улыбнулся, мысленно рисуя картину маслом.

Лень и дремота одолевали его обычно в полдень, правда, до тех пор, пока он не выпивал напиток, отдалённо напоминающий кофейный. Император Оттавий вспомнил о завтраке, подал рукой знак гостю, и женщина, молча накинув длинное платье, лежащее прежде на ковре, оделась и, не издав ни звука, сделала реверанс и удалилась. Император зевнул и потянулся. Утреннее настроение исчезло: «Пора приниматься за дела».

Завтракал император Оттавий в гостиной, занимающей площадь не более двадцати квадратных метров и обставленной более скромно, нежели его спальня. Посередине комнаты стоял прямоугольный стол о шести вычурно изогнутых ногах, обычно накрытый на четыре персоны. Слева от входа высился двухъярусный посудный буфет из мраморного дерева, набитый фарфоровыми сервизами с золочёной росписью. Против дверей, между полуколоннами, место окна занимал пейзаж с видами природы у Рыжих скал. Двузубую вершину прорезал луч местного светила, окрашивая поверхность скалы в пастельные тёплые тона. Деревья, кривые сосны с пятью стволами каждая, придавали пейзажу оттенок первозданности и нетронутости. Глядя на эту картину, зрители могли ощутить дыхание ранней осени, несмотря на то, что смен сезонов года на острове никогда не наблюдалось. На правой стене висела карта острова, достаточно подробная, чтобы, сняв с неё кальку, можно было бы разработать план операции против мятежников.

Сегодня Корис, министр экономики Острова, Шерл, начальник городского гарнизона и Медея, личный доктор императора, должны были составить императору кофейную компанию. Когда мы с Асакой прикатали тележки с блюдами: горячей кашей, бутербродами с синтетической колбасой и сыром, пальмовым маслом, клубничным джемом и эрзац-кофе,

то увидели интересную картину. Официальные лица топтались перед дверями гостиной, куда их впускали только по приходу императора Оттавия. Они понимали, что за завтраком последует летучка, на которой правитель раздаст либо дневное задание каждому из них, либо потребует какого-нибудь экстренного отчёта за прошедшую декаду, поэтому все пришли с пухлыми папками, где кроме отчёта, был также обязательный проект дневного плана. Листки бумаги в папке официальных гостей секретарь императора непременно пронумеровывал, прошивал и скреплял один с другим накрепко, не позволяя их разделить или заменить.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

На острове использовалась вечная бумага, — новейшее изобретение химических технологов города-цилиндра. Самым грустным моментом для министров и официальных лиц оказалась малоприятное свойство новейшего материала: вечная бумага не горела в огне, не размокала в воде, не стирала текста, напечатанного на ней, и из-за этого печального факта ни один документ невозможно было подделать. Единственный способ уничтожения оставался крайне авантюрным: — отдать на съедение крысам в питомнике. «Но туда ещё попробуй попасть»! — думали гости, нервно вышагивая перед закрытыми дверями.

По праву доступа для обслуживающего персонала Асака распахнула створки дверей, и я, гордо расправив плечи, закатила тележку с едой вовнутрь. Зайдя в гостиную, мы переглянулись, стараясь не очень громко прыскать со смеху. Уж больно надменные лица были у царских гостей. Столовые приборы мы разложили так, как велела толстая Жадилина. На блюда положили карточки с именами приглашённых. Расставили блюда в центре кучно, а кастрюлю с пшённой кашей и поварёшкой расположили с краю. Едоки сами накладывали себе необходимые порции, и наше присутствие, вообще-то, не требовалось, но мы нахально остались стоять в сторонке, наострив уши.

Вскоре явился и сам правитель. Император Оттавий пришёл ровно точь-в-точь к назначенному времени, одетый в деловой мундир, цвета лазури. Золотистые эполеты и широкий пояс придавали облику государя вполне миролюбивый и праздничный вид. Он максимально обаятельно улыбнулся гостям, при этом широко распахнул круглые глаза, неопределённого цвета, и уважительным жестом пригласил всех присутствующих в гостиную. Царедворцы, подобострастно кланяясь, распахнули двери. Люди расселись по местам, согласно карточкам на блюдах. Удобные стулья с высокой спинкой и мягким сиденьем позволили им немного расслабиться. Завтрак начался. Мы с Асакой прислуживали.

— Итак, господа, у меня для вас пренепреятнейшее известие, — сказал император Оттавий, допив вторую кофейную чашку. — На острове есть мятежники. И они что-то подозрительно долго не дают о себе знать. Это неспроста. Интересно почему?

Император колючим взглядом уставился на начальника гарнизона. «Смотрит как! Чисто удав на кролика», — подумал Корис. Он опустил взгляд, поставил чашку на блюде и тщательно вытер руки салфеткой:

— Может быть, они отступились от своей затеи. Нас много, а их мало. Перевес в численности и боеготовности на нашей стороне. Понятно и просто, как дважды два.

Император Оттавий бесстрастно взглянул на серебристый браслет на левом запястье:

— Дважды два, говорите? Корис, обратите внимание. Вот, мой фитнес-браслет, — он поднял руку над столом, — оснащён двойным модулем для бесперебойного измерения

кровенного давления. Модуль улавливает наносекундные импульсы ближнеполярного зондирования, благодаря чему не ошибается. Работа браслета предсказуема, как таблица умножения. Можем ли мы сказать тоже самое о людях?

Корис потупился, досадливо скривился:

— В этих вопросах нужны мозги военного, я только министр экономики. Пусть выскажется Шерл.

— Что ж, с удовольствием выслушаем дорого начальника городского гарнизона, — обратился император Оттавий к Шерлу. — Вы готовы отразить возможную атаку мятежников?

— Минутку, Ваше Величество.

Шерл отвернулся и, потянувшись к журнальному столику, взял свою папку. Он открыл ее, пролистал несколько страниц:

— М-мм, нашёл. План общей обороны города-цилиндра, утверждённый вами в прошлом году.

— Отстаёшь от жизни, военачальник! Свеженький план нужен. Наисвежайший! — тихо закипал император Оттавий. — Гости с орбиты пожаловали к нам аккурат пару месяцев назад. Мы не всех их привлекли к работам на благо совершенных людей. Я не уверен, что, когда у пришельцев закончится еда, они не организуют нападение на город, а также не откажутся сбить с пути истинного наших подданных. Чую пахнет мятежом!

— Ваше Величество, ну черновичок отражения атаки на этот случай, я набросал намедни. Мы усилим охрану близ ворот парадных, на заднем дворе и около гаража. Вооружим защитников города нейропарализатрами. Уж эти автоматы не подведут. Медея не даст соврать, дьявольское оружие её изобретение. Может быть, у кого-то есть иные предложения? — неуверенным голосом сказал Шерл.

— Хорошо, давайте обсудим это подробнее. План хреновый и никуда не годится, на мой взгляд! — предложил Оттавий. Неожиданно он оглянулся, посмотрел на нас с подозрением и рявкнул:

— Обе вон отсюда!

— Да, Ваше Величество, — испуганно пролепетали мы с Асакой и, пятясь и кланяясь, вышли из гостиной.

Глава 17 Параболоид инженера Трейса

С тихим шипением захлопнулась стальная дверь, пропустив отряд Вина Локвуда. Технический склад, оборудованный на дисколёте «Королева Луди», напоминал заводской цех, где создавались высокоточные приборы. Даже сейчас, после разграбления аборигенами корабля из созвездия Орла, ангар выглядел чистейшим и стерильным.

Люди спустились вниз по винтовой лестнице, держась за перила. Вдоль стен стояли стеллажи, по-видимому, с комплектующими деталями. Вблизи каждого стеллажа некоторое освещение едва теплилось в фонарных стойках. Провода от них тянулись к общему аккумулятору, возвышающемуся на платформе в центре ангара. Пятиметровые куполообразные потолки сходились парусами где-то вверху, горя ультрамариновыми светодиодами.

Николас провел пальцами по гладкой поверхности неизвестного материала, и поднёс их к глазам:

— Обратите внимания, командир, — обратился к Вину Локвуду Николас. — На гладких стенах не осело ни пылинки!

— Это потому, что этот сложный пылеотталкивающий композит делался нашими металлургами специально для этого ангара. В системе Омега Орла вокруг светила вращается семь планет. Ближайшие к звезде Омега три из них, обитаемы. Это Ксальфа, Рекбета и Фита. Заводы-синхротроны для космической промышленности отлично работают на планете Ксальфа; там есть богатые залежи редкоземельных металлов. Всё под рукой, — очень удобно транспортировать. Жители Рекбеты специализируются в основном на сельском хозяйстве, биотехнологиях и медицине. Весь экипаж дисколёта «Королева Луди» мы набрали на планете Фита, — сказала Сиртако и улыбнулась Вину Локвуду. — Фита, — это планета спортсменов, пожарников, спасателей, космонавтов и прочих экстремалов.

— Чрезвычайно интересно. А слишком узкие специальности планет не мешают общению людей, их взаимопониманию? — спросил Николас.

— Да нет, мы привыкли и не замечаем тех космических трасс, которые заставляют нас летать с планеты на планету в гости к родным и близким, — пожалала плечами Сиртако.

В правом дальнем углу инженер Трейс шуршал чем-то, звякал железками об пол и что-то втолковывал помощнику. «Скитальцы» и «королевичи» поспешили туда:

— Как дела? — спросил Вин Локвуд и подбоченился. — Трейс, все комплектующие обнаружил, или чего-то не хватает?

Инженер Трейс, чувствуя себя в своей «железячной» стихии, словно рыба в воде, вытер пот со лба масляной рукой и отдышался:

— На первый взгляд, как будто да, почти полный комплект.

— Что значит почти?

— Ещё нужны шарикоподшипники, вот такого диаметра, — он показал людям. — Видно всем? Пусть народ порыщет на других стеллажах, прикажи, командир, пожалуйста.

— Илгур и Фирс, бегом! Одна нога здесь, другая там. Время поджидает однако, — поторопил людей Вин Локвуд.

Он посмотрел на «крякозяблу», — проект будущей водомётной пушки, — и озадаченно почесался во всех доступных местах, где только можно было это сделать в присутствии дамы, не смущая женскую добродетель. Его командирское терпение растаяло, испарилось,

исчезло и иссякло. А в недрах его широкой души начал расти демон колючей раздражительности. Он не выдержал и выругался в сердцах:

— Тьфу, ты, холера и тридцать матерных попугаев вместе! Ввязался же, дурак, в эту авантюру. Атака простынет как кислые щи. Столько времени потеряли, вся затея коту под хвост!

Сиртако отошла в сторону и слегка посмеивалась. Женщина спокойно вытащила из кармана пакетик и съела сухой паёк, ни мало, не беспокоясь ни о чём. Она точно знала, гений гидротехнического ума инженера Трейса не подведёт. Впрочем, флегматичный характер Сиртако действовал успокаивающе на многих её коллег. Помог он и на этот раз. Глядя на полное отсутствие проявлений эмоциональности инопланетянки, Вин Локвуд перестал мерять шаги по ангару и чувствовать себя тигром в клетке. Он остановился перед группой сборки, нависая скалой над рождающимся «нечто». Сложив руки на груди крест-накрест, стал молчком наблюдать за процессом.

Тем временем инженер Трейс уверенно распоряжался вновь подошедшими добровольцами и помощниками. «Крякозябла» росла вширь, вверх и в длину прямо на глазах изумлённой публики. Вскоре Вин Локвуд увидел первые намёки на что-то осмысленное.

Пришли, наконец-то, Илгур и Фирс, тяжело нагруженные, словно роботы-ослики:

— Мы перевернули семь стеллажей вверх дном. Еле-еле отыскали эти, будь они не ладные, подшипники, Трейс.

Парни медленно опустили на пол четыре пластиковых контейнера, доверху набитые шарикоподшипниками всяких размеров.

— Добро, ребята, но мне нужны были только вот эти, — инженер Трейс потряс образцом. — Ну да, ладно, сейчас проверим наш клад.

Он взял парочку шарикоподшипников из кучи и насадил их на какие-то длинные стволы. Попутно Трейс объяснял:

— Вот здесь, командир, Вин Локвуд и Сиртако, вы видите систему видеонаблюдения и аудиконтроля окружающей обстановки, — он указал на верхние башенки с видеокамерами и динамиками, насаженные на корпус параболоида.

— Зачем это нужно, не понимаю? — спросил Вин Локвуд.

— Затем, чтобы люди, оставаясь в укрытии, могли видеть происходящее за забором, за углом, за любым препятствием.

— Хорошо, продолжай, Трейс.

— Внутри параболоида сзади находится цельнометаллическая цистерна для воды. Сюда смотрите, кэп, через этот клапан, мы наливаем воду. Действие помпы в водомётной пушке обеспечивает небольшой двигатель внутреннего сгорания, работающий на вайт-спирите.

Вин Локвуд, Фирс, Илгур и другие окружили параболоид инженера Трейса и с неподдельным интересом рассматривали его. В конечном виде его творение обрело обтекаемые формы и где-то даже грозную красоту. Еще бы работало безупречно!

— Вопрос можно? — спросил Фирс. — Воды на дисколёте, как я подозреваю, нет. А вайт-спирит для двигателя есть?

— Правильный вопрос, Фирс. Воду мы возьмём из родника, бьющего у подножия Рыжих скал. Трубопровод предусмотрен и уже свернутый лежит в багажном отсеке параболоида. А вайт-спирита хватит нам пару больших канистр. Николас и еще кто-нибудь, принесите их сюда, они стоят рядом с аккумулятором.

Николас и добровольцы из «королевичей» отправились за канистрами. Когда

заправляли их в топливный бак люди уловили крепкий запах керосина:

— Это же керосин! — возмутился Николас.

— Да, но он очищенный и со специальными добавками. Поэтому очень хорош как топливо, — ответил инженер Трейс, вытирая испачканные в технической смазке руки и любуясь чудо-оружием. — Ну вот мой водометный параболоид и готов.

— Устройство, честно говоря, мне кажется странным, — сказал Вин Локвуд. — Не вижу ни колёс, ни гусениц для транспортировки к месту планируемых боевых действий. Мы же не лошади!

— Зато есть шагающий «шестилапый» механизм на торсионных рессорах, — сказал гордо Трейс. — Для горной местности он очень даже неплохой. Да, и для всех хочу сообщить краткую информацию, что может делать мой параболоид.

Бойцы сгрудились вблизи чудо-пушки. Недоверчивые трогали механизм, раскачивали, пытались понять способ управления.

— Внимание, бойцы! Параболоид, он же водомёт, прежде всего, призван вывести из строя нейроразлагающее оружие противника. Также он может служить средством для разрушения завалов и баррикад, сооруженных городским гарнизоном. Это хорошее подспорье в битве с отборными войсками императора Оттавия. Живая сила противника не устоит под напором тугой струи воды!

— Насколько тугая струя? — спросил Вин Локвуд скептически.

— Производительность насоса надежная, шестьдесят литров в секунду. Боевой расчёт параболоида — три человека: один ищет цель, другой — наводит ствол, третий включает подачу воды и насос. Вопросы есть?

— Вопросов нет, будут по ходу подготовки к боевым действиям, — сказал Вин Локвуд. — Ну, что, бойцы, выбираемся наверх.

— Сначала погрузим на платформу параболоид, — распорядился инженер Трейс. — Надо по-быстрому развернуть трубопровод и залить цистерну водой. Кто хочет пойти в боевой расчёт?

— Я, я, и я! — откликнулись Николас и ещё двое крепышей из «королевичей», Дзетта и Нелко.

Трейс взял пульт управления и задал маршрут параболоиду. Водомёт мгновенно ожил, замигал бортовыми огоньками. Все обрадовались тому, что можно выбраться на белый свет из заточения в недрах дисколёта. Шагающий механизм приподнялся на «лапах» и направился к выходу...

Подъём наверх прошёл без приключений. Инженер Трейс привёл группу к другому выходу. Через грузовой широкий люк параболоид самостоятельно перелез, поочерёдно переставляя все свои шесть «лап». На выходе Николас разбудил Мику, мирно дремавшего часового, прислонившегося к сосне. К счастью, чужих не было. Получив назидательную тираду от командира Вина Локвуда, Мика с энтузиазмом присоединился к отряду, ведущему на «водопой» параболоид инженера Трейса.

Обратный путь к лагерю «скитальцев» был не простым. Кое-где параболоид спотыкался овалуны и камни, скользил по насыпи на крутых склонах, и это несмотря на его цепкие подошвы «лап». Что ж, всех тонкостей общения параболоида с природой учесть нельзя. Инженер Трейс сделал, в общем и целом, невозможное. Отряду Вина Локвуда несказанно повезло в том, что к ним присоединились люди с дисколёта «Королева Луди». Чудом

выжившие инопланетяне из системы Омега Орла были, как и отряд «скитальцев», полны жажды ринуться в бой с ненавистным врагом. Островитяне во главе с императором Оттавием им также изрядно насолили. Справедливый гнев закипел в их жилах, в глазах горел огонь возмездия. «Королевичи» тоже надеялись вызволить своих людей из рабства.

У Вина Локвуда теперь появилась новая задача: — адаптировать сотоварищей с «Королевы Луди» к боевой задаче, которую выработали «скитальцы». Поделиться с ними хоть каким-то оружием. Обсудить слаженность действий в бою с новенькими он поручил Николасу. Подготовку к операции «Взятие Астилии» пришлось отряду начинать сызнова. Опять нужно было идти в разведку к городу.

На привале Мика разглядывал инопланетянку исподтишка. Украдкой Сиртако тоже бросала на него заинтересованные взгляды. В мирной обстановке им не пришлось бы умирять внезапно возникшие чувства. Но выбирать не приходилось, в воздухе пахло боевыми действиями. Каждый боец из обеих команд ощущал некую ответственность за людей из своего экипажа, томящихся в неволе в городе-цилиндре, и понимал, что время любви не наступило ещё. Надежда маленьким уголёчком тлела в глубине души этих двоих сердец. Мужчина и женщина из разных звёздных систем, с разных космических кораблей, сидели поодаль друг от друга и мечтали о лучшем времени, о мире, о счастье вдвоём.

С востока послышался лязг пустых вагонеток, — это пленных опять погнали из города добывать руду. Вин Локвуд подозвал своих бойцов:

— Найдите Дэнвила и Надина! Сообщите им об изменении в наших планах. Пусть соберут подпольную ячейку из тех, кто решится вступить в бой, по первому зову. А я попробую подкараулить Васку. Как она там, может быть что-нибудь еще полезное разведала. Задание понятно? Хорошо. Бойцы, сверим часы, и быстро разошлись. Встреча через полтора-два часа. Вперёд!

Глава 18 Любви все возрасты покорны

Меж тем, пока Вин Локвуд с отрядом готовил операцию «Взятие Астилии», дни и часы в городе-цилиндре текли своим чередом. Полной неожиданностью для меня стал бурный роман подружки Асаки с Ордуэллом, молодым офицером армии императора Оттавия. Если забыть о распрях между островитянами и пленными пришельцами, то в мирной жизни это была бы прекрасная пара. Офицер Ордуэлл и нынешняя повариха Асака, в прошлом врач-кардиолог, могли бы создать хорошую семью. Но, как всегда не вовремя, вмешивается это навязчивое, неожиданное и малоприятное междометие «Но...». Я надеялась, что, будучи в плену на Острове космических погибших кораблей и подмечая особенности людей, их поведения и новоиспеченных целей, я когда-нибудь запишу эту историю в мой личный дневник. А он ляжет в основу хроники событий. Ценная информация и опыт для «скитальцев», побывавших в лапах гравитационной ловушки и в плену дикарей, когда-нибудь пригодится остальному отряду нашей звёздной экспедиции. Я все-таки надеялась на успех операции Вина Локвуда и наше победное возвращение на «Сукиталец». Как знать? «Итак», — думала я. — «Кому-то и когда-то, я расскажу про любовь. Любовь пленницы к врагу, любовь пламенную, шалую и граничащую с полным сумасшествием. Начиналось же вся романтическая история абсолютно безвинно и не серьёзно»...

Главная повариха Жадилина, о чём мы с Асакой узнали невзначай, имела мужа, служившего в арсенале императора Оттавия. В последние дни тот частенько стал навещать свою необъятную супругу на кухне, чтобы перекусить чем-то вкусненьким, между уставным и скучным завтраком в казарме и не менее скудным, с его точки зрения, нежирным обедом там же. Жадилина, нимало не смущаясь подчинённых ей кухонных работниц, и, нахально, пользуясь экзотическими продуктами для «высочайшего» стола, оставляла себе и мужу деликатесы из аквариума и не синтетические, а природные продукты, поступающие на кухню с закрытой фермы: заливную рыбу, устрицы, колбасы, холодец, котлеты и телячьи окорока. Муж Жадилины, интендант в городском гарнизоне, Тырлис, был ей под стать, — выше жены на голову, упитанный тяжеловес, килограммов под двести. Кушал много и плотно. Диета, тщательно разработанная врачами из медицинского блока и одобренная Медеей, главным врачом Острова, не помогала его похудению, ни на один грамм. «И почему же»? — удивлялись местные врачи, урезая порцию его овсяной каши на очередные двадцать грамм. — «Ведь уменьшенное количество калорий должно было заставить его организм не накапливать лишнего».

Как-то раз муж Жадилины, Тырлис, заявился на кухню с офицером Ордуэллом, но не перекусывать между делом, а для того чтобы под его надзором провести ревизию продуктов на складе. Жадилина, гордым взором окинула подопечную ей поварскую армию, и сообщила:

— У Его Величества императора Оттавия скоро ожидается праздник по случаю удачных опытов над белыми мышами. Грызуны в очередной раз стали молодыми и бессмертными. Биологи в императорской лаборатории обещали правителю Оттавию: — следующим прорывом в биотехнологиях империи станет человек! Наш правитель надеется воспользоваться этим открытием и помолодеть.

Надо полагать: в данном контексте, имелся в виду «совершенный» человек с его

особенным химическим обменом веществ. Мы с подружкой Асакой переглянулись, и прыснули со смеху. Асаку сзади в плечо толкнула другая повариха:

— Тсс, болтушки! Начальство, чай, услышит, то не только вам может сильно не поздоровиться, но и всем нам.

— А что мы? Молчим, как рыба в пироге, — сказала я холодным тоном, вмиг принимая серьёзный вид.

— Цыц, недостойные! — гаркнула Жадилина. — Не ваше это дело обсуждать высочайшую особу.

— Слава Его Величеству императору Оттавию! — тоненьким голосом затянула одна из новеньких кухонных работниц гимн Острова.

— О, отряд отъявленных лизоблюдов пополнился ещё одним членом, — шепнула я на ухо Асаке.

— Я заметила, — ответила подружка негромко и состроила смешную гримаску.

Новенькая пела вдохновенно, пафосно и точно по нотам, не фальшивя. Мы с Асакой ради забавы подхватили, а Жадилина с ревизорами вынужденно присоединились к нашему разноголосому не спетому хору:

— Слава Его Величеству императору Оттавию!

Когда сумасшедшая какофония отзвучала, Жадилина утёрла от умиления глаза краем белоснежного фартука.

— Так мы увидим императорские закрома? — спросил офицер Ордуэлл, нервно постукивая кнутом по голенищу начищенного сапога.

Вся поварская братия, женского пола, стояла перед высокой комиссией, вытянувшись «во фронт» и дружно кивала поварскими колпаками.

— Лучше займитесь делом, бездельницы! — велела Жадилина, по привычке, уперев руки в бока.

Мы разошлись по рабочим местам. Комиссия исчезла из поля зрения. Офицер Ордуэлл проводил тщательную проверку во всех хозяйственных службах императора Оттавия, включая шкафчики с дополнительным пайком для личного состава в охране правителя, сухой перекус для водителей военного и гражданского транспорта города-цилиндра, продовольственные запасы резервного назначения и многое другое.

После посещения всех складских комнат, амбаров и холодильников офицер Ордуэлл пожелал самостоятельно побродить по императорской кухне. Он отпустил Жадилину и её супруга, ненасытного Тырлиса, словно хомяка, постоянно что-то жующего. Его двойной подбородок сотрясался от ритмичного хруста. А сдобные щёки могли уместить большой запас провизии. Заглянув в помещение, где готовился обед для верхних этажей города-цилиндра, офицер увидел Асаку. В этот момент, мне показалось, что электрическая искра замкнула мозги альфа-самца. Красавец Ордуэлл, приосанился, поправил мундир, втянул и без того плоский живот, и, пощипывая напояженный ус, кругом обошёл стол, за которым месила тесто Асака. Всё, что он не смог увидеть под рабочим халатом, он живо представил.

— Ах, какая прелестница! — воскликнул он, снедая её масляными глазами.

— Есть, да не про вашу честь, — смело съязвила Асака, однажды услышав от меня эту поговорку. Она запала ей в душу и прочно прописалась в её бытовом лексиконе.

— К вашим услугам офицер Ордуэлл, мадам. Скажите же мне, ненаглядная, а как к вам я смею обращаться и смею ли?

— Асака, господин Ордуэлл, — смутилась она неожиданно.

— Дивные звуки вашего имени, уже не дают мне никакого покоя! Бессонница, доподлинно, обеспечена.

Со стороны эта было похоже на игру в кошки-мышки. Ордуэлл наступал, а сердце Асаки бесспорно металось от «да» и «нет». Женские чувства в ней не уснули за время пленения окончательно, а лишь немного задремали. Она мельком бросила на статного офицера кроткий взгляд и отметила про себя, что в иной обстановке, этот интересный мужчина, пожалуй, имел бы большие шансы на взаимность с её стороны. Высокий лоб, вьющиеся пшеничного цвета волосы, прямой нос, голубые глаза и полные чувственные губы, тронутые фривольной усмешкой.

— Я могу исполнить любое ваше желание, услада моих глаз, — ласково проворковал Ордуэлл над её розовым ушком. — Одно слово, Асака, и я подле ваших ног. Чего изволите, облако моих грёз? Я выстелю розовыми лепестками ковровую дорожку для этих сахарных ножек, о, мадонна!

Асака сдвинула брови, плотно сжала рот, чтобы нечаянно не нагрубить Ордуэллу. Его стремительный натиск одновременно и смущал её женское нутро и притягивал. Ритмичными движениями она продолжала месить тесто и формировать отдельные части толстой «колбасы» в булки хлеба. Она закусила губу, но я видела, — обольстительные речи офицера ей нравятся. Я пришла на помощь подруге, встала между ними и стала отправлять булки хлеба в формы для выпекания и мазать их взбитым белком из яиц куропаток. Но Ордуэлл, невзирая на препятствие в виде моей фигуры, нарезал круги около Асаки, словно мартовский кот вокруг кошечки, не отступал и мурчал:

— Я зайду после вашей смены, Асака, а вы уж решитесь высказать любые самые невероятные просьбы или фантазии, сахарная женщина. Клянусь, исполню, всё, что в силах офицера мыслимо, — он подкрутил ус и, вышагивая гусиным шагом, гордо удалился из кухни.

— Что скажешь, Васка? — опомнилась Асака, когда мы остались наедине. — Я в затруднении. Он, несомненно, враг, но какой красивый мужчина!? От этого офицера веет такой силой фертильности, что слабой женщине устоять невозможно. Не молчи, присоветуй хоть что-то, подружка!

Я несколько опешила от прямого откровения Асаки. Параллельно меня посетила гениальная идея:

— Асака, этот шанс дает тебе, мне и другим пленникам императора Оттавия нешуточную возможность получить нужную информацию. С одной стороны, ты смело принимаешь ухаживания Ордуэлла. С другой стороны, — раскидываешь любовные сети мотыльку, летящему на свет, и захлопываешь медовую ловушку.

— Но это не честно, по-моему, по отношению к влюбленному мужчине. Васка, ты не находишь? — засомневалась Асака. — Звучит расчётливо и неожиданно цинично.

— Многие женщины задаются вопросом: «А что потом»? Что будет потом, после того, как распрекраснейший офицер Ордуэлл, причём твой реальный враг, поиграет мышкой Асакой? — я сделала значительную паузу и посмотрела подружке в глаза. — Ты умная женщина, Асака, ответь сама на этот вопрос.

Мы замолчали, переваривая коварную мысль. Формы с хлебом заполнились, мы поставили их в высокий духовой шкаф, включили программу выпечки. Я сняла рукавицы,

бросила их на стол. Асака поправила на голове поварской колпак и взглянула на меня исподлобья. Затем она уселась на массивный металлический стул и стала водить пальцами по столу, что-то там рисуя на рассыпанной муке. Я заглянула через плечо; два сердца, проткнутые стрелой.

— Ты знаешь расшифровку этих символов? — спросила она.

— Любовь?

— А если это действительно любовь? — ответила Асака с вызовом. — Лучше скажи, Васка, какие желания Ордуэлл должен выполнить на первом свидании?

— Ладно, Асака, мир. Допустим, амурные чары его тоже опутали крепко, тогда для начала попроси у него красивое вечернее платье и прогулку в ботаническом саду императора.

— Это безобидное желание и чисто женское, — согласилась Асака. — Что-то ещё сумасбродное должно быть, чтобы его очаровать.

— Асака, попроси сводить твою подружку, то есть меня, в биологическую лабораторию. Скажи Ордуэллу, дескать, Васка мечтает увидеть бессмертных мышей императора Оттавия. Мало ли, — это твой женский каприз, и он, вроде как, не должен вызывать никаких подозрений.

— Ты на самом деле хочешь этого, Васка?

Асака встала со стула, подошла к духовому шкафу, посмотрела на индикаторы. Вкусный запах хлеба с тмином начала заполнять кухню. Подружка чувствовала себя королевой в новой роли, она понимала, что могла казнить или миловать:

— Ты не ответила мне. Желаете попасть в лабораторию биотехнологий?

— Почему бы и нет? Мечтаю, особенно после горячих речей Жадилыны это запало мне в душу. Я не видела раньше ничего подобного: молодые и бессмертные мыши, — диво дивное, чудо чудное! Когда ещё представится шанс лицезреть подобные научные достижения? Я поклонница генетики.

Асака, расправила плечи и почти царственно кивнула:

— Хорошо, Васка, я попрошу Ордуэлла об этом. Но дай мне слово, что ты не причинишь моему возлюбленному, ни малейшего вреда.

— Клянусь, подруга, честное-пречестное слово. Меня интересуют исключительно белые мыши и загадочная биологическая лаборатория.

Крутой биолог, — как думал о себе Йетя Кантор, молодой учёный, неожиданно выигравший императорский грант, — всё время мечтал. Каждое мгновение, секунду и минуту он, словно танцующий бог Ши-Космос, рождал в голове версии далёкого многомиллионного прошлого Вселенной и тут же растворял их в небытии, заменяя наисвежайшими. Каждая новорожденная Вселенная была невероятней, чем предыдущая. Полсекунды назад по грешной суше неизвестной планеты бегали юные динозавры, а через мгновение их сменяли не менее юные, но массивные и длиннохвостые крысы. Первенство разума Йетя Кантор никак не решался вручить никому из них, хотя лабораторный лабиринт молодой «крысюк» прошёл его с лучшим результатом, чем красно-оранжевая игуана или птичий дракон.

В стеклянном кубе лаборатории, заставленном многоэтажными рядами клеток и лабиринтов Йетя Кантор чувствовал себя почти равным богам. Мягкий зеленоватый свет лился на клетки с рептилиями, позволяя им быть в меру активными. Лампы жёлтого спектра

освещали теплокровных животных. Красные лучи бороздили по клеткам с насекомыми. Молодой человек подцепил пинцетом двух пауков, сунул их в банку и аккуратно замотал её марлей. Пауки растопырили передние лапы и приняли угрожающие позы. В этот момент в голове Йети Кантора исчезла крысиная цивилизация, и народилось паучье сообщество с племенным мироустройством во главе с восьмиллапым вождём. Он определил банку в просвет между аквариумами для игуаны и дракона.

— Где же закопаны истоки разумности? — вопрошал исследователь, записывая в рабочий файл «спортивные» результаты «крысюка» и рептилий.

Зазвонил тауфон, Йетя снял трубку:

— Здравствуй, светлая голова, — промурлыкала трубка голосом Неа Талки, бывшей соплеменницы с космического корабля «Воздушные замки» из семикратной звёздной системы Скорпиона.

Девушка, как и он, хорошо вписалась в цивилизацию города-цилиндра. Неа Талка, тоже биотехнолог, была одержима экзотическими исследованиями, мечтала получить разрешение на космические экспедиции в ближнем космосе вокруг Острова космических погибших кораблей. Не только Йети и Неа, но и вся лаборатория биотехнологий города-цилиндра визжала в восторге от теленовостей двухмесячной давности. Прямо в эфире бутылка с игристым вином вдребезги разбилась о серебристый борт «Галактики», и янтарная жидкость символически омыла технологичные бока атомного космолёта, — долгожданного детища императора Оттавия.

Чудо инженерной мысли, по замыслу отцов островной науки, было призвано изучать тайны космического вакуума, рождающего и поглощающего частицы сверхвысоких энергий. А потому на его борту кроме лётного экипажа поселился целый отряд исследовательской братии из различных областей физики, химии и биологии. Разномастные области человеческого гения соседствовали друг с другом в надежде плодотворного сотрудничества, как в прямом, так и в переносном смысле. Табу на женскую половину человечества на корабле снял сердобольный академик Ака, друг самого императора Оттавия, дабы усладить мужскую часть экипажа.

Но была лишь одна досада: эту пару молодых ученых, Йети Кантора и Неа Талку, в экспедицию «Галактики» император Оттавий включать не торопился. Им надо было проявить себя должным образом. Медея, как личный врач императора, задала им архисложную задачу: сделать белых мышей молодыми и бессмертными. Уж она-то знала: геном мышей на восемьдесят процентов или более совпадает с человеческим. И вот Йети Кантора и Неа Талка, наконец-то, оказались у подножия научного прорыва. Впереди опыты на людях-добровольцах.

Исследователь Йетя Кантор постучал пальцами по стеклу банки. Паучья цивилизация пошла в атаку. Мелькнула мысль: «Останется только один».

— Здравствуй, коллега, — повторила Неа.

— И тебе не хворать, — буркнул Йетя Кантор, мимолётно увидев в зеркале упрямый рыжий вихор. А это что? Он стёр со щеки случайные крошки от корма попугаев.

— Нашла синюю птицу?

— Ты не представляешь, чего мне это стоило, но...

— Короче, Неа, мне ещё кроликов кормить, — вздохнул Йетя Кантор и вытащил из корзинки морковку, понюхал. — Сладкая, наверное.

В трубке зависло короткое молчание:

— Э-хм... Ты про меня? — Неа странно хрюкнула, затем глупо захихикала. — А что, сие очень даже может быть. Ну, я, вообще-то, о деле. Гений рождается не вдруг: эксперимент не бывает без проб и ошибок. Гений он ошибок друг, — многозначительным тоном сообщила девушка.

Йетя Кантор нахмурил брови: дама несомненно на что-то намекала.

— Конечно, друг, — подхватил он последнее услышанное слово и осмотрел сочную морковку. Оранжевый окрас светился бета-каротином.

— Не попробуешь, не узнаешь, — безапелляционным тоном произнесла Неа.

— Ты думаешь? — Петя лизнул морковку и надкусил кончик, разжевал. — Намёки оставь философу Эмму, разверни-ка мыслю-то на весь воображаемый экран!

— В общем, друг Йетя, собирай вещи, пакуй свой зверинец и через пару деньков с рассветной зарёй перебазируйся на борт «Галактики». В императорской экспедиции не хватало пары биотехнологов. Я договорилась. Курс космолёта лежит на малоприметный планетоид Пегас вблизи Острова. Бытует любопытная гипотеза. С доисторических времён на том планетоиде сохранилась уникальная флора, выжившая, несмотря на жёсткую космическую радиацию. Ну и интрига дня: по слухам, на Пегасе до сих пор живёт параллельная ветвь разумных существ. Никто не знает, а люди ли они вообще: гуманоиды, рептилоиды или крысы разумные? Только смотри, — это топ-секрет.

— Ух, ты! На ловца и зверь бежит, — констатировал Йетя Кантор; он откусил морковку, а остатки корнеплода сунул между прутьями клетки под нос кролику. — Ах, какая сладкая, мне б такую! Луч надежды осветил мой мир, однако хороши твои новости!?! Есть, коллега! Понял, — через два дня утром быть на борту «Галактики»! Уже бегу свистать всех хвостатых наверх. Жди меня, Неа, и я приду!

Красноглазый кролик альбинос с хрустом грыз сладкую трансгенную морковку, не испытывая к длани кормящего Йети Кантора абсолютно никакой благодарности. Хрум-хрум.

— Жду, Йетя, — от неожиданных слов Неа растаяла окончательно, она вытащила из кармана помаду и зеркальце и, сложив губы трубочкой, подкрасилась. — Экспедиция стартует с нами или без нас. Да не забудь, драгоценнейший, долгожданный рассвет на Острове начнётся вовремя!

— Надеюсь, Неа Талка, — буркнул Йетя Кантор, — если, конечно же, ничего сверхординарного не произойдет. Видишь ли, я скептик.

— А я, понимаешь ли, оптимистка-аа, — радостно пропела Неа и отключилась.

Вот и лаборатория биотехнологий. Я, зажав в руке пропуск, который, по просьбе Асаки, любезно вручил мне Ордуэлл, усмирила волнение перед входом. Нажала кнопку звонка и мило улыбнулась видеокамерному глазку, помахала рукой:

— Привет, всем, я Васка!

Глава 19 Бессмертная и молодая

Мне никто не ответил. Однако входная дверь лаборатории бесшумно отъехала вбок. За нею оказалась шлюзовая камера с блестящими перфорированными стенами и потолком. Из динамиков раздался металлический голос, наверное, робота: «Снимите всю одежду!» Я пожалала плечами: «Это дезинфекция»? Быстро сняла форменный комбинезон работника кухни и нижнее белье. Оставшись нагишом, оглянулась, ища что-то, куда бы можно было сложить мое барахло. Невидимый робот не замедлил с подсказками: «Положите её в бокс». Автоматически распахнулась круглая дверца справа от меня, и едва я успела положить в зияющее тёмное отверстие одежду и обувь, как нечто поглотило их. Бокс захлопнулся.

Следом на меня со всех сторон обрушилась лавина сухого горячего пара, отчего я заойкала, пытаюсь от него увернуться. Но в камере деться было некуда, и я почувствовала себя белой мышкой в клетке. Затем тугая струя неизвестного газа ударила по спине и животу, рукам и ногам. Пришлось зажмуриться, чтобы эта гадость не попала в глаза. Через несколько минут активных обеззараживающих изуверств, надышавшись неизвестной химией, я в полуобморочном состоянии прислонилась к стенке:

— Эй, ты железяка безмозгая, или кто там вместо неё, — воззвала я к роботу, стоящему по ту сторону динамиков, — может, хватит издеваться над белым человеком? На мне теперь не приживётся ни один микроб.

— Три минуты. Процедура дезинфекции окончена, — безразлично пророкотал робот. — Выражайтесь правильно. Вы не белый, и не человек.

— Как это? — обалдела я. — А кто же тогда?

— Вы красно-розовая женщина.

— Эх-м... — я чуть не поперхнулась собственной слюной от возмущения. — Вы намекаете на эффект посещения биотехнологической лаборатории?

Робот замолчал. Я осмотрела себя, и, вправду, цвет кожи стал розово-красным. Сквозь кожу просвечивала сетка фиолетовых капилляров. Я в ужасе стала ощупывать копчик, а вдруг эти биотехнологи приняли меня не за экскурсантку, а за добровольца-испытателя непойми-чего. Слава Двуетиноначалию! Хвост не вырос. Вновь открылась дверца бокса, и автомат выдал новую одежду и обувь: серое термобельё, серебристый комбинезон и белые ботинки с самозащёлкивающимися браслетами. За неимением иного, пришлось надеть и обувь предложенное. Браслеты на ботинках замигали. «Да они же с чипами слежения»!? — догадалась я. Отступать было уже поздно, да и некуда. Шлюз выпустил меня, открыв проход вовнутрь, в святая святых имперской лаборатории.

— Меня зовут Йетя Кантор. Позвольте ещё раз взглянуть на ваш пропуск, — подскочил ко мне молодой человек, в общем-то, приятной наружности. — Так-так, вижу виньетка самого императора Оттавия. Хорошо, Васка, я буду гидом в вашей экскурсии, о чём меня попросил сам офицер Ордуэлл, важное лицо при императоре. Что вас интересует больше всего?

— Генномодифицированные мыши, о которых говорят на Острове. И, хотелось бы услышать о них всё с самого начала, если можно.

— Ну, опыты с трансгенными мышами, — это моё любимое направление в биотехнологиях. Прошу к вольерам с белыми мышами; мы получили несколько новых линий. Следуйте за мной, — воодушевился Йетя Кантор и решительным шагом направился по

узкому проходу между нагромождением стеклянных клеток в центральную часть лаборатории.

Я пошла следом за гидом, едва успевая крутить головой налево и направо, чтобы увидеть место, где тайны и загадки природы становятся обыденной работой и рождаются варианты полезных организмов, минуя естественную эволюцию. Отдельную секцию занимали химерные организмы. Я вспомнила уроки истории на «Скитальце-1001». Учителя рассказывали, что давным-давно на Земле атлантам удалось сотворить организмы-химеры в секретной лаборатории «Миссия в Будущее». Жуткое сочетание коня и мужчины они называли Кентавром. А объединив гены женщины и рыбы, предки получили Русалку.

Химеры у островитян получились мельче и безобиднее, на первый взгляд. Единственной опасностью могла стать их возможная ядовитость для человека. «Спросить об этом генетика Йети или лучше промолчать? Мало ли, а то подарю свои идеи биологам-монстрам. Не нужно забывать, однако, — большинство островитян для «скитальцев» враги», — подумала я. Но всех химер мне откровенно было жалко. «Единственно, чего взамен физических преимуществ могла дать им искусственная эволюция, — это разум», — подумала я, невзначай взглянув в красные глазки странной мышки с шестью лапами и жабрами.

— Привет, мышка, ты, наверное, меня понимаешь? — сказала я, погладив через стекло ей животик.

Она, как мне показалось, моргнула красными глазками. Я бы сочла это за знак согласия. На клетках были надписи, сообщающие тип генетической линии мышей.

Между тем, мой гид Йетя Кантор, с восторгом от собственных достижений, вещал, чуть ли не в захлѐб:

— Мы, биотехнологи Острова, давно обнаружили, что функции генов и их структуры у человека и мыши ужасно подобны. Как вы понимаете, вывод самоочевиден. Легко перенести положительные мутации у мышей на человека.

— Так уж и легко? — засомневалась я.

Образование на «Скитальце-1001», прежде всего, научило нас, пилотов, анализировать всю поступающую информацию на предмет процентного соотношения «истины» и «лжи».

— Э-ээ, — замялся исследователь, — да, теория трансмутантных генов, не без подводных камней, есть некоторые трудности. Конечно же, скопировать эту процедуру необходимо не один в один, а после множества генетических экзекуций с человеческими клетками. Как это сказать проще? М-мм... «ин витро», что ли. В общем, мы над этим усердно работаем.

Я непроизвольно скорчила скептическую гримасу и криво усмехнулась. К счастью биологический гений, Йетя Кантор, этого не заметил. Обиделся бы. Мы остановились у клетки с надписью: «Супермышь». Внутри большого стеклянного куба бегала обычная на вид белая мышка с о-очень длинным хвостом. Йети нажал кнопочку, мигнул красный глазок над спортивным колесом в клетке. И мышка, как по команде, залезла туда и побежала во весь опор, ускоряя темп вращения колеса. Лапки мелькали быстрее и быстрее, словно в фильме с ускоренной съёмкой. Через несколько секунд колесо и мышь слились в единую смазанную картину. Различить, где мышь, где колесо оказалось невозможно. Я с удивлением посмотрела на гида:

— А когда она остановится?

— Когда устанет. Возможно, это произойдет не раньше, чем через пять километров пути. Генномодифицированные мышцы этой линейки, своего рода супермены; эти особи чрезвычайно выносливы. Они в десять раз активнее простых мышей, представляете?

— Я с мышами до сих пор не имела дела, поэтому мне трудно сравнивать. За счёт чего же, такое быстрое действие возможно? — спросила я. — Ведь биомеханика движений имеет собственные непреложные законы. Сокращение мышц и биохимические реакции живого организма взаимосвязаны, и их потенциал ограничен во времени, не так ли? Или я ошибаюсь?

— Мы это учли, просчитали и методом проб и ошибок получили доступ к дополнительной стимуляции некоторых генов, ответственных за движение. Суперэкспрессия гена силы приводит мышь к сверхспособностям.

— Суперэкспрессия, — поинтересовалась я, важно кивая головой, — это означает длительную активацию гена силы или подавление усталости? Что-то из этого смахивает на борьбу тренера за спортивные достижения у людей.

— Хорошая аналогия! И то, и другое, мадам Васка. Мы ускорили метаболизм мышино организма, и молочная кислота, вызывающая усталость, очень медленно накапливается в мышцах бегуна, — он нажал другую кнопку. Загорелся зелёный огонек, и супермышь остановила колесо, вылезла наружу и кинулась к кормушке.

— Да они у вас дрессированные! Как интересно!

— Ах, — отмахнулся Йетя, — это побочный эффект.

— Неужели? Эволюция самосознания, по-вашему, всего лишь досадный побочный эффект? — не унималась я. — А подержать эту мышку можно?

Йетя Кантор удивился моей просьбе, но незамедлительно открыл дверцу, сунул руку в клетку и схватил мышь за хвост:

— Держите. Осторожно, мадам Васка, грызун голоден и может укусить.

— Это опасно для человека?

— Ну, от укуса супермышы человек суперменом не станет, безусловно. Однако ваша мысль о мышинном самосознании занимательная! Впрочем, мы эту идею не проверяли. Я полагаю, что место укуса попросту будет болеть. Вот держите для отвлечения внимания животного кусочек морковки.

— Спасибо.

Я взяла супермышь за необычайно длинный хвост. Поднесла зверька ближе к глазам, рассматривая её густую шерстку, чистые розовые лапки и жёсткие усики:

— Мышка хорошая, мышка красивая. Хочешь кушать? — я поднесла к её мордочке морковку.

Мышка с удовольствием начала грызть угощение. Гид невольно умилился, его лицо приняло добродушное выражение, и он пригласил меня следовать далее:

— Я тоже люблю моих подопечных, мадам Васка.

У клеток со слабым освещением Йетя Кантор остановился. — Обратите внимание. В этих вольерах живут светящиеся мышы. Благодаря гену, кодирующему зелёный флуоресцентный белок, эта линия мышей светится в ультрафиолетовых лучах.

— Любопытно, — сказала я искренне, осматривая стайку мышек. — А так бывает?

Между тем, супермышь сгрызла морковку и уже сидела на моей ладони, деловито обнюхивая края рукавов. Чтобы она не испугалась собратьев, её нужно было изолировать. Куда? Я осмотрела одежду. В выданном мне комбинезоне было много свободных карманов.

Там, в шлюзе, они показались излишним украшательством одежды. Разве в пределах биологической лаборатории не уместнее всякие там пробирки, контейнеры, сачки или щипцы? Насколько полезны карманы инженерам-генетикам, — не знаю, но сейчас, особо не задумываясь, я машинально сунула супермышь в один из них: «Не забыть бы на обратном пути отправить её на место». Застегнула карман на заклёпку.

— Не верите? — запальчивым голосом изрёк гид. — Могу продемонстрировать эффект. У вас в нагрудном кармане справа есть солнцезащитные очки, наденьте их, пожалуйста.

Едва я успела нацепить их на нос, как Йетя Кантор включил ультрафиолетовую лампу и направил её на мышей. Спинки, мордочки и хвосты мышей вспыхнули приятным зеленоватым светом. Животных это обстоятельство ничуть не смутило, и они также активно продолжили трапезу, толпясь у кормушки с вкусным зерном.

— О-ля-ля! — вырвалось у меня непроизвольно. — Я в восхищении, уважаемый Йетя Кантор! Светящийся ген вы синтезировали сами?

— Хотели, но не удалось, сколько мы не мучились. Мы взяли его у светящейся дискомедузы. Кстати, позади вас аквариум с нашим донором светящегося гена.

Я оглянулась. В металлическом каркасе на прямых ножках стоял аквариум, ростом с меня. Огромная ярко жёлтая медуза величественно плавала в прозрачно-голубой воде между редких стеблистых водорослей. Плавно вздымалась и опадала её реснитчатая бахрома. Йетя Кантор направил ультрафиолетовую лампу внутрь аквариума. Дискомедуза вмиг вспыхнула и засияла зелёным светом. И тут я увидела её всю.

— Красавица! Похожа на зонтик! — воскликнула я.

— Да-да. Тело этого «зонтика», — это мезоглея, иначе желеобразная соединительная ткань. А способ движения медузы, как и у ракеты, — реактивный.

— А это что за отростки? — я показала указательным пальцем на длинные волокна у ротового отверстия.

— Щупальца. Они выполняют двойную функцию: рук и носа. Их сильные мышцы, наращённые на гидроскелет, могут захватывать добычу в виде планктона, икринок рыб или иную добычу. Все нормальные существа и мы с вами в том числе, сначала пищу нюхают. Медузы не исключение. Для этого на щупальцах есть хеморецепторы, а у некоторых видов медуз там же бывают и маленькие глазки.

— А больших глаз у неё разве нет?

— Есть. Они расположены прямо в теле; их двенадцать пар, — сказал Йетя Кантор. — Так что, панорамный обзор ей обеспечен природой. Благодаря этой способности, она замечает врагов и может подготовиться к атаке или обороне.

Я вновь обернулась к светящимся мышкам:

— Скажите, Йетя, а можно мне и эту мышку погладить?

— Конечно, можно, — он, по-хозяйски, ловким движением схватил ближайшего к нам грызуна и отдал мне.

— Ну что идем дальше, — просил он. — Хотите другие генетические линии увидеть, они ещё удивительнее?

— О, да!

Мы прошли через какой-то лабиринт и попали к вольерам с крупными особями.

— Мышь, бессмертная и молодая, прошу любить и жаловать! — гордо похвастался исследователь Йетя Кантор. Он выпятил грудь колесом и надул щёки.

— Это о ней говорит весь Остров?

— Слухи бегут впереди официальных сводок, к сожалению, — констатировал факт Йетя Кантор и развел руками. — Увы, утечка секретной информации наш бич! Начальство лаборатории хотело и само подать краткое сообщение телеведущим, но опоздало. Я надеюсь на вас, мадам Васка, вы ведь, как я понимаю, журналист?

Погладив светящуюся мышку по спинке, я опять сунула её в карман. Мыши в карманах затихли, наверное, уснули. Я замялась:

— Инкогнито. Будем считать мой визит неофициальным, но с заделом на будущее, — выкрутилась я.

Гид Йетя Кантор кивнул и снова запел соловьем:

— Понимаю, мадам Васка. Продолжим? Итак, мышь бессмертная и молодая, — это колоссальный прорыв в генетике человека!

— Прошу прощения, уважаемый Йетя Кантор, вы подразумеваете человека с биохимией на основе сверхтяжёлого изотопа углерода? — спросила я и тут же пожалела об этом нечаянном вопросе.

Йетя Кантор замер на несколько секунд и замолчал. Впал в ступор. Его взгляд блуждал где-то по глубинной части собственного сознания. Внезапно, он схватился обеими руками за голову и запричитал:

— Боже мой! Великий Космос Ши! Я забыл. Как я мог забыть о сверхтяжёлом изотопе углерода!? Раса звёздных людей имеет совсем иную биохимию. Осёл, ишак, бормоглот! Тогда эти трансгенные мыши не идентичны человеку звёздной расы. Мы нечаянно получили мутации для людей с обыкновенным типом обмена. Что скажет моя напарница Неа Талка, когда всё узнает? Львиная доля её работы связана с теломеразой.

— Теломераза? — переспросила я.

— Фермент, сидящий на конце хромосомы.

Дальше я услышала абсолютную белиберду из биологических терминов:

— Это защитный механизм хромосом от концевой недорепликации. Чем длиннее теломераза на конце хромосомы, тем дольше живёт эта клетка. Если искусственно индуцировать экспрессию гена теломеразы с помощью генной инженерии, то клеточная культура способна делиться неограниченно долго. Она становится бессмертной. Но я не учел нюанса в физиологии звездного человека. О, этот сверхтяжёлый изотоп углерода!?

— И ничего нельзя сделать? — посочувствовала я ему.

Йетя Кантор перестал стенать и, наконец-то, посмотрел внимательно на меня. Обошёл кругом, и мне показалось, делал он это с точки зрения исследователя эскутора. Он оценивал меня как кандидата в подопытные кролики:

— Думаю, можно сделать генетическую прививку мышам. Как её получить, — не простой вопрос, казуальный! Видите ли, мадам Васка, — заговорил он неожиданно ласково. Он вытащил из кармана морковку и угостил меня.

Его жест напомнил мне о супермышке с морковкой. Если бы у меня была на спине шерсть, она встала бы дыбом. Йетя Кантор так увлёкся, что не заметил почти маниакального блеска в своих глазах и поведении. Он рассуждал вслух:

— Фермент теломеразы экспрессируется обычно в стволовых, половых, жировых и иных типах клеток организма. Если внедрить в некоторые гены обычного человека сверхтяжёлый изотоп углерода, простимулировать обмен и кое-что добавить, мы получим... мы получим...

— Что получите? — спросила я, неожиданно заикаясь и пятясь к стенке.

— Вакцину бессмертия и молодости для людей звёздной расы.

— Уважаемый Йетя Кантор, вы уверены?

Он усмехнулся. Красные глаза суперисследователя лихорадочно блестели:

— Сколько вам лет, мадам Васка?

Я со страху забыла свой возраст, ляпнула первое, что пришло на ум:

— Семнадцать, к-кка-ажется, семнадцать.

— Молодая, потенциальных клеток для трансмутации море, ты нам вполне подходишь, — пробормотал сумасшедший Йетя.

Он схватил меня за руку и потёр морковкой запястье. Потом быстро вытащил из вольера бессмертную мышь, приложил зубами к трём венам и придавил грызуна сверху. Сопrotивляясь, мышь прокусила кожу до крови. Было больно и неприятно. Перед глазами поплыли радужные круги. Йетя хладнокровно припёр меня к стенке:

— Где наши мыши?

— В карманах, — пролепетала я, думая, что он успокоится.

Он расстегнул карманы комбинезона, достав супермышь и светящуюся особь, он также заставил их покусать мои руки.

— Мышка бессмертная и молодая, хочешь морковку? — он качал морковкой перед моим носом. — Ну же, вкусно-вкусно, попробуй-ка.

Я оттолкнула сумасшедшего исследователя и побежала к шлюзу. Взвыла сирена. Динамики со всех сторон кричали голосом Йети Кантора:

— Охрана! Сбежал подопытный экземпляр! Срочно отловить, он инфицирован и опасен!..

Глава 20 Фабрика звёзд

Казалось на грани ультразвука завывала сирена, оглушая мозг запредельными децибелами. Мощное звучание топило пространство лаборатории, создавая уймищу ассоциаций, и многоголосым эхом резонировало в черепной коробке. Динамики на стенах дребезжали и подпрыгивали, будто и они гнались за мной. Я как сумасшедшая бежала по стеклянному лабиринту, чувствуя подступающую к горлу ненависть к этим мерзким вибрациям. Лабиринт имел несколько уровней: то я поднималась вверх, то опускалась вниз и оглядывалась назад, боясь потерять ориентацию в пространстве. Наконец-то попался горизонтальный участок.

Бег, бег, быстрая ходьба, ходьба. Согнуться пополам, разогнуться и прислониться спиной к холодной стене. Вдох-выдох, вдох-выдох. Съедобный запах путеводной нитью Ариадны однозначно и решительно вёл меня к цели. Выбор поворота на развилке дорог. Долго стоять запрещено. Кем? И снова бег, бег. «Пол ровный, цвет матовый белый, посередине красная полоса. Зачем? Бег, отупляющий сознание; бег во спасение, как первобытный инстинкт уводил меня от опасности или нет»? Поворот. Неверный поворот, — удар током. Поворот, ещё поворот, новый поворот! Развилка дорог. Неверный поворот, — удар током. Неприятно. Я разозлилась, натопорщилась, растопырила вибриссы. «Где я? Сирена замолчала, или я оглохла»? На ногах обувь с чипами-маячками. «Враг по ним отслеживал мой путь»? Срочно сбить с толку преследователя! Я разулась и изо всех сил швырнула ботинки за угол, как можно дальше. Удара током не последовало. Неужто, — это прорыв?

Я учуяла выход, съедобный запах привёл меня к миске с комковатой кашей. Стоп! Вибриссы уловили в еде дополнительный, исчезающе слабый, аромат чужеродного вещества. В гипоталамусе проснулся анализатор: «Ядовитое вещество, блокирующее экспрессию гена силы!» Кто-то хочет меня захватить!? Зоофилы воскресли, или же массовая истерия проникла в ряды аборигенов? Бежать! Сменить тактику и бежать. Странное дело, — ощущать себя одновременно и человеком, и мышью.

Гамма дополнительных чувств открыла до сих пор недоступные возможности познания мира. Я увидела двоякую реальность. Мозг загрузился под самую «крышечку». Внутри всё кипело и бурлило. Учитывая два полушария человека и парочку для мыши, я ощутила содержимое родного «черепушечного котелка», как минимум четырёхъядерным процессором. Анализ и синтез, индукция и дедукция происходили практически мгновенно. «Невероятно!? Что это означает? Трансгены мышей от трёх линий растеклись по кровяному руслу, попали в центральную нервную систему и заработали как часы!» Я думала, что процесс трансформации более длительный. Или же... Безумный генетик Йетя Кантор, вроде бы, упоминал что-то об сверхускоренном обмене веществ.

Внезапно потух свет. Огляделась и прислушалась. Дробный топот кованых ботинок этажом выше прозвучал над головой. Преследователи сбились со следа. В темноте я увидела: ступни ног и кисти рук светились зелёным цветом, и это в отсутствии ультрафиолетового источника. Хемилюминесценция то ли от мыши, то ли от дискомедузы встроилась в мои кожные покровы? «Интересно было бы посмотреть на свою рожу. Умора или ужастик»? Босиком, на цыпочках, я проникла в шлюз, другого выхода из лаборатории я всё равно не знала. К счастью, автомат двери закрылся бесшумно, и наново последовала уже известная

процедура дезинфекции. Во второй раз моё терпение оказалось бесконечным.

Три минуты тишины и безмолвия. Я разделась, бросив одежду в провал бокса, и села на пол, обхватила голову руками. Места укусов саднили, инстинктивно облизала их языком. Мысли разбегались как галактики в космосе. Я пыталась их удержать в едином континууме. Словесный мусор собрался в кучу малу из обрывков воспоминаний, диалогов и споров. На ум пришли: «Экспрессия, энтальпия, экспансия». Бред и сумасшествие! Какая связь? Воображение воспалённого сознания или пресловутая интуиция? Пришлось разбирать по очереди. Я начала рассуждать вслух, не боясь быть услышанной Йетей Кантором, а робот — не в счёт.

— Экспрессия, энтальпия, экспансия, — повторила я. — Ну с первым словом, — очевидно. Экспрессия трансгенов силы и прочих способностей после укуса мышей может проснуться в моём организме, но, скорее всего, ненадолго. Полагаю, что активное действие их продлится, ну там, считанные часы, или максимум сутки.

Похоже, робот, управляющий шлюзом и дезинфекцией, вышел из стоической спячки и влез в монолог:

— А энтальпия тут причём? Кстати, привет, красно-розовая женщина в прошлом, а нынче, зелёная!

— Привет от наших шпидлет, — буркнула я. — Давай вспоминать вместе. Назови определение энтальпии, умник.

— Без проблем, зелёная! Энтальпия — это термодинамическое свойство вещества, показывающее количество энергии в его молекулярной структуре.

— Ну и чё? Для живых организмов, что оно означает?

— Далеко не всю энергию организм человека может преобразовать в теплоту, даже если он имеет положительную температуру. Если вести речь о чужих генах, то внутренняя энергия нужна для поддержания молекулярной структуры встроенного гена. Когда температуры среды и тела сравниваются, то кинетическая энергия чужого гена будет не доступна для его работы.

— То есть, ты хочешь сказать, что тогда мышиный трансген впадёт в спячку?

— По моим расчётам, вроде бы так.

— Занятно! Стоит попариться в сауне, и я перестану светиться? Поехали дальше, железный мозг. Осталось последнее слово в этой троице: — «экспансия». К чему его можно «присобачить»?

Процедура дезинфекции закончилась. Моё тело продолжало светиться, как и прежде. Автомат выплюнул бактерицидный лейкопластырь, новую порцию свежей одежды и ботинок с браслетами. На этот раз я тотчас выковыряла из браслета чип слежения и бросила его в бокс-утилизатор.

— Зелёная, этот бактерицидный пластырь особенный, я синтезировал его для тебя, как инфицированной особи. Он содержит вакцины от столбняка, стафилококка и, на всякий случай, от бешенства.

— Спасибо, обрадовал! Уговорил, сейчас приклею. Полагаешь, ваши чудо мышцы бешеные? — я отодрала наклейки на пластинках и прижала их к ранкам, почувствовала облегчение.

Робот издал скрежещущий звук, словно смеялся:

— Эти, вообще-то, здоровые, но у нас часто химеры убегают из лаборатории. Гуляют по городу, нападают на прохожих и кусают их.

— А химеры разве не привитые?

— Видишь ли, зелёная, прививка прививке — рознь. Недаром биотехнологическую лабораторию простые жители города называют «Фабрикой звёзд». Сначала животных заражают чем-нибудь, потом лечат. Впрочем, никто не гарантирует отсутствия у них латентных, э-ээ... как это сказать проще, то есть, спящих инфекций. Сбежавшие химеры, играют, своего рода, роль биологического оружия.

— Весело живёте! Лучше вернёмся к нашим баранам, то есть к слову «экспансия».

Робот медленно, очень медленно и неспешно думал об экспансии, и выродил, наконец, определение из учебника:

— Экспансия для живых — это расширение зоны обитания биологического вида. Одним словом, зелёная, если трансгенные мыши или другие особи сбегут из лаборатории, они будут стремиться захватить новые территории.

Я, облепленная пластырем по совету робота, уже оделась и обулась:

— Хорошо побеседовали, железяка! Я поняла, остановить экспрессию чужеродного гена может высокая температура. А последнее твоё школьное утверждение до умопомрачения очевидно, как дважды два. Оно известно даже нашим первоклашкам.

— Меня зовут Механик, зелёная!

— Я представляться не буду, Механик, считай меня Зелёной. Выпускай же! Может быть, на прощание подскажешь, где находятся механические мастерские и казематы для рабочих? Тебя же там чинят, должен знать.

— Это топ-секрет, Зелёная. У меня нет кода доступа к закрытой информации города. Приказ императора Оттавия «защит» в моём программном обеспечении.

Я расстроилась:

— Жаль. Я-то думала, мы подружались с тобой, Механик!

— Словами объяснить не могу. Но взгляни, Зелёная, внимательно на живую картинку, — позади тебя я включил мониторинг работы механических мастерских. В маленьком окошке ты увидишь — пожарную схему с выходами на улицу. Запомни её; она будет тебе вместо карты.

Обернувшись кругом, я увидела кое-что и застыла. На экране крупным планом веб-камеры показывали лица Дэнвила и Надина!

— Ух, ты! Механик, ты молодец, однако! Хорошая идея: — пользоваться схемой пожарной эвакуации. Она простая и понятная, ты умница! Выпускай же меня наружу-то!

— Да, открываю шлюз, но будь осторожна, за тобою охотятся. На поимку «инфицированного образца» император Оттавий выслал спецназ.

— Спасибо, Механик. Бывай!

Двери шлюза раскрылись, и я осторожно выбралась в коридор. «Прощай, фабрика звёзд»!..

Приказала своему мозгу неизменно держать в мысленном поле зрения пожарную схему города-цилиндра. Внутренний компас от трансгена супермыши точно настроился на северный магнитный полюс острова. Это помогло. Я сориентировалась на местности. Ступая бесшумно по красным ковровым дорожкам, в сумраке коридорных поворотов, освещаемых лишь мерцающими светодиодами, я практически добралась до пожарного выхода, когда за спиной послышались звуки хлопающих дверей. Погоня! Пульс подпрыгнул до адреналиновых высот. Я внутренне сжалась, приготовившись к тому, чтобы «заметать

следы». На лестнице же первым делом мне нужно было измыслить, чем подпереть выход сюда. Кроме мусорницы-утилизатора и баллона огнетушителя тут ничего не оказалось.

— Великое Двоединоначалие! — прошипела я. — Ладно, что есть, то есть.

Я подтащила, на вскидку, пятидесятикилограммовую мусорницу-утилизатор к дверям. А сверху на неё водрузила не менее тяжёлый огнетушитель. «Если бы не трансгены супермышы, хрен бы я смогла их даже сдвинуть!» — подумалось мне невзначай.

— Хватит лирики и восторгов, Васка, иди в мастерские, — приказала я себе.

И побежала вниз по ступенькам на нижние этажи. Чую, опасность идёт по пятам. Вниз вниз! Ступеньки замелькали, лестничные пролёты слились в сплошную ленту. Терпкий запах отработанного машинного масла ударил мне в нос, когда я достигла третьего этажа. Но звуки вибраций от работающих механизмов пока не слышались вовсе. Тишина длилась недолго. Сверху с грохотом распахнулась дверь из того коридора наверху, где находилась биологическая лаборатория. Баллон огнетушитель, подпрыгивая на каждой ступеньке, погромыхал вниз по лестнице вслед за мной.

— Нужно срочно менять план побега! — я нырнула в коридор на третьем этаже.

Осмотрелась, усмирила дыхание и пульс. «Спокойно, Васка, спокойно! Хладнокровие — залог победы!» Интерьер коридора не сильно отличался от того коридора, откуда я начала побег. Разве что каждые десять метров отмечались тёмно-зелёными кадками с карликовыми голубыми соснами. Во время рабочего дня островитяне не слонялись без дела, поэтому кроме охранников у дверей разных служб, никого не увидела. Безмятежным шагом я направилась на параллельную лестницу в южной части города-цилиндра. Там также можно попасть на нижние этажи с мастерскими. «Вот, и второй пожарный выход!» Я открыла дверь на лестницу. «Также в углу стоит на месте мусорница-утилизатор, и висит на стене баллон огнетушитель. Добро! Значит, тут никого не было. Но чувствую, что как-то подозрительно тихо и спокойно»!

— Если я опять забаррикадируюсь, то себя выдам несомненно, — спецназ возьмёт мой след однозначно. А если переоденусь и прикинусь в доску своим человеком, то может, всё и обойдётся? — прошептала я.

Неожиданно я вздрогнула, в ухе раздался голос робота Механика:

— Зелёная, привет!

— Механик? Как ты меня нашёл?

— В лейкопластырь я встроил чип слежения. Не бойся, об этом знаю только я. Но, когда спустишься в мастерские, наложи сверху на пластырь мокрую тряпку.

— Хорошо, сделаю, но не понимаю, зачем ты следишь за мной? Уж не Йетя Кантор ли тебя обязал? — я рассердилась.

— Нет. Йетю я тоже недолюбиваю, есть на то причины. Не перебивай, Зелёная! Слушай внимательно! Второй отряд императорского спецназа идёт за тобой по следу с химерами; собакокошки натасканы на запах супермышы. От тебя теперь исходит интенсивный запах мышатины.

Я струхнула не на шутку, но внутренне приготовилась драться:

— Механик, есть ли у меня хоть мизерный шанс, убежать-то?

— Иди на второй этаж. Там есть большой торговый центр, легко затеряться. Прояви смекалку, натришь дезодорантом или чем-нибудь другим. Собакокошки не любят чеснок. И обязательно смени одежду на синюю униформу для разнорабочих. Поняла?

— Спасибо, Механик, поняла.

Вот и дверь на второй этаж. Приоткрыв её, я обнаружила нечто похожее на огромный муравейник, от которого несло смесью химических и биологических запахов. Вонь, жуткая вонь ударила по рецепторам моих нежных вибрисс. Я вновь ощутила себя мышью. Нагромождение полок и коробок, мешков и корзин, стоящих по периметру огромного зала, казались полной неразберихой в человеческой деятельности. То ли дело строгая иерархия, вертикаль власти и упорядоченное поведение каждой особи в стае мышей!? Но сейчас я должна действовать как индивид. Человеческая составляющая моей сущности требовала выполнить советы робота Механика.

В свете ярких ламп хемилюминесценция кожи была не видна. На меня никто не обращал никакого внимания. Я шла мимо стеллажей и тележек с ворохом одежды, мимо длинного ряда плечиков с костюмами и платьями, но нигде не видела ничего похожего на униформу разнорабочих. И тут моё внимание привлекла женщина, примерно моей комплекции, одетая в рабочий комбинезон. Она выбрала несколько костюмов и зашла в примерочную кабину. Я немного подождала, и потом чуть-чуть раздвинула шторы. Женщина сняла комбинезон и небрежно зацепила его за крючок на задней стенке. Пока она надевала обновку, я стащила её комбинезон, и, спрятавшись в соседней примерочной кабинке, быстро натянула его поверх комбинезона из биологической лаборатории. Глянула в зеркало. В кабинке горела одна маленькая и тусклая лампочка, отчего моя кожа засияла зелёным светом. «Ну и рожа, ершистый попугай!» — выругалась я и отшатнулась от зеркала.

— Натрись мелом, пудрой, мукой, гримом или ваксой! — посоветовал Механик.

— Где я их возьму? — огрызнулась я.

— Ищи отдел с косметикой.

— Знать бы ещё, как он выглядит.

— Баночки и тюбики с яркими этикетками.

— Угу, иду.

В этот момент раздался истеричный визг женщины, у которой я спёрла комбинезон. Полуобнаженная дамочка в аляповатом нижнем белье, состоящем из майки и панталончиков, выскочила из примерочной кабины, нервно размахивая руками, и заверещала. Высокие пороссячи ноты унеслись под купол зала. На её зов сбегались охранники. «Крепкие ребята! С ними лучше не иметь дела». Я схватила с ближайшей тележки какую-то тряпку, — а ею оказался чехол на диван, — укуталась в неё так, чтобы прикрыть комбинезон. И боком, боком протиснувшись между стеллажами с продуктами, я очутилась в отделе с овощами, где и бросила на пол необъятный чехол.

Овощей здесь было видимо-невидимо, всяких разных: тыква, картошка, репа, лук, помидоры. Увидела связку молодого чеснока. О, это особенный запах, молочно-терпкий и острый! Нюх меня не обманул. Улучив момент, когда продавец отвернулась, я как бы ненароком сунула её в карман. «Красть нехорошо, — укоряла меня проснувшаяся нехоти совесть! Враги, они все враги!» — успокаивала я правильную подружку. Блуждание наугад, наконец-то, привело меня к косметике. Круглая коробочка с гримом была открыта для показа. Вскоре и она нашла место в кармане униформы. Спрятавшись за какой-то ширмой, я широкими движениями, пятернёй намазала лицо и руки гримом цвета глины. Неожиданно, задрожало моё мышинное нутро. Вибриссы, которых реально-то и не было в помине, учуяли запах генетического врага — кошачий.

— Зелёная, спецназ готов спустить по твоему следу собакокошек! — предупредил Механик.

— Спасибо. Я уже учуяла кошачий пот и запах ярости врага перед атакой. Да-да, уже натираюсь чесноком. Поможет ли?

Тут мои нервы не выдержали, и я ломанулась к выходу по пожарной лестнице. Шестым чувством, где-то там, за спиной я услышала хищное кошачье дыхание. Погоня! Острые клыки, капающая слюна. Погоня! Бег, бег. Ноги или лапы мелькают по ступеням. Только бы раньше добраться до механических мастерских. Я верила, что там, среди механизмов и конвейеров, пропахших керосином и машинным маслом, непременно обрету спасение. Бег, бег. Удары пульса, как удары молота в висках. Животные не любят технические ароматы. Погоня! Бег через ступеньку, вприпрыжку. «Я не устала ни капельки; я сильная, самая сильная! Я супермышь, но с интеллектом». Бег изо всех сил.

— Не оглядывайся, Зелёная! — подбадривал Механик.

Промолчала, стиснула зубы, не ответила. Бег поглотил меня всю. Вниз, вниз, вниз!..

Глава 21 Из искры возгорится пламя

Минус третий этаж города-цилиндра встретил меня шумом и гамом. Равномерно гудели медные паровые котлы, время от времени, со свистом выпуская пар. Большие мельничные колёса, приводимые в движение также паровым двигателем, вращались по часовой стрелке и натужно скрипели не смазанными шарикоподшипниками. Рабочие, мастера и бригадиры сновали туда и сюда по строго заданному пути, пролегающему между рядами транспортных лент, башенных кранов, манипуляторов с механическими захватами. У меня создалось впечатление, что все технологии механической, паровой и электрической эпохи собраны здесь вместе. Удивительно, но они работали довольно согласованно и почти без сбоев. Впрочем, — это была моя догадка, или точнее сказать, нулевая гипотеза дилетанта.

Более всего меня привлекла мельница. Красивое сооружение, хорошо обозримое издали, оно обладало какой-то притягательной энергией. Лопасты вращались плавно, напоминая редкие взмахи длинных крыл чаек, полёт которых я видела только в исторических фильмах об Атлантиде. На далёкой Земле, эти величественные птицы гордо реяли над морем, предвещавшем грозу или бурю. Через года, через века, мы, потомки атлантов верили, — родная планета выжила, пройдя сквозь все перипетии: катаклизмы, цунами и возрождение биосферы. «Я смею надеяться, что и сейчас также, как и тогда, гордо парят над морями и океанами буревестники, иногда взмахивая над сине-зелёными волнами сильными розовыми крылами», — на миг унеслась я в мечтах. — «Но не стоит отвлекаться надолго! Это всего лишь мельница».

У её подножия постоянно торчали зеваки, как мне показалось вначале. Но присмотревшись, я поняла, это просто была обыкновенная очередь из грузчиков в серо-синей робе, ожидавших пару-тройку мешков для тележки. Я оглянулась. Помещение цеха следовало бы мне изучить досконально, на случай боевых действий. Когда-то же Вин Локвуд даст сигнал к атаке. Незначительные детали могут стать в умелых руках, если не оружием, то подспорьем в схватке с врагом.

Видимость, в общем и целом, была не самой лучшей. Отработанное машинное масло, технический вазелин и неочищенный вайт-спирит испарялись из открытых ёмкостей, смешивались где-то высоко под куполом механической мастерской и затем, конденсируясь в виде сизой дымки, висели смогом над цехом. Угадать, для чего предназначена вся эта линия производства мне было сложно. Терпкий запах химии и механики неожиданно ударил мне в нос и как будто прояснил сознание. Я почувствовала себя человеком в большей степени, чем супермышью. «Или же действие чужих генов ослабло со временем»? — предположила я. — «Хорошо бы».

За крепкими стальными дверями остались погоня, химеры с их инструкторами и отряд императорского спецназа. Волновало лишь одно: — удастся ли здесь затеряться? «Конечно же, в поисках «инфицированного образца» они сначала обшарят этажи с первого по минус второй. И лишь потом заявятся, без сомнения, и сюда. В моём распоряжении есть передышка не менее сорока пяти минут. Ну, это, если химеры собакокошки сбились со следа», — мысленно рассудила я. Присмотревшись к разнорабочим, увидела группу людей в похожих комбинезонах. Они складывали небольшие коробки на тележки. Я смело направилась туда и присоединилась к погрузке. Женщины и мужчины, с хмурыми лицами и впалыми щеками работали словно автоматы, не глядя друг на друга. Поодаль у стены стоял небольшой стол, за

ним сидели, наверное, надсмотрщики и азартно играли в карты.

— Зелёная, ты забыла! — ожил в ушах Механик. — Быстро обмотай мокрыми тряпками руки, где приклеен пластырь. Йетя Кантор вызвал напарницу Неа Талку. Она приказала ему проверить протоколы работы шлюза и мои. Я не смогу долго скрывать твои координаты. Действуй!

— Хорошо, Механик, спасибо за помощь, — ответила я, стараясь, чтобы голос оставался не слишком громким. Хотя в таком грохоте и шуме, слышал меня исключительно только он.

Я тронула за рукав одну из работниц, вежливо улыбнулась:

— Извини, подруга, я в этом цехе новенькая, скажи, где здесь туалет?

— Иди до конца цеха, между конвейерными лентами, и там, за жёлтым башенным краном, сверни налево. Серая дверь с кружочком, — это женский, — ответила она, пребывая безучастной к окружающей обстановке.

— Спасибо.

Она даже не кивнула, чтобы как-то выразить эмоции, а просто отвернулась за очередной коробкой. Я осмотрелась; человеческий муравейник работал как заведённый часовой механизм: тик-так, тик-так. Над входом в цех висели большие круглые часы, секундная стрелка чётко прыгала с деления на деление, громко отсчитывая мгновения: «Тик-так, тик-так». Я засекала время. В мозгу засела мысль: «Через сорок пять минут химеры могут меня найти, если мышиный трансген будет продолжать работать. Что-то вроде бы интересное Механик говорил о высокой температуре, которая якобы может выключить чужой ген. Для этой цели подойдёт сауна, душ или же горячий цех. Но сперва — отсечь сигнал с чипов слежения!» У конвейера прямо на полу кучей валялись тряпки, ветошь, фуфайки и промасленная бумага. Повертела головой. На меня никто из рабочих не обращал внимания. Наклонившись, я схватила длинную грязную тряпку, скомкала её. За жёлтым башенным краном, свернув налево, я увидела серую дверь с кружочком. В туалете вода текла небольшой жиденькой струйкой. «Ну и этого напора хватит», — решила я. Разорвав тряпку на два куска, я намочила их и быстро замотала запястья. Назойливый писк в ушах прекратился.

Совершенно не представляя, куда направиться, я вернулась в цех, прошла несколько конвейерных рядов и обогнула медный котёл. На обратной стороне от него проходила труба с горячей водой. На трубе стоял большой вентиль, открывающий спусковой клапан для пара. Его крутили два высоких рабочих в рыжей униформе. «Ба, да это же Надин и Дэнвил!»? — узнала я родных «скитальцев». — «Великое Двуетиначалие, нашлись!»

— На ловца и зверь бежит, — хлопнула я Дэнвила по плечу.

Он резко обернулся, и гамма выражений сменилась на его лице семь раз, пока он узнал меня.

— Васка, ты? Не может быть! Надин, смотри, кто у нас в гостях, — обрадовался Дэнвил. Мужчины бросили крутить вентиль.

— Зачем сюда пожаловала? Вин Локвуд говорил, что ещё рано затевать восстание, — спросил строго Надин.

— Долго рассказывать. Скажу коротко, в биотехнологической лаборатории меня покусали трансгенные мыши. Так уж вышло. Их сумасшедший гений сделал это специально, чтобы получить вакцину из моей крови для императора Оттавия. Чудом я сбежала оттуда. Но за мной, как за «инфицированным и ценным образцом», выслали погоню с химерами-ищейками. Химеры натасканы на запах гена супермыши. Скорее всего, чужие гены будут

действовать около суток или больше. Чтобы выключить их действие, мне нужны сауна, горячий душ или ванна.

— Мда-а, девочка, ну ты и влипла! — скривился Надин. — Как скоро погоня и ищейки ворвутся сюда?

Голос Надина звучал резким и дребезжащим дискантом. Негативная и агрессивная реакция соплеменника «скитальца» мне не понравилась. На мой взгляд, плен сильно испортил его добродушный характер. Однако отступить было поздно, да и некуда.

— Надин, не сердись, я не хотела никого подводить, честное слово! На втором этаже, в торговом центре, я оторвалась от преследователей. Если не ошибаюсь, то до прибытия спецназа в этот цех у меня осталось приблизительно сорок две минуты. Если не прогреюсь, то химеры-ищейки меня обнаружат быстро. И тогда отправят в императорскую лабораторию для опытов к сумасшедшему биологу Йети Кантору.

— Надин, ты оставайся тут, крути вентиль, пока не спустишь давление в котле. А я отведу Васку в наш душ. В мужском раздевалке, её не будут искать, — попытался сгладить ситуацию Дэнвил.

Надин, скрепя сердце, согласился:

— Восстание рабочих готовилось загодя, Васка. Из-за тебя одной, планы мы менять не будем, запомни! «Скиталец», с тобой или без тебя, улетит.

— Вы нашли другого пилота для клипера? — искренне удивилась я. — Кибер Лео не всю обратную трассу сможет осилить без человека.

— Нашли, Васка, нашли. Незаменимых не бывает, — сказал он жёстко. — Это пленные пилоты с других кораблей.

— Ты уверен в достаточной квалификации тех пилотов? Что-то мне подсказывает, что в полость Роша их корабли попали как раз из-за ошибки пилотирования. В своё время, если ты помнишь, я смогла предупредить о гравитационной ловушке старпома Вина Локвуда, а он и весь экипаж нашего звездолёта. Именно поэтому на разведку, на Остров погибших космических кораблей и был выслан быстроходный клипер. Если я не буду у штурвала, Надин, то «Скиталец-1001» улетит не только без меня, но также и без всех вас и нас.

— Надин, — встрял Дэнвил, — время идёт. — Обсудим детали позже, в спокойной обстановке. Мы побежали в душ.

Дэнвил схватил меня за руку и потащил в восточное крыло цеха...

Горячие и тугие струи воды ударили мне в спину и живот. Привыкнув к этой температуре, я сделала воду ещё горячее. Я старалась целиком попасть в конус душа, чтобы основательно прогреться. Вода сбегала по ногам и рукам вниз в дырочки на полу. Терпела до тех пор, пока не нагрелась металлическая пластинка для слива, и пока стопы ног уже нельзя было не обжигать. Оставалось проверить, — отключился ли хоть один мышинный трансген? Я приоткрыла дверь и крикнула:

— Дэнвил, выключи свет в душе, пожалуйста!

— Да я не смотрю на тебя, Васка, не бойсь!

— Дело не в этом, выключи, я говорю, так надо! — рассердилась я не на шутку. — Время идёт.

— Ну ладно.

Свет погас. Я вышла из-под душа. Мокрое тело, руки и ноги сияли бледно-жёлтым светом. Я завернулась в полотенце, вытерлась и вышла в предбанник. Там лампочки тоже не

горели, но сумрачный свет немного проникал в дверную щель.

— Спасибо, Дэнвил, уже одеваюсь, — выдохнула я, хватаясь за комбинезон, презентованный мне Механиком. Он всё-таки был чище, чем униформа с неизвестной дамочки. — Ой, чуть не забыла тряпки вернуть на пластыри.

— Не за что, дорогая, — ответил Дэнвил, — я страшно рад тебя видеть и слышать, Васка! Ты удивительная девушка. Ты такая, такая...

В этот момент он обернулся, тихо охнул и грохнулся на пол. Я только что обмотала запястья, но ещё не успела одеться полностью и взглянула на себя. Злополучное зелёное сияние разливалось кругом так, словно оно получило добрую порцию свежих батареек.

— Великое Двуетиначалие! — прошептала я огорчённо. — Дэнвил, что с тобой?

Я встала на колени перед ним и отшлёпала его по щекам:

— Очнись, Дэнвил! Очнись же!

— М-мм... Васка, ты меня испугала в самом деле, — промычал он.

— Вставай! Ничего страшного. Ген светящийся мыши не удалось отключить горячей водой. Мне надо быстро смыться отсюда, помоги.

— Куда пойдёшь?

— Обратно в кухонный блок. Нужно напудриться мукой. Надеюсь, утром мышинные гены будут уже бездействовать. Нам бы день продержаться, да ночь простоять. А подружке Асаке скажу, что вовсе не ходила в биологическую лабораторию, потому что пропуск потеряла. Авось поверит. Какое-то время мы выиграем.

— Хорошо, пошли к Надину, — он знает, где запасной выход. — Возможно, скоро Вин Локвуд выйдет на связь. Мы с Надином тоже здесь в мастерских, время не теряли зря, и подготовили людей. Собрали их в несколько ячеек, не связанных напрямую между собой. Мы верим, пора мятежа настала. День-два, и людское возмущение нельзя будет удержать!

Я честно выслушала горячую речь Дэнвила, но не удержалась и возразила:

— Пытаетесь высечь искру из огнива? — спросила я с нескрываемым сомнением. — Ты, действительно, считаешь, это поможет в борьбе «скитальцев» с отборными и обученными войсками императора Оттавия?

— Из искры сомнений и неповиновений возгорится пламя борьбы и открытых военных действий! — горячо воскликнул Дэнвил, потрясая кулаком перед моим носом.

За время беседы мы проделали путь от душа до кипящего медного котла, где Надин продолжал колдовать над вентиляем, спуская давление до приемлемых величин. Наконец, стрелка манометра ушла из красной в жёлтую, а затем в зелёную зону. И он, почтил нас с Дэнвиллом своим драгоценным вниманием:

— Подполье в городе-цилиндре долго готовилось к сопротивлению. У нас есть поддержка и среди офицеров императорской гвардии. Везде, где только можно, сочувствующие нам развешивали на этажах для простолюдинов прокламации с призывом свергнуть власть императора Оттавия. Твоя задача, Васка, выйти сухой из воды, то есть направить погоню по ложному следу. А затем сидеть тихо в своём кухонном блоке до сигнала от Вина Локвуда. Поняла? Если сюда прибудет спецназ, выкручивайся сама, как можешь!

Слова Надина прозвучали, как выстрел.

— Предатель, — процедила я, отвесив ему оплеуху такую, что он отлетел метра на два от вентиля. Эффект рукоприкладства поразил даже меня саму. — Надин, я нечаянно, не хотела, это виноват ген супермышы!

— Но ведь ты знаешь запасной выход! — рассердился Дэнвил и, повернувшись к Надину, подал ему руку. — Вставай!

— Я-то знаю, но стоит ли ей показывать его. Пусть ищет сама. Дэнвил, работай, а то бригадир уже интересовался, куда ты исчез. Будешь идти против Совета подполья, я тебя сдам аборигенам. Извини, Васка, ты теперь супермышь, или как там тебя называть, суперчеловек, что ли? Нюхай! Мышиные рецепторы тебе в помощь!

Он вернулся на рабочее место, и ткнул напарника в спину. Дэнвил виновато развёл руками за его спиной.

— Ладно, соплеменники на «Скитальце» сочтёмся, — ответила я, разозлившись.

Время поджимало. Из условно отведённых сорока двух минут на опоздание погони у меня оставалось всего пять. Оценив расстояние до возможного выхода, я побежала наугад в сторону мельницы. Не исключено, там за нею, будет ещё один выход. Я мысленно сверилась с пожарной схемой и обрадовалась; за мельницей прятался грузовой лифт. Он же соединял цех с кухонным блоком, доставляя туда муку для выпекания хлеба. Я зашла в лифт вместе с пятью грузчиками и их тележками, как раз в тот момент, когда в цех ворвался спецназ с химерами собакокошками. Среди технологических запахов они могли потерять мой след. Двери лифта закрылись, мы поехали...

Глава 22 Решительный бой

Лифт остановился на первом этаже, и грузчики, выкатив тележки с мешками муки, направились прямым ходом в кухонный блок. Я немножко подождала, наблюдая за процессией. И лишь удостоверившись, что они не свернули никуда за угол, последовала за ними, старательно находясь поодаль. Дистанцию для манёвра и внезапного бегства, — правда, не знаю куда именно, — я держала на всякий случай. В хорошо освещённом коридоре моя кожа ничем не отличалась от кожи белого человека, чему я страшно обрадовалась. Бело-кремовые стены кое-где с облупленной краской, через которую просвечивал прежний слой коричневого цвета, почему-то меня успокоили. Такой же некрасивый пол, застеленный тёмно-болотным углепластиком в белую крапинку, оптимизма в интерьер не добавлял. Ощущалось запустение и забвение хозяйственного сектора высшими чинами. «Забвение, пожалуй, — это мне на руку», — подумала я и с облегчением выдохнула.

Моя вторая мышьяная суть искала норку или иное укромное место, где можно расслабиться и отдохнуть от погони. В голове всплыло слово «мимикрия». Я с сожалением посмотрела на запястья, забинтованные грязной тряпкой. «Эх, сейчас бы с роботом Механиком посоветоваться. Но никак нельзя, сумасшедший биолог Йетя Кантор и его напарница Неа Талка засекут сигнал от моего чипа!» — мысленно рассудила я, инстинктивно ища, как бы мне замаскироваться. — «Вывод должен быть парадоксальным и алогичным. Спецназовцы будут обшаривать укромные места, шкафы, туалеты и личные комнаты. Это очевидно. Действие по стереотипам свойственно военным. А на видном месте, так сказать, под фонарём или под носом, — вряд ли будут тщательно осматривать кто, да что. Они пройдут мимо поварих и кухонных работниц, месящих тесто, и тогда вовсе не обратят внимания на «инфицированный образец».

— Ай, молодец! — похвалила я себя шёпотом. — Конечно же, они будут искать по шаблону, по заданному начальством алгоритму. Но здесь есть большое «Но». Ищейки пройдут мимо, если я буду выглядеть также как и другие кухонные работницы.

«Васка, срочно переодеться и бегом на кухню, выпекать хлеб или чистить овощи!» — приказала я себе мысленно. Грузчики меж тем гуськом дошли до двустворчатых дверей и протолкнули тележки вовнутрь хозяйственного блока. Я мигом догнала их, — мышьяный ген, давал мне силы на быстрый бег и хорошее ускорение. Прячась за широкими спинами крепких мужчин, я осторожно протиснулась в узкий боковой коридорчик и оказалась в жилом комплексе для кухонного персонала. Вот и моя комната! Понюхала кругом воздух, — пахнет Асакой и булочками; заглянула в щёлку неплотно прикрытой двери, — всё, как обычно. Я зашла и метнулась к гардеробу. Перебрав несколько плечиков с одеждой, нашла свежестыранную униформу в виде платья с белым воротничком и быстро переоделась. Длинные рукава, к счастью, скрыли мои забинтованные запястья. Косынка и фартук дополнили классический облик кухонной работницы. Вперед, на кухню! Пребывая в плену у островитян, ни разу я так не старалась быстро очутиться у рабочего стола с тестом, как сию минуту.

Асаки дома не было, и я подумала, что подружка крутит роман с офицером Ордуэллом. Такой долгий день, словно неделя минула! За это время я уже успела не только на «весьма незаурядной» экскурсии побывать, но и сыграть роль лабораторного экспоната, и даже

пришлась по вкусу генномодифицированным мышам, а также их создателю, сумасброду Йети Кантору. О, чуть не забыла: вдобавок ко всему, ещё ушла от погони. Надолго ли? И где же Асака? Вероятно, влюблённая парочка сидит в ресторане или же гуляет в ботаническом саду. Там много аллей и климатических зон, и каждая из них уникальна; она изумляет и улаживает глаз новизной. Есть беседки и ротонды со скамейками, укрытые от любопытных взоров. Лично для меня отсутствие Асаки сейчас помогало. Не нужно объясняться, изворачиваться и врать.

Пока я размышляла, добралась до кухни. Заглянула щелку, оценивая обстановку: — насколько она безопасна для меня, и нет ли там спецназа с химерами собакокошками. Неожиданно я вздрогнула, получив хороший шлепок по мягкому месту:

— Чего, это тут мы выглядываем? — вопрошала главная повариха Жадилина, подперев необъятные бока, пухлыми руками. — Три ведра мусора полным-полнёхоньки ждут тебя, а ты мышей не ловишь!

— Ой, мадам Жадилина, здарсьте, — сказала я как можно вежливее, — да задумалась что-то.

— Вижу, вижу, задумчивая ты наша. Марш работать!

— Да-да, иду, бегу и спотыкаюсь ловить мышей, — сказала я. И тут же подумала: «Будь они не ладны, эти мыши»!

— Эй, Васка, сначала, мусор вынеси!

— Непременно, мадам Жадилина.

Я подхватила два ведра и помчалась на задний двор.

За то время, пока я стремительно удирала от погони, в цехе механической мастерской разворачивалась воистину драматическая сцена. Химеры, спущенные с цепи, тщательно обнюхивали каждого человека. Добрались они и до медного котла, где трудились Надин и Дэнвил. Животные пропустили Дэнвила, не учуяв ничего подозрительного, а вот Надина одна тварь свалила с ног и свирепо зарычала, придавив лапой грудь.

— Вы что спятили? Дикари, аборигены, безмозглые твари! — окрысился Надин, лёжа на полу ничком и ругаясь неприличными словами. Он не мог даже пошевелиться, химера навалилась на него всей тушей. — Зараза! Весом, наверное, не менее центнера.

— Это тебе привет от супермышы Васки, — сказал бесстрастно Дэнвил. — Не хила женская оплеуха подарила тебе ароматную метку. Кто бы мог подумать, что на этот-то запах собакокошки отреагируют мгновенно? Зря обидел Васку, Надин.

— Лежать, не дрыгаться! — гаркнул на лежащего подоспевший бригадир. Он подобострастно нагнулся, когда издали, увидел людей в форме войск императора Оттавия. Он снял шапочку и виновато склонился ниже. — Не знал ничего, клянусь должностью, ваше бродь...

Прибежавшие спецназовцы, молчком и умелыми движениями проворно связали «инфицированный образец».

— Операцию поимки беглеца объявляем завершённой, — сказал командир отряда, связавшись с Йетей Кантором по радиосвязи. Ребята, тащите его к «кошкодавам».

Бойцы спецназа, взвалили Надина на плечи и потащили его к первому лифту, которым прибыли в цех. Они честно довели «инфицированный образец» до биологической лаборатории.

— Вы кого припёрли? — возопил Йетя Кантор, увидев добычу спецназовцев.

— Собакокошка опознала образец по запаху, — развёл руками командир.

— Сам теперь нюхай, балбес! Это была женщина! Срочно возобновить поиски, олухи! — Йетя Кантор брызгал слюной и топал ногами. — Космос Ши! Действие мышинных трансгенов может в любую минуту прекратиться. О, моя вакцина!?

— И куда теперь?

— Где много женщин вы видели?

— На кухне, кажется.

— Идиоты!

— В кухонный блок, бегом марш! — крикнул командир отряду, и бойцы, громяхая подковами на ботинках, поторопились к лифту.

Едва я покинула кухонный блок, как услышала за дверями какой-то неясный шум и окрики. Я похолодела; ужели спецназ добрался и сюда!? Добежав до мусорных баков, я залезла в один из них, надеясь, что мерзкий смрад овощных очисток отобьёт мышиный запах. Не знаю долго ли коротко я сидела в этом баке; промёрзла до костей. Смеркалось. Из дверей кухонного блока на задний двор никто не выходил. «Хорошо бы, чтобы спецназ, не обнаружив «инфицированный образец», ушел восвояси»? — надеялась я. Кто-то у гаража запалил костёр, сжигая отработанную ветошь, пластиковые бутылки и сломанную тару. Я выглянула из бака, огляделась и вылезла, но не очень удачно: бак накренился и завалился на бок. Чудом успела отскочить от него. Фартук был испачкан очистками и источал жутчайше амбре. Дым от костра шёл в мою сторону. Воспользовавшись этим обстоятельством, я постояла несколько минут в его струе. Получив изрядную порцию всевозможного «букета натуральных духов», я рискнула вернуться на кухню.

Тишина встретила меня в коридорчике, ведущем от заднего двора к тестомесильной комнате. Прислушалась, тихо. Далее услышала негромкий говор за дверью хлебопекарни, он был несколько оживлённым, но не тревожным. Вкусный и ароматный дух свежеспеченного хлеба истекал из-под двери наружу. Других и чужих запахов мой нос не чуял. Я рискнула чуть-чуть отворить дверь. Кучка женщин из другой смены что-то обсуждали и смеялись. Мадам Жадилины здесь не было. Расхрабрившись, я вошла. Женщины обернулись и через пару минут, зажав носы, набросились на меня с криками:

— Замарашка, мы хлеб печем, а ты словно вылезла из помойной ямы! Фу-фу!

— Да, я это... мусор выносила, поскользнулась, а бак криво стоял, вот мусор и вывалился на меня сверху, — сыграла я под дурочку.

Женщины со смеху покатались.

— То-то Жадилина рада будет твоему виду, особенно когда её выпустят, — сказала одна из них, самая бойкая.

— Не поняла, откуда мадам Жадилину выпустят? — осторожно спросила я.

— Загребли её спецназовцы за что-то и отправили к «кошкодавам».

— За что?

— Да тут такое было!? Ты себе не представляешь даже! В тестомесильню ворвались спецназовцы со своими жуткими химерами. Жадилина, шеф-повар императора Оттавия, как увидела животных, да на кухне, да с лохматой шерстью! И где? Борьба за чистоту и стерильность попирается ботинками немых вояк! Ну, она не стерпела, схватила одной рукой химеру за холку, другой — её инструктора за потный шиворот. Баба она крепкая. Да и столкнула их лбами. Химера-то извернулась и тут же укусила её. И Жадилина оказалась «инфицированным образцом». Чему их командир и обрадовался несказанно. Схватился за

рацию и отчитался: «Йетя Кантор, докладываю, найдена женщина, укушенная за запястье. Это «инфицированный образец». Куда доставить? Понял, в стеклянный лабиринт, и запереть до утра. Конец связи». Вот так-то.

Женщины засмеялись, похоже, мадам Жадилаина достала не только нас с Асакой.

— Неожиданно, как-то, — пробормотала я, утирая пот со лба.

— Ну не огорчайся, красотка. Утром биолухи чай разберутся, выпустят мадам. Да иди-ка домой и помойся, — с таким амбре нечего тебе на кухне делать-то!

На ватных ногах я добралась до душа. Водные процедуры за целый день успели изрядно надоест. Хорошо бы выспаться. Асака до сих пор не приходила. Вот это любовь! Я села на кровать, взбила подушечку. Тяжёлый день закончился со счётом один-ноль в мою пользу. Глаза смежились незаметно, и я провалилась в глубокий сон.

В этот день я проснулась с рассветом. Было ощущение, что сегодня что-то должно произойти. Во сне я видела звездолёт «Скиталец» и наших людей там. Почему Вин молчит? Он обещал что-то придумать. Томительное ожидание и неизвестность хуже всего. Если бы не его приказ: не угонять скутер, я бы уже давно это сделала. Во мне кипела энергия и жажда действий, хоть каких-нибудь. Я понимала, — торопиться нельзя, иначе мы можем погубить и клипер, и разведчиков, да и у «Скитальца» тогда будет неопределенное будущее. Это я понимала умом, но слово «ждать» словно тормозило и связывало меня по рукам и ногам. Конечно же, не хотелось натворить глупостей, но я страстно желала перемен.

Я привычно встала, сделала разминку и силовые упражнения. На острове погибших космических кораблей мне явно не хватало спортивных тренажёров. Боязнь потерять физическую форму подгоняла, брала измором душу и заставляла пересиливать тяготы плена. Мысли шевелились лениво, а ватное состояние тела манило снова нырнуть в кровать. Но после ледяного душа, — в местных условиях иного не дано, — голова всё-таки прояснилась. Кипящая жажда мести и буря эмоций всколыхнулись с новой силой. Пока просыпались другие работницы кухни, я успела выпить чашку эрзац кофе и от злости начистить два ведра овощей. К началу смены кухня заполнилась поварами.

Вскоре пришла и моя подружка, смешливая Асака. Сегодня она была в новом блекло-синем холщовом полукомбинезоне, выданном накануне взамен старого, и серой блузке. Форма сидела на ней безупречно, подчеркивая яблочные округлости бюста и гитарные изгибы бёдер. Жёлтая рабочая косынка на шее придавала её, и без того приятной внешности, дополнительный шарм. Карие глаза сияли озорным блеском.

— Привет, Васка, — сказала она. — Как дела?

— Как обычно, ничего нового, — ответила я и подмигнула ей. — А у тебя?

— Сказочно и волшебно! Единственно странно, под утро снился необычный сон. Пожар и дым окутал выброшенный хлам на заднем дворе. А потом я увидела, как мы с тобой бежим мимо горящих складов с оружием и оказываемся в чистом поле. Кругом высокая зелёная трава, и светит голубое солнце.

— Хорошие символы. Твой сон, — хорошо бы, да в руку!

Поварская работа как обычно была рутинной рутинной: переругивание кухонных работниц с грузчиками, падение кастрюль и посуды с полок, — впрочем, всё шло чередом, как всегда. Да ещё слышались окрики помощницы шеф-повара Его Императорского Величества Стаси. Она замещала мадам Жадилину в её отсутствие. Почти ничего особенного. В предвкушении свершения чего-то необычного кухонные работницы продолжали честно исполнять

дежурные обязанности. Так прошёл долгий и томительный час. На плите кипели котлы с варевом, Асака помешивала и давала бульон на пробу мадам Стаси. Суровая женщина одобрительно кивала и каждый раз добавляла туда разные специи, как-то чабрец, розмарин, базилик, тмин и чёрный молотый перец. Удивительно, но эти травы, давшие однажды хорошие всходы в теплице, щедро одаривали местных жителей витаминами и микроэлементами.

Гролом среди ясного неба послышался оглушительный звук от взрыва где-то там на улице. Мы вздрогнули. Мадам Стаси, схватив большой черпак, выбежала из кухни во двор. Её примеру последовали и другие женщины. Мы с Асакой выключили подачу электроэнергии, бросили остальные незавершённые кухонные дела и тоже как оглашенные вылетели туда же. «Какие тут блюда, когда идёт война!» — решила я, ища оправдания на случай, если вернётся главная повариха Жадилина и начнёт ругаться.

Сквозь слабо рассеянные облака фиолетового тумана вдали за забором виднелись языки пламени. Асака пояснила, что в той стороне находится каменоломня. За одиночным взрывом последовала автоматная очередь. Ещё один мощный взрыв сотряс почву под ногами. Во дворе завывала сигнализация. Раскрылись железные створки ворот в здании казармы, и через них рысью выбежали на плац спецподразделения войск императора Оттавия. Следом выехала и бронетехника. Вся армейская часть мобильного реагирования построилась на поверку около склада, где островитяне грузили снаряды.

Молочно-фиолетовый туман сгустился плотнее. Островитяне включили мощные прожекторы, которые проникали сквозь туман на довольно большое расстояние. Стрельба стихла. Задние ворота распахнулись и пропустили железнодорожный состав с рудой. По узкоколейной железной дороге на малой скорости во двор въехали девять красно-коричневых грузовых вагонеток, покрытых кое-где серым налётом пыли. Каждая вагонетка с глухим опрокидывающимся кузовом была доверху нагружена латеритовой железной рудой. Я её узнала по характерному блеску голубовато-зеленоватых вкраплений тяжёлых металлов. Вот и разгадка преимущества аборигенов! Природное легирование никелем, кобальтом, марганцем, хромом и вольфрамом позволяло островитянам выплавлять качественную и прочную сталь. Из неё-то они и делали грозное оружие, неизвестное нам, мирным звездоплавателям.

За последней вагонеткой шли работники. Это были изможденные непосильной работой люди, плохо одетые и голодные. Ввалившиеся щёки и острые скулы каторжан свидетельствовали о крайне плохих условиях содержания и низкокалорийном рационе. Пыльная и истёртая роба висела на худых плечах, как на вешалке. Грубые ботинки из некачественного пластика, треснули по швам, являя наружу лохмотья портянок. Безразличное выражение лиц, смирение и покорность вытравили из них все иные чувства человека, гордого существа, вольнолюбивого от природы. Где уж тут мечта о свободе!?

Как только отряд поравнялся с колонной, готовой к выходу в бой, то некоторая часть рабочих начали стрелять прямо по колонне военных. Я поняла, Надин подготовил восстание. Час «икс» настал. «Наверное, он всё-таки получил сигнал о начале атаки от Вина Локвуда», — догадалась я. — «Но каким образом, если не через меня?»

Началась полнейшая неразбериха. Пленные, каторжане и работницы кухни заметались по двору и затем спрятались в доме. Клубы дыма от взрывов гранат и фугасов смешались с пылью и дымом, общая видимость упала почти до нуля. И я уже не понимала происходящего. Кто в кого и откуда стрелял? Казалось, со всех сторон подступали нападающие. Прицельно

засвистел плазмоган. Какие-то бочки со смазочной жидкостью тут же загорелись, следом огонь перекинулся дальше и жадно пожирал кучи хлама и мусора, вознося горячие языки аж до второго этажа. Сон Аски исполнялся точь-в-точь. Её глаза округлились, брови поднялись, выражение ужаса исказило миленькое и почти детское личико.

Одновременно с этим загрохотало что-то внутри города-цилиндра. Подруга Асака, сильно испугавшись страшных звуков, мёртвой хваткой вцепилась в мою руку. Между тем, я осматривалась кругом в надежде увидеть наших бойцов. Скорее всего, именно они могли начать дерзкую боевую операцию по освобождению пленных «скитальцев», нежели безвольные каторжане сами бы подняли бунт. Почему-то я была уверена в этой версии.

Предчувствие не обмануло. Нам навстречу из тумана, крадучись и постоянно оглядываясь на любой подозрительный звук, вышли два бойца, обвешанные известным и неизвестным мне оружием. Я с трудом узнала в них старпома Вина Локвуда и бойца Кугера.

Старпом выглядел измученным и усталым. Грязная одежда свидетельствовала о том, что немало часов он провёл в катакомбах острова, явно вдали от условий райских кущ. Сквозь рваный рукав на левой руке виднелась окровавленная повязка из несвежего бинта, замотанного наспех и абы как. Дорожка из запёкшейся крови прочертила трассу по остаткам рукава и попала на обе штанины. Высокие ботинки из углепластика покрывала серая пыль каменоломен. Лицо до неузнаваемости искажали чёрные и зелёные мазки, наложенные очевидно пятернёй. Автоматическое оружие, отобранное в бою у островитян, грозно ощерилось широким дулом на врага. Этот боец не был похож на того Вина Локвуда, которого я знала в мирное время, там на звездолёте. В его движениях появилась охотничья настороженность хищника перед броском. Лишь жёсткий и колючий взгляд выдавал несгибаемую уверенность прежнего мужчины, привыкшего успешно решать тактические и стратегические задачи.

Боец Кугер, одетый в изрядно потёртый пятнисто-серый комбинезон, выглядел также решительно под стать своему командиру. Изрисованное лицо не выражало ничего кроме отрешённости и праведной злости. Несмотря на забинтованную крест-накрест голову, он продолжал бой. Высокий и крепкий молодой человек, возмужавший за время войны с аборигенами, смело пробирался по вражеской территории, ноздря в ноздю с Вином Локвудом и не отставал ни на шаг. Они неумолимо шли вперёд и вперёд, преодолевая мелкие преграды из куч ржавых железок, бочек и канистр с горючим. Прячась за сараями от вражеских пуль и гранат. Оружием Кугеру служил тяжеловесный противотанковый, как мне показалось, гранатомёт. И я видела, как оба орудия в руках «скитальцев» ожили и полоснули снарядами куда-то назад, в туман туда, где маячили неясные силуэты врага и бронетехники.

Войска императора Оттавия тоже были не лыком шиты. Отборными подразделениями крепких и обученных бойцов командовал видный, хорошо сложенный мужчина с короткой стрижкой каре. Его военная выучка на две головы превосходила партизанщину Вина Локвуда с его наспех обученными бойцами. «Уж не офицер Ордуэлл ли это? Вроде бы, не он», — присматривалась я к врагу. Отряд «скитальцев» вынужден был обороняться и снова сдавать горожанам завоёванные позиции. Мы с подружкой Асакой спрятались за мусорным баком, ближайшим к кухне, и через пробоины в его корпусе следили за сражением. Гарь от горючесмазочных материалов заползала в легкие, мешала свободно дышать. Я сняла косынку с головы и замотала себе лицо, оставив свободной лишь полоску для глаз. Оглянувшись. Увидела, что подружка поступила так же.

Нападающие заметно теряли преимущество внезапности. Вин Локвуд вынул из-за

пазухи ракетницу и выстрелил в воздух. Красная звезда взвилась над полем боя; туман и дымы окрасились кровавым отблеском. «Неужели у наших есть что-то про запас»? — подумала я с сомнением. Островитяне на несколько секунд замешкались; они сбились в кучу и совещались со своим командиром. Этой заминки хватило, чтобы случилось настоящее чудо, когда они вновь ринулись в бой против отряда Вина Локвуда. Конечно же, «скитальцы» яростно отстреливались, но пятились назад, прячась за вагонетки с рудой. Островитяне наступали. И тут, в какой-то момент атака захлебнулась в буквальном смысле этого слова. С двух точек из-за забора, прямо в центр отборных войск императора начали бить мощные струи водомётов. Они валили императорскую гвардию наземь, не давая им подняться вновь. Огнестрельное оружие островитян мгновенно пришло в негодность.

— Васка, сейчас мы должны отвоевать ангар со скутером, идём с нами! — приказал Вин Локвуд, увидев нас с Асакой.

Я молчком кивнула головой, и мы пошли к ангару, пригибаясь под прицельным огнём свежих сил островитян, пришедших на подмогу своим. Это был резерв из охраны самого императора Оттавия.

Асака не отставала от меня ни на шаг. Так мы и пришли в ангар вместе. Короткий бой и прицельный огонь, освободили проход к скутеру. Я забралась внутрь и начала изучать управление чужим дисколётом. Асака сидела сзади тихо, как мышка. «Ох уж эти мыши»!? — промелькнуло в голове некстати. В принципе ничего нового островитяне не изобрели. Обычные приборы, рычаги, индикаторы. Лишь только нижний ряд клавиш меня смущал. Или это управление в условиях особого режима полёта, или же это управление оружием. Все функции можно было выяснить только на маршруте, в воздухе.

Мы с Асакой притаились и стали ждать развязки сражения, которое разгоралось с новой силой. Грохот канонады переместился на верхние этажи.

Наш отряд уверенно осваивал всё новые и новые этажи города-цилиндра. На верхних этажах, офицерских к восстанию подполья присоединился офицер Ордуэлл с сотоварищами. Он всё-таки оказывал помощь праведной стороне. За Асаку можно смело порадоваться теперь, — хороший выбор сделала. В башне открылись окна, и оттуда хлынул яркий жёлтый свет. Ещё полчаса томительного ожидания для нас и ожесточенного боя наших «скитальцев», и бойцы Вин Локвуда вместе с повстанцами из пленных взяли крепость. «Космическая Астилия» пала. Как только мы захватили императора Оттавия, остальные аборигены сдались, не оказав даже особого сопротивления. Ура! Наши победили!

Глава 23 Возвращение на «Скиталец»

Мы вернулись на клипер. Ну и ну! Капитальный ремонт — почти катастрофа в космосе! Поэтому до взлёта, пока есть возможность, нужно привести клипер в рабочее состояние. Ремонтные работы пришлось разворачивать с привлечением механиков из города-цилиндра. Поджимали сроки для возвращения разведгруппы на «Скиталец-1001» и манёвра всей нашей экспедиции. Поэтому людей требовалось много. Это были хорошие мастера. Как, например, инженер Трейс с дисколёта «Королева Луди», прибывшего из системы Омега Орла. Их космический корабль также когда-то попал в эту гравитационную ловушку, и члены экипажа стали пленниками тирана Оттавия. Мужество «королевичей» заражало всех. Под командованием обаятельной женщины Сиртако они сумели собрать ремонтную бригаду из стоящих умельцев, во время пленения трудившихся в механических мастерских.

— Император Оттавий иногда поощрял нас за хорошую работу, — сказал инженер Трейс, ковыряясь в недрах клипера. — Николас, твоя сила нужна. Затяни-ка этот болт, он держит корпус вакуумного насоса.

— А чем поощряли вас, девочками? — поинтересовался молодой механик Дзетта. — Трейс, я принёс машинное масло.

— Сильно любопытный! Не, кислородным коктейлем и бисквитными пирожными, — ответил Трейс, облизнув сухие губы. — Дзетта, ты не о том думаешь. Пусечки и мусечки будут дома на планете Фита, или же слетаешь на Рекбету. Врачи и медсёстры с Рекбеты тебе понадобятся в первую очередь. Вылупишь на них глаза, лёжа в капсуле томографа, и балдей, сколько влезет под магнитными полями. А сейчас, мечтатель, возьми напарника Нелко, и немедленно смажьте задний узел антигравитатора. Да не жалейте масла, ребятушки!

Подошла командир Сиртако:

— Как успехи, Трейс? — спросила она, заглядывая под днище клипера.

— Да, есть ещё над чем поработать, кэп. А куда у нас делись Илгур и Фирс?

— Они узнали главный секрет города-цилиндра. Оказывается, на Острове атмосфера поддерживается искусственно с помощью жутко скрежещущих механизмов, находящихся на нижних этажах. Увы, часть людей, в том числе Фирса и Илгура, пришлось бросить на поддержание здешней атмосферы.

— Понял, кэп. Спасибо за важную информацию. А где же пилот клипера? — поинтересовался Трейс. — Эй, Николас, ты не знаешь? Есть пара вопросов.

— Сейчас спрошу у Вина Локвуда, — сказал Николас, выползая откуда-то из брюха клипера.

Николас зажмурился от света, бьющего в глаза, сделал руку козырьком, осмотревшись кругом, увидел группу людей поодаль. Они занимались тем, что складывали штурмовые палатки, походное снаряжение. Около них стоял длинный пластиковый стол, укрытый серебристой антимицробной пленкой. Женщины сервировали его к обеду. Наконец, из скутера, приземлившегося поодаль за кучей снаряжения, вышли Вин Локвуд, Васка и ещё одна дама, приятной внешности.

— Васка, — позвал Николас, — иди сюда к нам!

— Иду, — крикнула я. — Мигом.

— Я с тобой, — вцепилась в меня Асака.

Мы подошли к клиперу.

— Инженер Трейс, руководит реанимацией клипера, — представил мне главного по ремонту, Николас.

Учтиво кивнула, исподволь рассматривая визави. Я боялась, что из-за вынужденной задержки мы не успеем вернуться к началу задуманного нами манёвра, и тогда весь экспедиционный караван свалится в гравитационную ловушку Лиры-2. Мне совершенно не хотелось поселиться на этом малопривычном крошечном острове, затерянном где-то на задворках Вселенной, вдали от возможных космических путей.

— Очень приятно.

— А это Васка, пилот высшей категории и единственный пилот нашего клипера, — указал на меня Николас.

— Взаимно, — ответил Трейс. — Вы всё знаете о своём клипере, Васка?

— Надеюсь, что-то интересует отдельно?

— Да, хотелось бы знать, кибернавигатор действительно нужен в полёте или его можно безболезненно отключить?

— Кибер Лео знает наш маршрут сюда; он помогал мне маневрировать в полости Роша, запомнил схему скоростей и ускорений в проблематичных местах, радиусы поворотов. Сделал карту привязки к местной звёздной обители. Ну и он же регулирует поля защиты от мелких астероидов.

— Без него никак?

Я задумалась, смогу ли?

— Честно говоря, ситуация пилотирования без навигатора предусмотрена в конструкции, однако не в случае такого экстрима, как сейчас. Оно можно, конечно, но при разгоне легко ошибиться и уйти на другую траекторию, уводящую нас от «Скитальца» далеко. А что, Трейс, какие-то проблемы?

— Не включается, хотя питание подано, но навигатор молчит.

— М-мм, думаю, Кибер Лео в гибернации. Он должен реагировать только на мой голос. Трейс, пойдёмте в рубку управления, попробуем.

Включила несколько тумблеров, перевела рычаги в нейтраль, пятью кнопками оживила экраны обзора. Из бардачка вытащила гарнитуру, напялила на голову и включила микрофон:

— Кибер Лео, с добрым утром! Ты меня слышишь?

Что-то зашипело и захрипело в динамиках наушников. Переключила тут же на громкую связь:

— С добрым утром, Васка! У меня сбился календарь.

— Потерпи, Лео, сейчас всё наладим, — сказала я и повернулась к Трейсу. — Заработало. Можете продолжать. Если появятся вопросы, буду где-то тут поблизости.

Сердце прыгало от нетерпения, и с этой минуты я ходила повсюду за механиками, следила за ходом ремонтных работ. «Скорей-скорей, миленькие»!

В медицинском отсеке города-цилиндра тоже наступила горячая пора. Пригодился опыт моей новой знакомой, хохотушки Асаки; до пленения она работала на своём корабле врачом-кардиологом широкого профиля. Асака мастерски восстанавливала сердечную мышцу буквально из единичных клеток и смогла спасти даже тех, в кого было прямое попадание. К большому сожалению, взять её на борт клипера мы сейчас не могли. Как я ни уговаривала старпома: «Хороший специалист всегда пригодился бы в экспедиции!» Он был непреклонен и, как всегда, оставался железным дровосеком. Искренне жаль.

Впрочем, теперь, когда Асака нашла свою вторую половинку в виде офицера Ордуэлла,

она не чувствовала себя одинокой на этом Острове. Император Оттавий сдался, и империя пала. Республику, по решению подполья города-цилиндра, возглавил бывший офицер Ордуэлл. Простые горожане предложили его выбрать президентом. Он не отказывался от должности, но запросил помощь в виде одиннадцати членов правительства. Дело шло к радикальным переменам в жизни островитян.

«Скитальцы» не участвовали в городских перипетиях, а мечтали скорее улететь с Острова, и вернуться к любимому и родному дому, звездолёту «Скитальцу-1001». Асака разрывалась между дружбой со мной и возлюбленным. Ей льстило стать женой президента, с одной стороны. А с другой стороны, ей не хотелось терять подругу. И мне тоже. В плену она меня частенько здорово выручала. Что мы могли в этой ситуации сделать? Мы только пообещали людям когда-нибудь вернуться за всеми, кто жаждал вырваться с этого острова, плавающего в когтистых лапах мощных гравитационных полей двойной звёздной системы Лиры-2. Лично для меня вопрос состоял в том, а когда же на самом деле наступит это замечательное «когда-нибудь»? Здесь, на космическом острове погибших кораблей, мне пришлось узнать, что такое дружба, преданность, отчаянье, злость, предательство, — выходку Надина не могла объяснить до сих пор, — и что такое победа.

Дружба с Асакой перевернула мои представления о взаимоотношениях людей, близких тебе не только по духу, но и терпящих вместе с тобой все неурядицы и бедствия. Преданность подруги, друзей и близких сплотила угнетённых островитян и «скитальцев» из экипажа клипера. Мы договорились о дальней космической связи и помогли наладить передающую и приёмную антенны. Всегда приятно получать электронные письма и радиограммы от друзей! Отчаянье закалило наши характеры и оставило неизгладимый след в наших душах. Мы теперь не будем прежними и беспечными. Космос таит в себе ещё немало коварных тайн, непростых загадок и невидимых ловушек. Космос не так дружелюбен, как это может показаться первопроходцам.

Злость — вот то чувство, которым тяжело управлять, если оно настигает и штормовой волной захлёстывает твоё нутро. Злость заставляет совершать человека ошибки, непоправимые порою. Злость — это пёс, которого надо держать на стальной цепи и в жёстком ошейнике с шипами. Находясь в плену на острове погибших космических кораблей, я это поняла и запомнила. Да мы все получили урок в этой короткой, но беспощадной войне. И наконец, услышали все: и мы, и островитяне, сладкое слово «победа»! Она далась «скитальцам» дорогой ценой. Есть потери, есть раненные, есть генетический материал для клонирования. Возрождение наших товарищей можно провести лишь в специальной лаборатории на борту родного звездолёта «Скиталец-1001».

Вечером состоялся дружественный банкет. «Скитальцы» и «королевичи», островитяне истинные, родившиеся здесь, и занесённые гравитационным ветром из других созвездий, — все, кто нам хоть чем-то помогал, уместились за столом. Повариха Жадилина и её помощница Стаси, превзошли самих себя в кулинарных изысках: куры гриль с репой и чесночные колбасы из синтетического мяса, соусы и закуски, булочки и пироги с тыквой и морковкой. После морса и чаёв народ запел песни. Кто-то обнимался, кто-то плакал, а кто-то смеялся. Нашли инженеры «королевичи» где-то музыку. Люди пустились в пляс. Праздник удался на славу.

Мы с Асакой грустили. Через семь часов истекал ресурс времени для возможного манёвра.

— Васка, мы будем связываться с тобой по дальней связи, хорошо? — спросила Асака,

утирая слёзы.

— Непременно, — поддакнула я, — каждую неделю обещаю, но по обстоятельствам. Космос — не дорожка из кухни на задний двор.

— О, да, — рассмеялась Асака и я вместе с ней.

Последние объятия, обмен подарками, поцелуями. Я бросила прощальный взгляд на город-цилиндр на острове погибших космических кораблей. Фотографии и киносъёмка на память. Экипаж выстроился у трапа: Николас и Кугер, Дик, Люси и Надин, Дэнвил и я.

— Занять места на борту клипера! — гаркнул в рупор Вин Локвуд.

— Мика? — переспросил настойчиво Вин Локвуд. — Не вижу Мику.

— Я здесь, — Мика вышел из толпы «королевичей», крепко держа за руку Сиртако. Глаза женщины сияли счастьем. — Командир, я остаюсь. Сиртако согласилась стать моей женой. Мы починим дисколёт «Королева Луди» и тоже улетим отсюда.

— Но в систему Омега Орла. Прилетайте к нам в гости, будем рады! — ответила за обоих Сиртако. — Планета Фита готеприимна.

Вин Локвуд выглядел растерянным.

— Совет да любовь, — прокричал весь экипаж дружно и захлопал в ладоши.

— Таков расклад, значит? Присоединяюсь к поздравлениям, — сказал ошарашенный Вин Локвуд и обнял по очереди Сиртако и Мику.

Я поднялась на борт предпоследней. Заняла место пилота, включила кибера Лео, опросила системы пилотирования. Отлёт прошел штатно.

— Ключ на старт, Васка!

— Есть ключ на старт.

— Зажигание!

— Есть зажигание.

— Старт!

— Поехали! — эта фраза стала традиционной для всех потомков космолётчиков.

Мы вернулись на борт звездолёта почти вовремя, когда до гравитационной ловушки оставалась всего каких-то три часа полёта, то есть, три световых часа, но наша эскадра успела и сманеврировала заранее. По широкой дуге караван из космических кораблей обогнул эту пресловутую полость Роша и продолжил намеченный ранее курс. Победа за нами!

— Дедушка, — кинулась я обниматься с любимым дедом.

— Внученька! — умилился дед по началу, потом собрался и приказал. — Пилот Васка Торн, смирно! Сегодня вечер награждений, ты обязана быть в полной форме!

— Есть, дедуля, — сказала я, размазывая слёзы по щекам.

— Ну, ну, детонька, — дед чмокнул меня в макушку, — повзрослела-то как, выросла, возмужала.

Звездолёт «Скиталец-1001» величественно плыл среди безмолвных звёзд. Минули день, другой, третий. Прошла неделя, а затем месяц, другой, третий. Через полгода мы летели вперёд по курсу, как и прежде. Будто ничего и не было. Просыпаясь перед сменой, я каждый раз удивлялась воспоминаниям об острове, затерянном вдали от космических трасс, Острове погибших космических кораблей.

Минет ещё год-другой и будет вообще трудно представить, что где-то среди звёзд есть

такое небесное тело, которое имеет атмосферу не внутри себя, а снаружи, и она никуда не улетучивается в открытый космос. Несмотря ни на что, по-моему, это сказки! Ну а остров погибших космических кораблей на задворках Вселенной, — конечно же, не в счет, — это единичное исключение. Опять же город-цилиндр вынужден был постоянно поддерживать атмосферу искусственно. По истечении времени, когда сотни тысяч парсек остаются за бортом, мне иногда думается, а не приснились ли все аборигены, плен, генномодифицированные мыши, решительный бой и другие приключения экипажу «Скитальца-1001» во время глубокой гибернации? Я выключила свет на минутку, чтобы удостовериться в своём предположении, и...

— О, Великое Двоединоначалие! — прошептала я. Мои руки и ноги источали зеленоватое сияние.

Хемлюминисценция не исчезла вовсе. Я поискала под кроватью что-нибудь металлическое и тяжёлое и нашла большой гаечный ключ для подтягивания болтов в шкафчике, каркаса полка и сундучка для инструментов. Проверить силу, доставшуюся от супермышы, просто, — я взялась за концы гаечного ключа и лёгким движением рук, согнула его в дугу. Этого показалось мало, и я завязала железяку узлом. Щёлкнула выключателем, свечение кожи исчезло. Села на кровать, задумавшись о реалиях, что было или не было ли, и положила гаечный ключ на стол.

— Васка, к тебе можно? — заглянул Дэнвил в каюту. Он увидел моё макраме из гаечного ключа и обомлел. — Мда-а, сила есть, ума не надо.

— Точно, Дэнвил.

— Так это... Горячий душ в цехе механической мастерской на Острове погибших космических кораблей не помог?

— Не-а, трансгены ни светящейся мышы, ни супермышы не отключились. Я-то думала, что этот остров — лишь сон во время гибернации экипажа. Проверяла нулевую гипотезу вот, — потрясла гаечным узором перед носом Дэнвила.

— Ну и как, проверила?

— Гипотеза не подтвердилась. Кто теперь на мне женится-то, даже не представляю, — сказала я несколько огорчённо и готова была зареветь. Всхлипнула.

— Я, я женюсь, — ответил тихо Дэнвил. Он взялся за гаечный ключ, отложил его в сторону и поцеловал мои руки. — Не плачь! Нашла о чём переживать, ненаглядная супермышь!? Сильная женщина — мечта поэта! Я готов просить руки легендарного пилота Васки Торн у твоего знаменитого дедушки. Ты согласна, любимая?

— Дразнишься? Возможно да, но при одном условии.

— Каком же, любовь моя?

— В брачную ночь не будем выключать свет, хватит с меня и одного твоего обморока.

— Согласен, зелёная, — пошутил мой новоявленный жених.

— Ах, я зелёная! — я схватила подушку и давай лупить Дэнвила по загривку. — Я зелёная!?

Дэнвил ответил тем же. Вскоре по каюте снежным вихрем летали и опадали на пол клочки синтетической ваты.

— Люблю зелёный цвет...

Старая колея. Я обожала чувствовать в руках штурвал звездолёта, пусть даже все действия контролировались корабельным Навигатором и старшими по званию членами

экипажа. В командной рубке, как и прежде, сидя в кресле пилота и крепко-накрепко пристегнувшись ремнями безопасности, я любила смотреть на звёзды и целые звёздные скопления, проплывающие мимо нас, виднеющимися между рваными клочковатыми облаками из ионизированного водорода. Ржаво-красный оттенок придавал им таинственно-зловещий вид, что рождало в воображении мир гротескных чудовищ, готовых напасть на всякую дичь, случайно забредшую на окраину Галактики.

Как и ранее, я всматривалась за горизонт видимости, насколько позволяло это сделать обычное человеческое зрение, и видела, как чернильное облако безразлично-холодной пустоты прорезывают сполохи жёлто-белых лучей от далёких квазаров. Хаотичные завихрения сиреневых и розовых водородных туманностей клубятся и ширятся, лениво поглощая звёздную пыль, чтобы через сотни миллионов лет слепить из комков глинистой материи протодиски, где зародятся астероиды, планетоиды и планеты. Но более всего в обозримой забортной панораме я лицезрела нечто такое, что наши умники-астрономы называют войдами. Если есть скопления звёзд и галактик, то войды можно назвать скоплением пустоты. Величественное ощущение Ничего непостижимо для психики нормального человека! О, Великое Двуетидноначалие!

Эпилог

Звездолёт «Скиталец-1001» величественно плыл среди безмолвных звёзд. Сквозе пустоту к горячей живой материи, планете с кислородной атмосферой в созвездии Надежды. Минул не один день, за ним другой, следом третий. Прошла неделя, а затем месяц, другой, третий. Мы, далёкие потомки атлантов, летели вперёд по курсу, как и прежде. Будто бы ничего и не было. Конечно же, если бы не напоминания в виде узла из гаечного ключа и... ну сами знаете, чего.

Больше книг на сайте — Knigolub.net